Вестник
Орловского Дома литераторов

Выпуск 8

РАДУГА НАД БЕРЕГОМ ДЕТСТВА

Сборник работ финалистов IV конкурса
на лучшее литературное произведение
для детей «Берег детства»

РАССКАЗЫ ДЛЯ ДЕТЕЙ
*
СКАЗКИ
*
СТИХИ ДЛЯ ДЕТЕЙ

БУКОО «Орловский Дом литераторов»
Орёл 2021

УДК 82-1
ББК 84(2р)6
В 38

Под общей редакцией А.В. Фролова
Редакторы: А.И. Кондратенко, С.С. Голубева

В 38

Вестник Орловского Дома литераторов. Выпуск 8. – **Радуга над берегом детства**: сборник работ финалистов IV конкурса на лучшее литературное произведение для детей «Берег детства». – Орёл, 2021. – 196 с.

В 2020-м году в Орле проведён IV областной литературный конкурс непрофессиональных авторов на лучшее художественное произведение для детей «Берег детства». Для участия в конкурсной программе в адрес оргкомитета поступили 580 работ от литераторов из 63-х регионов России и 15-и зарубежных стран.

В сборник вошли лучшие произведения 44-х авторов, принявших участие в финальной стадии конкурса. Интересные, добрые, поучительные рассказы, стихи и сказки достойны внимательного прочтения – как детьми, так и взрослыми.

© Орловский Дом литераторов, 2021

ОТ СОСТАВИТЕЛЕЙ

Идея проведения областного литературного конкурса авторов, пишущих для детей, была подсказана самой жизнью, а точнее – современным состоянием детской литературы, состоянием, надо сказать, оставляющим желать лучшего.

Не нами давно доказано, что нравственное, интеллектуальное, эстетическое развитие детей и подростков напрямую связано с получаемой ими духовной пищей. Огромную роль в социализации личности играет книга. Вхождение ребенка в книжную вселенную происходит в первую очередь с помощью литературы, специально созданной для детей. Именно детская литература питает ум и воображение ребёнка, открывая ему новые миры, образы и модели поведения, являясь мощным средством духовного развития личности.

Однако, сегодня проблемы детского чтения, издания книг и периодики для детей и подростков в целом по стране стали ещё острей. Коммерциализация книжного рынка отрицательно сказалась на выпуске детской литературы и картине детского чтения: произошёл резкий спад показателей издания отечественной детской литературы. Школьные и детские библиотеки содержат в основном литературу, изданную ещё в советские времена.

Образовавшуюся нишу как-то подозрительно быстро нашлось чем заполнять. И сегодня не может не настораживать обильный приток переводной детской литературы, погружающей юного читателя в нереальный мир фэнтези, что едва ли может положительно влиять на формирование детского сознания в наиболее интенсивный период его духовного роста.

Закрывать глаза на нынешнее состояние детской литературы – значит отнимать у детей важную часть их жизни, потворствовать безвкусице, развитию равнодушия и бездуховности среди подрастающего поколения.

Почему всё это происходит? Неужели у современных российских авторов совсем утрачен интерес к созданию добрых, развивающих и воспитывающих литературных произведений для детей? Может, их и нет вовсе, новых создателей сказок, рассказов и стихов для детей? Мы решили поискать. В первую очередь, среди авторов, профессионалами пока не ставших, тех, кто нуждается в поддержке своих, может, робких пока ещё сил. Забегая вперёд, скажем: нашли, и немало.

Так родился областной литературный конкурс непрофессиональных авторов на лучшее художественное произведение для детей «Берег детства». Надо отметить, что назвали конкурс организаторы, нисколько

не сомневаясь, по одной из книг писателя Василия Катанова – известного на Орловщине рассказами и стихами для маленьких читателей. Поработать в жюри позвали орловских писателей, членов Союза писателей России.

Первый конкурс (тогда ещё не помышляли о втором) состоялся в 2015-м году, собрал чуть более 30-и участников, чего, в общем-то, хватило для определения победителей. Ими стали: в номинации «Рассказы для детей» – Борис Вдовин (г. Орёл), в номинации «Стихи для детей» – Антонина Балабанова (г. Новосиль); а вот в номинации «Сказки» выявить победителя оказалось труднее, и в итоге специальный диплом за талантливое поэтическое переложение сказки Г.-Х. Андерсена «Снежная королева» получила орловчанка Маргарита Суверина.

Следующий конкурс «Берег детства» состоялся в 2018 году, и с этого года стал проходить ежегодно. Называем победителей.

2018 год: Ирина Беспалова (г. Орёл – стихи), Алексей Ильинский (г. Орёл – рассказы), ряд конкурсантов были отмечены благодарностями организаторов;

2019 год: в поэтической номинации победу разделили Александр Гордеев из Мценска и орловец Евгений Дербенко, в прозаической лауреатом стал Сергей Слесарев (д. Шашкино, Мценский район).

IV областной литературный конкурс непрофессиональных авторов на лучшее художественное произведение для детей «Берег детства» организаторы решили сделать открытым, предложив участвовать в нём всем желающим независимо от места проживания. Также было решено проведение конкурсов в дальнейшем посвящать орловским литераторам, в разные годы успешно работавшим в детской литературе. В 2020-м году конкурс «Берег детства» был посвящён памяти поэтессы Натальи Сердюковой.

Результат расширения географических границ конкурса получился ошеломляющим, но кроме забот организаторам добавилось радости и уверенности в том, что литература для детей в нашей стране жива, и умирать не собирается. Для участия в конкурсной программе пришли 580(!) заявок из 63-х регионов России и 15-и зарубежных стран.

Выбрать из множества добротных работ лучшие было непросто, но в итоге – лауреаты определены, отмечены наградами, а произведения финалистов IV конкурса «Берег детства» составили сборник, который мы и предлагаем вниманию читателей. Мы намеренно не выделяем победителей конкурса – все работы, вошедшие в сборник достойны прочтения и читательской оценки.

Остаётся пожелать вам получить удовольствие от хорошего чтения!

РАССКАЗЫ ДЛЯ ДЕТЕЙ

Александр АГАФОНОВ
г. Ростов-на-Дону

ПОДАРОК

Пятикласснику Ване вручили на день рождения подарок. Новенький смартфон. Чёрный, тонкий, с большим матовым дисплеем. Мечтал о смартфоне Ваня. Несколько раз напоминал родителям о том, что он для него – лучший подарок.

Только не радуется подарку Ваня. Не тот это смартфон, не самый лучший. Им не похвастаешь перед друзьями. Не удивишь им девочку Люсю, сидящую за соседней партой. А так хочется поймать её восторженный взгляд!

– Почему же не радуешься подарку, Ваня? – спрашивают сына родители.

– Тебе не нравится этот смартфон? – интересуется дедушка.

Вздохнул Ваня. Нечего сказать. Не хочет расстраивать родителей. Пошёл в свою комнату. Дедушка – за ним.

– Поговорим, Ваня?

– Поговорим.

Насупился внук. Плечи опустил. Вихрастую голову наклонил. В пол смотрит, всем видом показывая, что не склонен сейчас разговаривать, да только дедушке отказать не может. Любит дедушку очень, и дедушка отвечает взаимностью.

– А знаешь, какой подарок на день рождения запомнился мне? – спрашивает дедушка.

– Откуда же мне знать? – невесело отвечает Ваня. – Ты мне об этом ещё не говорил.

Улыбнулся дедушка. Чувствует настроение внука.

– Что ж, Ваня, пришла пора рассказать. Слушай! В годы войны это было, в тысяча девятьсот сорок втором году, – начал рассказ, поглаживая Ваню широкой ладонью по голове. – В нашей деревне жило в то время много народу. Семьи-то большие были, по восемь-десять человек.

Вот и у моих мамы с папой было девять детей. Я родился в тридцать втором последним.

Вздохнул дедушка, вспоминая детство, и даже не заметил, как на глаза набежала слеза.

– Папу с началом войны призвали в армию, а мама продолжала работать лесником. Когда же деревню заняли немцы, ушла к партизанам. И нас, своих детей, с собой забрала.

– В лес?

– Ну да. Тогда ведь за связь с партизанами фашисты расстреливали семьями. Ни стариков не щадили, ни детей. Можешь такое себе представить?

– Да, – ответил Ваня, – я читал об этом. И учительница говорила, когда рассказывала про пионеров-героев.

Улыбнулся дедушка ответу внука, порадовался.

– Это хорошо Ваня, что ты знаешь кто такие пионеры-герои. Времена изменились, но подвиги героев забывать нельзя. Ну а когда я родился, ты, надеюсь, помнишь?

– Конечно. Ты родился зимой.

– Вот-вот, – подхватил дедушка, – зимой. А что можно зимой ребенку подарить? Да ещё во время войны?

Пожимает плечами Ваня. Не знает, что можно подарить в лесу в декабре. А ведь и без подарков оставить именинника нельзя!

Сидит, морщит лоб. Даже не заметил, как отвлёкся от дум о смартфоне.

– А дарили мне разное. Кто яблоко, чудом как сохранившееся. Кто кусочек хлеба. А старший брат, которого, кстати, тоже звали Ваней, подарил мне маленький трофейный пистолет. Брат был в отряде разведчиком. И пистолет тот добыл во время одного из партизанских рейдов.

– Настоящий? – не поверил Ваня.

– Самый что ни на есть настоящий, – улыбнулся дедушка. – Я даже пострелял из него однажды.

– Ну а что с ним случилось потом?

– А потом про пистолет узнала мама и отобрала его. Боялась, что могу себя и других из него поранить. Я, конечно

же, переживал. Тоже ведь считал себя партизаном. И вот ведь что любопытно: много лет с той поры прошло, а тот день рождения помню отчетливо. И землянку нашу полутемную. И широкую улыбку брата. И пистолет. Маленький, холодный, блестящий...

– Ещё бы, – вздохнул Ваня, – я бы тоже никогда не забыл настоящий пистолет.

– Нет, внучок, не в этом дело, – покачал головой дедушка. – Просто это был последний подарок моего старшего брата, который вскоре погиб в бою с фашистами. А вообще подарки ведь не главное в жизни. Намного важнее, что близкие про тебя не забыли. Согласен?

– Не знаю, – всё ещё не отбросил обиду Ваня.

– А ты подумай! Вот за что бы ты сегодня обижался на нас, если бы мы не вспомнили про твой день рождения? За то, что не подарили смартфон?

Ваня потёр лоб кулаком. Потом улыбнулся, обхватил деда руками за шею, поцеловал.

– Спасибо дедушка, я всё понял.

– Вот и хорошо, – улыбнулся он в ответ. – А теперь пойдём в комнату. Мама накрыла для тебя стол. Праздник продолжается.

Алексей ШУПИКОВ
г. Брянск

ИКОНА

В нашем доме была старинная икона. Отец говорил, что когда он был ещё студентом, его родители купили дом. А на чердаке этого дома, в соломе нашли несколько старинных икон. Как они там оказались? Оказались они там, по-видимому, из храма, стоящего рядом с домом. Когда то, давным-давно, во времена революции, церкви повсеместно закрывали и грабили, такая участь не обошла стороной

и этот храм. Церковь закрыли, а благочестивые жители прятали от поругания церковную утварь у себя по домам. Прятали кто где: на чердаке, в подполе, а кто и вовсе закапывал. В общем, много воды с тех пор утекло, и когда мои бабушка с дедушкой переехали в город из деревни, купив старый дом, возле разрушенной церкви, на чердаке их ждала находка. Людьми они были простыми, советскими, конечно, не отъявленными атеистами, но и не набожными. И когда нашли иконы, то не придумали ничего лучше, как повесить их на стену для красоты, рядом с портретом Чехова и картиной Айвазовского «Девятый вал».

Время шло, отец получил квартиру от работы, и бабушка, вспомнив старую добрую традицию дарить на новоселье икону, подарила образ отцу.

Квартира наша была однокомнатной, но с отгороженным темным закутком, и в простонародье называлась полуторкой. Собственно в этом закутке и была моя комнатка – здесь едва умещалась кровать с небольшим письменным столом, на котором в углу стояла эта икона. Она была довольно большая, написана на цельном деревянном полотне. Хотя местами краска уже слетела, обнажив грунт, а местами и само дерево, понять, что было на ней изображено, не составляло труда. Это был стройный человек с длинными волосами и в одежде до пят, держащий небольшую веточку в поднятой вверх руке. Я хорошо помню эту икону, потому что когда меня наказывали и ставили в угол, а происходило это очень часто, то для вразумления и пущей строгости я стоял в самом тёмном углу, в котором, собственно говоря, и стояла эта икона. Бывало, я долго смотрел на неё, часто задаваясь вопросом, кто же изображён на ней? мужчина ли? женщина? но потом этот вопрос быстро отпадал и я просто её рассматривал. Меня привлекали огромные крылья за спиной человека, диковинная одежда, облака под ногами, иногда, когда становилось совсем скучно, я начинал разговаривать с изображением. Как правило, я жаловался на родителей, несправедливо меня наказавших, и, что

интересно, после этих жалоб мне всегда становилось легче. Молиться я тогда не умел, да и в нашей семье это никто не практиковал, поэтому первые молитвы рождались сами собой, да и то, лишь тогда, когда я был наказан и стоял в углу.

Затем родители купили дом, начался переезд, и вот тогда икона впервые стала мешать. Звучит жутковато, не правда ли? но это так. Они долго не могли найти ей место, то ли дело маленькие иконки, прекрасно разместившиеся в полочке шкафа стенки, а вот куда поставить эту большую, никто не мог ума приложить. Сначала хотели оставить там на квартире и уже вроде бы оставили, но в самый последний момент мама почему-то передумала и забрала её с собой. Я был искренне рад этой перемене, так как к иконе очень привык, да и в силу того, что я рос жадным мальчиком, мысль оставить чужим людям что-то своё, заставляла меня расстраиваться. В общем, долго думали, где её поставить, и наконец придумали. На шкафу в родительской спальне, под самый потолок. Там, где впоследствии рядом с ней лежали шапки, кепки, рукавички и шарфы.

Вот так мы и начали жить в доме. Прошло несколько лет, я уже подрос, в углу больше не стоял, и моё общение с иконой как-то незаметно прекратилось. Лишь зимой, когда искал шапку или рукавички, ловко закинутые мной на шкаф, я пересекался взглядами с иконой, да-да, именно пересекался. Мне казалось, что она обижена на меня, и я прекрасно понимал, за что. От этого мне становилось грустно и даже как-то не по себе, но найдя потерянную шапку, я вихрем уносился из дома и напрочь забывал об иконе и обидах.

Так уж повелось, что у меня тогда было три любимых праздника: новый год, день рождения и поездка к бабушке. Все они были лишь раз в году, и потому ждал я их с трепетом необычайным. Бабушка жила далеко, билет стоил немалых денег, и поэтому позволить себе такое путешествие мы с мамой могли только тогда, когда отец уходил со службы в отпуск и получал отпускные, но этим летом всё пошло не так.

Этим летом он уволился со службы и поехал в Москву на заработки, так делали многие в конце девяностых. Работал он вместе с моим крёстным, дядей Юрой, которого я очень любил. Он был важный, с густыми усами, много шутил и всегда дарил подарки, но, самое главное, у него была машина и я очень гордился, когда он нас подвозил до дома и соседские мальчишки с завистью смотрели на меня, у них не было такого крестного, это уж точно. Но вернёмся к лету.

Чайник подобно электричке засвистел на плите, мама накрывала на стол, а я сидел и теребил пальцами край кружевной скатерти.

– Чего кислый такой? – спросила мама, потрепав меня по светлым вихрам.

– Да ничего, – отмахнулся я. – Просто мне кажется, что к бабушке мы в том году не поедем...

– Это почему?

– Потому что лето заканчивается, папка в Москве, а денег, чтоб поехать, нет...

– Ну, во-первых, деньги есть, просто не для поездок, тебя ведь ещё в школу собирать.

– Вот я и говорю, что денег нет.

Пар от борща струился над столом... Жареные кабачки с чесноком и сметаной, помидоры нарезанные аккуратными дольками, не такие как сейчас в супермаркете, а душистые, сладкие, равно как и огурцы, от которых немного слипались губы... А я всё сидел, понурив голову, не притрагиваясь к еде.

– Так, давай ешь, поедем мы к бабушке на этих выходных, – вдруг выпалила мама.

– А как же..? – я чуть было не поперхнулся от услышанного.

– А так, что придут деньги, расчёт за форму, которую не получал папка наш. А когда мы приедем, и он уже вернётся с зарплатой. Так что ешь, не забивай голову.

Я не мог поверить своим ушам, надо же как может всё измениться за несколько секунд.

– А поедем в пятницу?
– Да, поедем в пятницу.
– А ты за деньгами когда пойдёшь?
– В четверг.
– А?
– Так! ешь давай, птица-говорун!

Всю неделю и было разговоров разве что о предстоящей поездке. Я докучал матери каждую секунду, бесконечно задавая одни и те же вопросы, под конец начиная выводить её из себя. Время вдруг стало таким вязким, точно клей, я бесцельно слонялся по улице, ежеминутно поглядывая на часы, но время точно застыло и ползло как улитка. Это сильно раздражало но ничего не поделаешь, я терпеливо ждал и наконец дождался.

В четверг я проснулся в хорошем настроении, дрянная погода за окном меня никак не огорчала, напротив, я был рад, что уже завтра утром мне будет абсолютно всё равно: дождь ли за окном, похолодание. Меня ждала поездка к бабушке. А там огромная семья: братья, сёстры, тёти, дяди, и все в одном доме, и всем весело.

Кое-как я дождался трёх часов дня, и мама стала собираться за деньгами. По телевизору показывали какое-то неинтересное кино, собственно говоря, и канал у нас был всего один, а у бабушки было много каналов, и мысленно я уже был там, а не здесь. Вообще, как правило, летом дети едут к бабушке в деревню, а мы, напротив, к бабушке в город, так уж сложилось, потому что сами мы жили в очень маленьком городке, походившим более на большую деревню.

Мама наконец ушла, и я принялся ждать. Ожидание было недолгим, хотя я и не знал, чем заняться: сначала расставил солдатиков на полу, затем пошёл во двор и пару раз пнул мяч, вернулся, включил музыку, взял книгу, отложил книгу и опять вышел во двор, как вдруг пришла мама.

– Сынок, дай мне синий таз, дойду до Лукашковой.
– А где он?
– На машинке стиральной.

Я побежал, вприпрыжку за тазом, а когда принёс его, то увидел, что мама какая-то не такая.

– Деньги дали? – спросил я, затаив дыхание.

– Нет!

Вдали что-то громыхнуло.

– Как же, но ведь, – начал было я, задыхаясь.

– Там же в кадрах Свириденкова Лариска сидит, которая нас заливала в квартире, помнишь, так вот сказала: «Денег в кассе нет и будут только через неделю». А смысл ехать через неделю, когда уже папка приедет?

– Я так и знал, – сокрушённо махнул я рукой и поплёлся домой.

– Сынок, мы обязательно поедем, – успокаивала мама. Но я уже её не слушал, я зашёл в комнату и плюхнулся на широкую кровать.

Жизнь словно остановилась, надежды были разрушены в один миг, я ненавидел эту Лариску из кадров, ненавидел само слово «кадры» и вместе с ними весь мир.

Сколько я так пролежал не помню, но вдруг на глаза мне попалась икона, та самая, с которой я разговаривал ещё пару лет назад. Как родилась эта идея, я и сам не понял, но, встав с кровати, я подошёл к ней и, подняв голову, чтобы лучше видеть, принялся просить, чтобы она помогла мне попасть завтра к бабушке. Много чего было сказано мной, наверное, целая исповедь получилась: я просил прощения за то, что забыл о ней, за то, что больше не разговаривал, как раньше. Крестился, как сейчас помню, левой рукой, но несмотря на это, получил облегчение.

Только я закончил «молитву», как во входную дверь постучали. Войдя в прихожую, я увидел знакомую чёрную машину крёстного, стоящую у коричневого палисадника.

– Кто там?

– Сто грамм, открывай крестник.

Я открыл дверь, на пороге стоял дядя Юра в тёмных очках, хитро улыбаясь.

– Здарова, Лехман, – так он называл меня всегда.

– Здравствуйте, – поздоровался я в ответ.

– Мама дома?

– Нет, ушла к Лукашковым.

– Это туда за ручей?

– Ага.

– Ладно, Лехман, я спешу, держи от бати подарок, – он протянул мне свёрток.

– Дядь Юр, так вы ж в Москве были?

– Был, но мы теперь с батей твоим вдвоём, вот он меня подменяет, а я на пару деньков домой. Конверт, смотри, матери отдай, не потеряй.

– Хорошо.

– Ладно, пока-пока.

– До свидания, дядь Юр!

Естественно я посмотрел, что было в конверте, там были деньги, и причём много. Столько, что, по моим меркам, и на поездку к бабушке и на обновки к школе хватило бы с лихвой. Конечно же, сказать иконе спасибо я на радостях забыл, да и куда там. Ведь вечером, когда пришла мама, мы стали собираться в поездку.

А икона эта до сих пор стоит у нас дома. Изображён на ней Архангел Гавриил с благой вестью к Пресвятой Богородице. Правда, узнал я это, когда мне уже было лет двадцать пять, не меньше. А недавно я узнал, что храм, в котором она скорее всего была до революции, восстановлен, там идут службы и мало-помалу налаживается приход. Возникла идея, вернуть икону туда, где её место, а, с другой стороны, может, теперь её место в нашем доме?

Екатерина ШЕЛЕМЕТЬЕВА
г. Санкт-Петербург

КАК ВАРЯ БОЯЛАСЬ ШКОЛЫ

В большом городе, где много домов, машин и людей, на улице Кирова стоял детский сад. В этом саду варили самую вкусную кашу, придумывали самые весёлые игры, рассказывали самые волшебные сказки. Одним словом, это был замечательный детский сад, где очень любили детей.

Каждый день, около пяти часов дня, подготовительная группа детского сада отправлялась на прогулку. Выходили ребята парами, держась за руки. И гуляли справа от крыльца на маленьком лысом пятачке земли между беседкой и песочницей. Пятачок был лысым по двум причинам: во-первых, детсадовцы каждый день на нём прилежно топтались. А во-вторых, весна в этом году выдалась холодная, и даже в начале мая трава не желала прорастать.

В тот день подготовительная группа, как всегда пришла строем на площадку и рассыпалась на маленькие кучки человека по три-четыре. Несколько мальчишек бегали вокруг воспитательницы Ольги Петровны, кричали, что они космические захватчики и поработят планету. Четыре подружки с длинными косичками строили в песочнице огромные замки. Другие дети играли в прятки и догонялки. И было совершенно не ясно, кто от кого прячется и кто кого догоняет.

Чуть в стороне от остальных, на краешке бордюра, сидели трое друзей: Варя, Оля, Тёмка – и рисовали мелом на асфальте. Варя рисовала ежа. Он был похож на большую грушу утыканную черточками-иголками. Оля выводила мелом цветочки, а Тёмка – длинную предлинную змею.

При этом мальчик всё время вздыхал:

– Всё! Кончилось детство, – обречённо заявил он, шмыгнул носом и пририсовал змее шляпу.

– Почему? – удивилась Оля, раскрашивая розовым мелком очередную ромашку.

– Брат так сказал, – Тёмка снова вздохнул. – Подошёл ко мне вчера и говорит: «Всё, Тёмыч, кончилось твое детство, скоро в школу пойдёшь. Будешь там на уроках сидеть и двойки получать».

Варя отошла на шаг, полюбовалась ежом, хороший получился, колючий и на дикобраза похож.

– Врёт он всё, брат твой, – сказала она и дорисовала ежу-дикобразу ещё пару иголок, – мы ещё маленькие.

Варе нравилось быть маленькой. Маленьких все любят, балуют и делать ничего не заставляют. Играй себе, мультики смотри и конфеты жуй.

– Нее, не врёт, – вздохнул Тёмка. – Я маму спросил, она тоже говорит, что я взрослый и в школу пойду.

– Ты может и взрослый, а мы маленькие, – вмешалась Оля, – вон Варя самая низенькая в группе. В общем, ты, Тёмка, иди в школу, а мы тут останемся.

Тёмка посмотрел на подругу и фыркнул.

– Все пойдём. Осенью.

В это время Ольга Петровна как раз стала собирать ребят.

– Дети! Стройтесь парами. Давайте-давайте. Побыстрее! В группе ужин стынет. Вы же взрослые. Без пяти минут первоклассники, а построиться не можете.

Тёмка, Варя и Оля переглянулись, взяли друг друга за руки и встали рядом с воспитателем. Ольга Петровна смерила их пару из трёх человек строгим взглядом, вздохнула, но ничего не сказала.

После ужина за Варей пришла мама и повела её на танцы. Всю дорогу до танцевальной студии Варя шла молча. Только возле булочной резко затормозила и попросила ватрушку.

– Без ватрушки я танцевать не могу. Сил нет, – хитро заявила девочка и изобразила голодный обморок.

Мама засмеялась и купила две ватрушки – себе и Варе. Девочка шла рядом с мамой, жевала и думала о школе. В школу ходила Варина старшая сестра Даша. Давно ходи-

ла, наверное, лет сто. И ей там не нравилось. Варя хорошо помнила, как по утрам сестра спрашивала:

– Маам, ну когда каникулы? Скоро? Не могу больше учиться.

Варя вздохнула. Тяжелые мысли застряли в голове и уходить оттуда не собирались. Она думала о школе, пока жевала булку, пока надевала танцевальную форму и даже пока танцевала.

«Интересно, какая она будет, эта школа? С кем я там буду дружить? Оля и Тёмка попадут в мой класс? А учительница будет похожа на Ольгу Петровну или на Марину Олеговну?»

Варя посмотрела на учителя танцев: высокую девушку с длинным хвостом на затылке и с широкой улыбкой. Учительница на Варю тоже посмотрела и строго сказала:

– Не отвлекайся!

После танцев, Варя подошла к сестре и спросила про школу.

– Школа, школа, – закатила глаза шестиклассница Даша. – Что вы пристали ко мне с этой школой? Вот пойдешь осенью и всё узнаешь.

* * *

На другой день, сидя в песочнице, Оля, Тёмка и Варя обсуждали новости. В детском саду скоро устроят большой праздник со странным названием – выпускной. Потом наступит лето, и дети разъедутся кто куда. Оля с мамой на море, в Крым. Тёмка и Варя к бабушкам в соседние города.

Лето – это здорово! Лес, речка, бабушкины оладушки, ягода на грядке, сказки перед сном. Но когда лето кончится, начнется ШКОЛА страшная и ужасная. По крайней мере, старшие браться и сестры так говорят. Они школу не любят, да и родители побаиваются.

И нужно непременно что-то придумать, чтобы туда не ходить.

– А давайте в лес убежим? Или в саду на чердаке спрячемся, и будем там жить? – предложил Тёмка.

– В лесу волки водятся, а на чердаке пыльно, – сообщила ему Оля. – И вообще я на море хочу с мамой.

– А в школу хочешь? – подозрительно спросил Тёмка.

Оля помотала головой.

– Тогда на чердак, – сурово сказал ей мальчик и достал из кармана горсть сушек и фонарик. Показать, что к жизни на чердаке он уже готов.

– А давайте всем скажем, что мы ещё маленькие, – предложила Варя, – рано нам в школу.

– Не поверят, – хором ответили Оля и Тёмка.

Варя хитро улыбнулась. А вечером неожиданно разучилась читать, писать и считать. Села мама с ней заниматься, а у Вари потеря памяти: ни одну букву, ни одну цифру не помнит.

– Вот смотри, – говорит мама, – если я тебе две конфетки дам, а потом ещё две. У тебя сколько будет?

– Мало, – говорит Варя и на конфеты поглядывает.

Тут в кухню как ураган ворвалась старшая сестра и заявила:

– А давай все конфеты поровну поделим?

Вытряхнула из вазочки гору конфет и забрала себе. А сестрёнке только одну штучку оставила самую маленькую и невкусную. У Вари от такой страшной несправедливости слёзы из глаз брызнули.

– Стой, обманщица! Почему мне одну, а тебе много?

– Пополам, по-честному, – хохочет сестра, и конфеты показывает, – хочешь, сама посчитай.

– Это нечестно! У тебя семь, а у меня только одна, – Варя расстроилась и забыла, что не умеет считать. Забрала у сестры конфеты и сама поделила поровну, по четыре.

Мама с Дашей переглянулись, заулыбались, но ничего не сказали.

С чтением тоже ничего не вышло. Только Варя заикнулась, что забыла все буквы и читать разучилась, как маме почтальон посылку принёс с детскими книжками. Одна другой ярче, красочнее и интереснее.

– Почитай мне, – попросила Варя маму, – пожалуйста.

Мама согласилась, села на диван, начала читать. Но только добралась до самого интересного, как ей с работы позвонили.

– Почитай сама, у меня разговор важный, – сказала мама и ушла на кухню.

Варя задумалась: сказка очень интересная, мама занята, папа на работе, может Даша почитает?

Но сестра только отмахнулась:

– Сама почитай. У меня завтра контрольная.

Варя вздохнула. Она знала, если скоро контрольная, Дашу трогать нельзя, а то сестра двойку получит.

Девочка ещё немного побродила из комнаты в комнату, а потом взяла книжку и стала читать. И сама не заметила, как дочитала до конца. Очень уж сказка попалась интересная.

* * *

А на следующий день в город пришло лето. Солнце светило ярко-ярко, на городских клумбах распускались цветы, на деревьях появились маленькие листики. И даже полянка, где гуляли детсадовцы, покрылась нежной зелёной травой.

Греясь на солнышке, дети забыли, о школе. Впереди было целое лето, огромное и бесконечное, как море.

Очень быстро закончился май, прошли праздники в детском саду. Никто не заметил, что подарки в этом году оказались какие-то «школьные»: пеналы, альбомы, фломастеры. А мамы как-то непривычно хлюпали носами и вытирали глаза, глядя, как их малыши в последний раз строем идут за воспитателем в группу детского сада.

А потом все разъехались кто куда: на море, на дачи, в гости к бабушкам и дедушкам, в отпуска или просто во дворы и на детские площадки.

* * *

Варя гостила у бабушек целых два месяца. Вернее, сначала она гостила у одной бабушки, а потом у другой. У каждой

по месяцу. Домой девочка вернулась только в августе за неделю до первого сентября.

И не успела вернуться, как взрослая, школьная жизнь обрушилась на неё. Сначала мама повезла дочь в магазин выбирать школьную форму и обувь. И в первом же магазине оказалось, что школьницы должны носить белые колготки, белые блузки и синие юбки или сарафаны. Но Варя-то любит розовый. Замечательный, очень яркий, самый прекрасный и девчоночий розовый цвет. Да она за все семь лет ни разу не надела ни одного синего платья.

Девочка ходила за мамой по магазину, вздыхала и выпячивала нижнюю губу. Не помогало. Мама, словно, не замечала Вариного настроения. Она мурлыкала себе под нос «учат в школе, учат в школе, учат в школе» и улыбалась.

– Правда, красиво? Чудесно! Ты только посмотри! – восклицала мама каждый раз, когда дочь мерила очередное синее платье.

Варя вздыхала и хмурилась.

Купив школьную форму, мама повела Варю в обувной магазин. Там девочка сразу нашла красивые розовые туфельки с бантиками и показала маме. Но та покачала головой и потянулась за синей парой.

Но и это было ещё не всё. В другом магазине мама выбрала Варе школьный рюкзак. Он был розовый. Но такой большущий, что низенькая Варя боялась, как бы рюкзак её не съел. Оживёт, подкрадется ночью, откроет огромную пасть, «ам» и проглотит.

Вечером, лёжа в кровати, Варя не могла уснуть. Она ворочалась с боку на бок и опасливо поглядывала, то на огромный розовый рюкзак, то на стопку тетрадей на письменном столе.

В комнату заглянула старшая сестра.

– Не спишь?

Варя помотала головой.

– Мама сказала, ты не хочешь в школу.

– Не хочу, – чуть слышно шепнула Варя и по привычке выпятила нижнюю губу.

Даша кивнула:

– Боишься?

– Ага. Вдруг мне там не понравится, или я двойку получу. И контрольную не напишу и играть со мной никто не будет, – перечисляла Варя свои страхи и всхлипывала, – вдруг меня рюкзак проглотит.

Даша улыбнулась.

– Не проглотит. Он тетрадками и учебниками питается. И вообще, на вот, возьми.

Сестра подошла к Варе и сунула ей под одеяло старого плюшевого кота, чёрного, глазастого, в полосатом шарфе и с улыбкой, вышитой красными нитками. Эти нитки всё время отрывались. Мама и Даша по очереди пришивали их на место.

Кота звали Фёдор, недавно ему исполнилось одиннадцать лет. Он был любимой игрушкой Даши, и Варе запрещалось его даже трогать.

С этим котом Даша путешествовала, спала, ездила в гости, но главное, именно с ним семь лет назад она пошла в первый класс. И вот теперь Даша принесла кота Варе.

– Спасибо, – шепнула Варя и крепко прижала кота.

– Ага, – растерянно отозвалась сестра и вышла из комнаты быстро-быстро, чтобы не передумать.

А через несколько дней, первого сентября, Варя пошла в школу.

Утром мама достала из шкафа сарафан, белую блузку и белые колготки, на которых красовались розовые горошины. Потом она расчесала Варины волосы и закрепила на голове девочки пышный бант – белый в ярко-розовый горошек. Варя подошла к зеркалу, долго рассматривала своё отражение и осталась довольна. Хорошо получилось, красиво.

Когда мама, Варя и Даша собрались выходить из дома, из магазина прибежал папа. Он принёс два букета цветов – красные садовые розы для Дашиной учительницы и розовые для Вариной.

Увидев цветы, Варя одобрительно кивнула, но букет не взяла. Вместо него она прижала к груди потрепанного плюшевого кота. Так все впятером они и пошли в школу. Впереди, как первопроходец папа, за ним Даша, а следом Варя за руку с мамой и кот Фёдор.

На школьном дворе было шумно и весело. Повсюду были шарики, играли веселые детские песни, суетились дети и родители. Почти все школьники держали перед собой букеты цветов, а среди цветов белели огромные банты девочек первоклашек.

Мама и папа нашли Варин класс и подвели дочку к учительнице. Это была высокая, рыжеволосая женщина средних лет. Увидев Варю, она широко улыбнулась:

– Здравствуй, меня зовут Надежда Викторовна. А ты, наверное, Варя, я о тебе много слышала.

Варя тихонечко поздоровалась и, чтобы не бояться, выставила перед собой плюшевого кота.

Учительница заулыбалась ещё шире:

– А этого ученика я знаю, – со смехом сказала она, – это Федя. Сколько же лет мы не виделись?! Не знала, что ты снова идёшь в первый класс!

Варя растерянно смотрела то на учительницу, то на кота. Неужели они знакомы?!

Девочка хотела спросить об этом. Но увидела, как с другого конца двора им машет Даша. Варя помахала в ответ. И учительница помахала.

Варя совсем растерялась. Тут мама шепнула ей, Надежда Викторовна раньше учила Дашу, поэтому она знает Федю. В первом классе сестра тоже носила кота в школу.

Варя кивнула и почти перестала бояться. Она встала к другим ребятам и стала оглядываться. Но тут кто-то больно ткнул её пальцем в спину.

– Ай! – вскрикнула Варя и обернулась.

Улыбаясь во весь рот, перед ней стоял Тёмка. В новых брюках, белой рубашке и с бабочкой на шее – очень красивый. В руках Тёмка держал букет подсолнухов высотой с него.

– Привет! – заорал Тёмка, размахивая букетом, как мечом, – а мы в одном классе. Здорово, да? А Олька в соседнем классе, будем к ней на переменах бегать.

– Ага, – кивнула Варя.

– А у тебя бантики красивые и платье, – радовался Тёмка, – а у меня вот, – он гордо ткнул пальцем в галстук-бабочку.

– Классная! – улыбнулась Варя.

Ей стало нравиться в школе. Вон как здесь оказывается красиво, и все её знают, и Тёмка с Олей рядом. Зря они не хотели идти, хотели на чердаке спрятаться или маленькими притвориться. Варя широко улыбнулась и стала подпевать детской песенке «учат в школе, учат в школе, учат в школе».

После линейки у первоклассников был классный час. Варю посадили за парту вместе с Тёмкой. Выдали учебники и красочные книжки про природу. Похвалили тех, кто уже умеет читать и писать, рассказали, как нужно вести себя на уроках. И всё это Варе очень понравилось.

А вечером папа и мама купили дочкам огромный торт со взбитыми сливками и поздравили школьниц с началом учебного года.

Перед сном Варя уложила рядом с собой плюшевого кота, накрыла его одеялом, поцеловала на ночь и тихонько шепнула:

– Засыпай скорее. Завтра важный день. Завтра мы с тобой пойдём в школу!

Александр САВЧЕНКО
г. Новокузнецк, Кемеровская область

АРОМАТ СОЛНЕЧНЫХ ЛУЧЕЙ

Каждое утро из окна дома, расположенного напротив, исходили разнообразные и не совсем уверенные звуки пианино. Кто-то, постигший начала музыкальной грамоты, настойчиво пытался взобраться на следующую ступеньку в своём музыкальном искусстве.

...Вначале Шурик попросту выплывал из сна при первом появлении звуков и с любопытством ловил каждый отрывок незатейливой мелодии. Он представлял, как чьи-то пальцы касались клавишей и из большого музыкального инструмента невидимыми птичками выплывают ноты. Одна за другой они выплывают во двор, пересекают пространство над пыльной тропинкой и попадают в его комнату.

Через несколько дней Шурик настороженными шажками стал подходить к раскрытому окну, направляя уши, словно телесные локаторы, туда, где рождались загадочные звуки... Надо же так: умеют люди из отдельных звуков создавать радостную мелодию!..

Мама уходила на работу рано. Когда он просыпался, то всегда знал, что рядом на тумбочке его ждет незатейливый, но желанный завтрак. Шурик по привычке отпивал несколько глотков прохладного молока и крошил в стакан рассыпчатый кусочек хлеба. Со стаканом в одной руке и чайной ложкой в другой Шурик подходил к широкому подоконнику и, неторопливо вылавливая размокшие в молоке крошки, прислушивался к возникающей и гаснущей мелодии. Он знал, что в их домашнем магнитофоне записаны более совершенные и интересные музыкальные произведения. Но то было сочетание невидимых, словно замороженных кем-то звуков, а здесь они рождались вживую и от них исходило особенное тепло, от которого становилось не только радостно, но и празднично.

Время, казалось, было бесконечным, но примерно через час музыкальный инструмент оставляли в покое. И вслед за этим из растворенного окна разносился вездесущий девчоночий голосок. Он уговаривал кого-то не гонять голубей, просил малышню, чтоб та не лезла в клумбу, а какому-то озорнику обещал посадить в карман настоящую жабу. Однажды девчонка крикнула:

– Красная майка! Смотри, не объешься!

Шурик вздрогнул, угадав, что эти слова обращены к нему. Он поднял над головой пустой стакан и негромко ответил:

– Я так завтракаю...

– Все люди едят за столом. А ты Жора-обжора!

– Нет. Я – просто Шурик. А ты?

– Я – Соня-засоня!

Так состоялось знакомство.

Соня, довольная недолгим разговором, с любопытством рассматривала нового знакомого. Мальчик равнодушно покачивал рукой, зажав ладонью порожний стакан...

Казалось, он смотрел не на девочку, а куда-то поверх макушек высоких тополей. Соня высунула язык – мол, принимай это за своё глупое молчание. Но мальчик оставался безучастным. Такое равнодушие ущипнуло её самолюбие.

– Бебе! Вот тебе! – крикнула она с вызовом.

Шурик поставил стакан на подоконник, но снова ничего не ответил. Это окончательно возмутило девочку. Она, язвительно показала пальцем в сторону мальчишки:

– Ты слепой что ли?

Шурик прижал стакан к груди, будто боясь, что кто-то посторонний отнимет его из рук, и, в ответ дружелюбно кивнул головой:

– Ага.

Соня с удивлением поглядела на странного мальчика, застывшего в проеме окна.

– И не видишь меня?

Мальчик покачал головой.

– И наш дом?

Шурик повторил то же движение.

– Прямо совсем, совсем?..

Кивком головы Шурик утвердительно ответил и на это.

Кажется, вопросы были исчерпаны, но Соня не унималась.

– И даже солнце?

– Нет, где солнце – там тепло, – он протянул перед собой руку, – вон там солнце...

– Ты большой, Шурик?

Было заметно, как мальчик напрягся, вытянувшись на цыпочках.

– Я ещё выше, но меня не видно всего... – и снова коснулся пятками пола. – Мне целых шесть лет...

– И мне тоже столько, – с готовностью ответила Соня и добавила, –но это будет только через месяц.

После обеда Шурик сидел на подоконнике, гладя загривок дремавшего и одновременно похрапывающего кота Елизара. Солнце укатилось за крышу пятиэтажного дома. Двор затих, изморенный полуденным солнцепеком.

Неожиданно из знойной тишины прорезался Сонин голос.

– Тебе кто такую кошку подарил?

– Никто. И это совсем не кошка, это Елизар. Он живёт здесь всю жизнь...

Соня помолчала, как бы готовясь к сложному вопросу.

– К тебе можно?

– Можно. Приходи, только не ударься. Мама сказала: у нас в коридоре перегорела лампочка.

Через несколько минут Соня стояла рядом с Шуриком, гладившим мохнатое темечко Елизара, а тот растянулся на подоконнике и не обращал внимания на появление незнакомой гостьи.

Она с любопытством разглядывала разбежавшиеся на голове мальчика белесые, почти прозрачные, волосы. В разрезе его глаз вздрагивали дымчатые пятнышки зрачков. Соня пыталась всмотреться и поймать взглядом эти пятнышки, но они постоянно, как ртуть, ускальзывали от её взора.

– А у вас гости бывают? – неожиданно спросил маленький хозяин дома.

– К нам никто не заходит. У нас паркетный пол... Папе уже надоело его натирать...

– А у нас на Севере каждый день гости приходили. С ними, знаешь как, весело... Мой папка – геолог. И друзей у него целые тыщи... Они всю тундру облазили...

– Ну, уж тысячи!.. – робко возразила Соня. – Такого не бывает...

– Не хочешь – не верь. Твое дело. Вот папка вернется – тогда сама увидишь...

Соня сначала усомнилась в словах Шурика, но он произносил их так убедительно, что ничего не оставалось, как только поверить всему, что произнёс Шурик.

– Почему вы сейчас не на Севере? Ведь ваш дом там...

– У нас здесь умерла бабуля. Теперь это наша квартира. И Елизара...

– Как звали твою бабулю?

– Я же говорю: бабуля. Не понимаешь? – и, растягивая слова по слогам, пояснил, – ба-ба-У-Ля! Выходит, бабуля!

– Мы с мамой видели, как её хоронили. Много стареньких людей тогда было во дворе.

Постояла, помолчала. Потом как бы вспомнила:

– У меня тоже есть бабушка Клава, только она живёт далеко, в деревне. Там мой папа родился...

– Почему она к вам не едет?

– Потому что болеет. И ещё билет дорогой. Надо ехать две ночи и три дня... Когда вырасту, сама к ней поеду... Бабушка нам пишет к каждому празднику и ждет, когда я стану большая.

На другой день, когда Соня закончила играть и он стоял на своём обычном месте у подоконника, до Шурика донёсся знакомый голос:

– Ты опять ешь?

– Ага! Чтоб быстрее расти.

– А мне ужасно надоели эти бемольки и бекарики!..

– Не хочешь и не играй. Кто тебя заставляет...

Откуда-то из глубины двора проник резкий женский голос:

– Сончик, это что за разговоры? Немедленно садись за ноты! А ты, мальчик, не отвлекай девочку. Сам бездельничаешь – не мешай другим!..

Шурик затянул шторой проем окна и побрел в кухню. Ему стало нестерпимо обидно. Ну, почему всё устроено так, что взрослые, когда захотят, начинают вмешиваться в его жизнь? Он же сам ни к кому не лезет и не надоедает... А вот они могут всё... И лишь потому, что недобрая женщина была Сониной матерью, обида в Шурике стала утихать и вскоре совсем забылась.

У кухонного стола он всегда оказывался в другом мире, куда через форточку проникал неугомонный шум улицы с гудками автомобилей и шарканьем чужих шагов по тротуару... Ему очень хотелось оказаться там и понять, куда и зачем так необъяснимо торопятся машины и спешат взрослые люди...

Прошло несколько дней. Шурик напрасно надеялся услышать звук Сониного инструмента или её голос. Мальчик привык к дневному одиночеству в стенах многолюдного дома, но с исчезновением Сони он неожиданно почувствовал себя безгранично сиротливым. Казалось, что кто-то очень злющий решил нанести ему большую обиду, наказав полным одиночеством. А когда он вечером засыпал, ему казалось, что Сонин голос провожал его до того места, где человек уже ничего не помнит. Так проходил один день за другим.

В одну из ночей Шурика разбудил взволнованный голос мамы:

– Тебе плохо, сынок?

Шурик очнулся, он не мог понять, в чем дело.

– Ты почему кричал во сне и кого-то звал?

Мальчик по привычке протер кулаками глаза и, вспоминая увиденный сон, ответил:

– Я, мама, летал во сне. Ты спи. Там была она...

– Кто она? – насторожилась мама.

Но Шурик, медленно повалился на правый бок и снова погрузился в более глубокий сон. Ему ещё раз виделось, как он воспарил над землей, над машинами и домами и полетел, легко взмахивая руками. Он летел и летел. А навстречу плыли искрящиеся шары. Он не различал их цвета, потому что вообще не знал, каким бывает на свете цвет. Но от каждого шара отдавало неиссякаемым теплом. Нежным и ласковым, как мамины руки. Шурик приблизился к самому огромному шару. Коснулся его и «увидел» Соню. Он узнал её по знакомому голосу, исходящему из самой середины сферического пространства...

– К тебе можно, Шурик? – обдавало его встречным ветром.

– Да... – ответил он и понял, что его голос слился с долгожданным голосом Сони.

...Однажды около полудня он сидел за столом в зале, бесцельно перебирал монеты, которые папа хранил в специальном альбоме.

– Шурик, Шурик! Я тебе привезла цветы.

Он моментально приблизился к распахнутому окну, оттянул ткань тяжелой шторы. Встал ногами на стул и показался почти во весь рост.

– Ты что?! Ведь упадешь же – раздалось изнутри двора.

– Нет! Я сам знаю... Никуда не упаду...

– А я болела на даче, – в радостном голосе Сони за лёгкой хрипотцой чувствовалась не прошедшая ещё простуда.

– Не хвастайся! Я тоже весной болел и кашлял. А на дачах одни комары...

– Что ты! Там столько всяких цветов. Но мне больше нравятся ромашки. Они такие же, как ты... И бабочки около них...Капустницы и пожарницы.

– Я не похож на ромашку, – покачал головой Шурик. – Люди не растут из земли...

Она сколупывала носком туфельки плотную корочку земли. Шурик направил взгляд поверх пронизанных жаром крыш. В Сонином окне хлопнула створка.

– Доченька, иди в дом... Я открыла банку с твоим любимым вареньем.

– Не хочу, мам.

Тут же с досадой и строгостью:

– Тогда прибери в своём уголке. Ты же знаешь: мне всегда некогда!

– У меня там всё в порядке.

Наконец, настойчивый голос требовательно приказал:

– Папа хочет тебя видеть, Соня. Немедленно марш домой!

Девочка положила горсточку ромашек на пыльный цоколь кирпичного дома и, молча, направилась к своему подъезду.

Два дня она не давала о себе знать. Не было слышно ни звука пианино, ни её голоса. Шурик помнил маленькую соседку только по голосу и жалел, что не успел «увидеть» её – коснуться пальцами лица девочки. На третий день в дверь кто-то нерешительно постучал – словно поскрёбся... Шурик догадался, что там могла быть только Соня. Он повернул ручку двери, спросил, мысленно охватывая окружающее пространство:

– Это ты?

Девочка промолчала. Но Шурик слышал, как она сняла туфельки, почувствовал, как гостья осторожно прошла мимо него, и почти беззвучно направилась в зал. Остановилась у стола, стоявшего посередине комнаты.

Он улавливал её глубокое, немного хрипловатое дыхание.

– Твоя мама не разрешает играть со мной? Да? – спросил он.

Соня промолчала. Потом тихо произнесла:

– Я всё равно видела, как ты с Елизаром что-то строил из кубиков.

– Дворец. Ещё сказки ему рассказывал. А он ленивый, совсем не хочет меня слушать, – Шурик улыбнулся одними губами, – знает только: спит да храпит...Что за человек!..

– Он сказочный котище, Шурик! – звонко засмеялась девочка.

Соня провела пальцем по клетчатой скатерти, накинутой на круглый стол.

– Ну, я пойду...

– Немного постой! Почему так быстро уходишь?

Маленький хозяин квартиры застыл у шкафа, в котором хранилась зимняя одежда родителей. Соня задержалась у порога.

– Ты кем станешь, когда вырастешь большим?

Шурик странно изогнул руку, прислонив локоть почти к самому подбородку.

– Художником. Меня скоро положат в больницу, и я буду видеть. Тогда нарисую тебя. Я и сегодня смогу нарисовать твой голос. Хочешь, Сонь? Я смогу...

Он не знал того, как в полумраке коридора расширились её удивленные глаза.

– Мой папа говорит, что тебе надо учиться на баяне. А я не люблю музыку. Ты, Шурик, правда, станешь художником?

– Ага. Мне уже купили краски и кисточки. Мама их спрятала в шкафу и сказала, чтобы никто не прикасался. Подарят зимой после операции...

– Только пусть не покупают баян... Ладно?

Шурик промолчал.

Соня приоткрыла входную дверь. Но задержалась на пороге.

– А ты хоть раз в жизни видел солнце? – Соня снова большими синими глазами уставилась на мальчика.

– Видел, – откровенно и утвердительно кивнул Шурик, – только я тогда был совсем маленький. Меня дедуля нёс на руках, а солнце было совсем рядом. Громадное такое прегромадное и тёплое, как мамины руки. А по солнцу шли люди... Знаешь, чем оно пахло?

Соня изумленно сложила в кучку узенькие ладошки. И промолчала, у неё не было ответа.

– Нет, ты всегда не знаешь! – безнадежно отмахнулся рукой Шурик.

– Ну, и скажи: чем?

– Чем, чем... Укропом! Вот тебе чем! Теперь оно так не пахнет.

Соня отслонилась от косяка, ступила на лестничную площадку и бесшумно притворила за собой дверь. Шурик сосредоточенно стоял до тех пор, пока осторожный стук Сониных каблучков удалялся по ступенькам вниз. Потом с металлическим скрежетом хлопнула входная дверь. И всё.

Лето закончилось неожиданно, как заканчивается тонкая полоска туалетного мыла между ладоней. Время повернуло на осень. Небо затянули плотные облака, изредка поливающие землю холодной изморосью. Теперь все окна в квартире, кроме выходящего во двор, оказались закрытыми. Весь мир для мальчика сразу же удалился на недоступное расстояние. И в том, другом мире заметно поутихли прежние звуки, даже замедлилось передвижение автомашин и пешеходов...

Мама с вечера сказала, чтобы Шурик надел тёплую курточку. И вот он, подперев ладошками подбородок, сидит в тёплой одежде и вслушивается в слабое чириканье воробьёв. В доме, где живёт Соня, совсем тихо. Правда, кто-то нажал подряд на несколько клавиш пианино, и звуки, еле успевшие родиться, почти полностью погасли, пробившись сквозь плотное сырое пространство...

Шурик знает, что где-то в своей квартире находится Соня. И она не может не подойти к окну, она обязательно подойдет. Мальчик, приоткрыв шире створку окна, ждет этой минуты с затаенным трепетом. Ну, не может быть такого, чтобы Соня не выглянула на улицу!

Действительно, через некоторое время в Сонином окне кто-то всколыхивает занавеску, и в ту же минуту, как на фотографии, обозначилась её фигура. Но Шурик не знает всего этого. Он не видит цвета её платья, не видит, как она протирает тряпкой влажную поверхность по низу стёкол и передвигает тяжеленные горшки с цветами. Наконец, Соня осторожно распахивает своё окно. И неожиданно по двору звонко разносится:

– Шурик! Шурик! Слышишь, Шурик! Ты самый счастливый! Ты знаешь, чем пахнет солнце!..

Он сначала молчит. Но проходит минута, и Шурик убирает локти с подоконника. Он улыбчиво щурится. Потом вытягивается во весь рост и, молча, грозит Соне маленьким кулачком.

– Я тебя всё равно нарисую! – почти неподвижными губами шепчет мальчик. – Увидишь сама, что нарисую... Вот увидишь, увидишь...

Но его слова так и не достигают противоположного дома.

Людмила ТКАЧЕНКО
г. Минск, Беларусь

БЕЛОСНЕЖКА СПАСАЕТ ГНОМОВ

Первой писк услышала Катька.

– Ой, мыши! – взвизгнула она и поджала ноги.

Мы со Славкой прервали важный разговор и недовольно посмотрели на Терешкину.

– Ты что, мышей боишься?! – презрительно выпятил нижнюю губу Славик.

– Их моя мама боится, – пояснила Катька и поежилась. – Ну, и я, наверное, тоже, – неуверенно прибавила она.

– Наверное ... тоже! – передразнил её мой друг. – Зря только...

– Тише! – перебил я его и прислушался.

Откуда-то действительно доносилось слабое попискивание. Катька на всякий случай забралась на лавочку с ногами, мы же со Славкой, наоборот, храбро спрыгнули на пол и принялись обследовать беседку. Обычно-то нас сюда не пускают старшие ребята, а сегодня, по счастливой случайности, нам удалось, наконец, заполучить её в своё владение. Так что нам было вдвойне любопытнее заглянуть во все углы. Кстати, ничего интересного мы здесь не нашли: фантики от конфет, бутылки из-под воды да какие-то журналы.

Скамейки и стены были плотно исписаны и изрезаны, а пол зиял выломанными досками. В одной из таких «дыр» они и обнаружились... семь крошечных мышат! Они копошились в куче какого-то тряпья и пищали.

– Есть, наверно, хотят, – тут же с умным видом заявил Славка.

– А давайте их покормим! – воодушевилась Катька. Она уже слезла с лавочки и теперь с умилением разглядывала серые комочки. – Какие малюсенькие...прямо мышиные гномики!

Мы попробовали достать мышат, но не смогли до них дотянуться.

– Ой, они умрут с голоду! – Терешкина всегда предполагала самое худшее.

– Ничего не умрут, – буркнул Славка, – придёт их мама и накормит!

– А где же она, а?! Вдруг её съела Белоснежка?! – не успокаивалась Катька.

Я тоже забеспокоился. Мышата пищали всё сильнее, а мамы-мыши всё не было. Может, Терешкина и права насчет Белоснежки... кошка всё-таки... Додумать я не успел, потому что моей ноги что-то коснулось, и над «мышиной дырой» взметнулся пушистый белый кошачий хвост.

– А-а-а!!! – в голос заревела Катька.

Мы со Славкой в ужасе схватились за руки и зажмурились. Серые комочки больше не пищали...

– Ишь, ты, кормит! – раздался над нами удивленный голос бабы Нади.

От неожиданности мы со Славкой распахнули глаза и остолбенели. Белоснежка и не думала есть мышат – она развалилась на куче тряпья, а серые «гномики» жадно припали к её животу.

– Она их спасла!! Спасла!! – восторженно захлопала в ладоши Катька. – Это волшебная кошка!!

– Фея! – со знанием дела важно подтвердил внук бабы Нади четырехлетний Макарка.

– Да нет, – качнула головой баба Надя, – обычная кошка... поди, мимо бежала да услышала писк! А у неё у самой котятки вот недавно народились...так что мама она... ну, а для мам чужих детей не бывает! – убеждённо сказала дворничиха: – Пойду-ка я этой «волшебнице» колбаски принесу, докторской! – и, тяжело переваливаясь с ноги на ногу, она, строго наказав Макарке никуда не уходить, направилась к подъезду.

Я тоже помчался домой в надежде раздобыть чего-нибудь съестного для Белоснежки. А когда вернулся обратно, с сосиской и папой, у которого я, собственно, её и отобрал, то обнаружил у беседки маленькое столпотворение из жильцов нашего дома. Это, не без помощи Макарки, конечно, по двору разнеслась весть о «волшебной» кошке. В основном, все ахали и умилялись, и только «злой тролль» нашего двора – дядя Гена из второго подъезда вопил:

– Грызуны – разносчики заразы!!! Надо немедленно вызвать санитарную службу!! Пусть их потравят!!! Пока мы все не заболели чумой!!!

Ахающие тетеньки сразу притихли, Катька со Славкой испуганно забились под стол, и только баба Надя, уперев мощные кулаки в бока, стойко держала «оборону».

– Не заболеете! – доказывала она «троллю», – потому что Вы сам и есть чума! И разносчик... скандалов! И это Вас надо потравить!

Я молча шмыгнул под стол к Катьке со Славкой. Папа тоже в спор не вступал, хотя по его лицу было видно, что он полностью согласен с бабой Надей. Он заглянул в «мышиную дыру» и быстро пошёл домой. Я подумал, что он испугался «тролля» и мне стало чуточку за него стыдно. А между тем дядя Гена в своих «проклятиях» добрался до Белоснежки.

– А кошка?! Ей положено есть мышей, а не кормить их!!! Она просто ненормальная!! – и он пообещал извести её с котятами, как и мышей.

В этом месте Белоснежка выскочила из «мышиной дыры», выгнула спину дугой и сердито зашипела на «тролля».

– Говорю же – сумасшедшая!! – взвизгнул тот и, странно подпрыгивая, бросился к дому.

– Ирод, санстанцию побежал вызывать! – нахмурилась баба Надя. – Вот что, ребятки..., – начала она, но договорить не успела, потому что вернулся мой папа... с мамой, Григом, круглой коробкой из-под печенья и ...топором.

– А «тролль» уже ушёл! – огорчились мы со Славкой.

– Вооон туда побежал! – махнула рукой в сторону второго подъезда Катька.

Но оказалось, что топор предназначался вовсе не для противного дяди Гены. Папа с Григом быстро выломали доску и осторожно «переселили» мышат в коробку.

– В зоомагазин сдадим, – пояснил папа бабе Наде.

– А Белоснежка с котятами? – забеспокоились мы. – Их тоже надо спрятать от санитарной службы!

– Ну..., – задумчиво нахмурилась баба Надя, – положим, кошку я заберу в деревню. Но вот пять котят...!

Конечно, все сразу же захотели посмотреть на Белоснежкиных детей. Они были такие маленькие и пушистые, что мы со Славкой прямо как с ума сошли – все гладили и гладили их не переставая. А Катька взяла черного котенка и побежала домой.

– Я очень-очень попрошу мамочку взять тебя! – прошептала ему на ушко Терешкина.

Мы со Славкой с завистью посмотрели ей вслед.

– Да не разрешат ей! – не очень уверенно «успокоил» меня лучший друг.

Я только вздохнул – моя мама ни за что не хотела взять даже черепашку.

– Нет! – обычно очень твердо говорит она на все наши просьбы.

– Смотрите, какая-то «не наша» машина приехала!! – закричал Леха из третьего подъезда, – наверное, «морители»!

– Ой! – испуганно воскликнула моя мама, – надо срочно что-то делать!

Лично я собрался разреветься. Но баба Надя придумала другой выход:

– Разбирайте котят! – подсказала она и поторопила собравшихся: – Ну, же!

Мама сначала замерла, а потом вдруг наклонилась и храбро взяла бело–рыжий комочек.

– Ну, да, – как-то судорожно вздохнула она, – чужих детей не бывает!

И я всё-таки разревелся. Только уже от счастья!

А потом мы поскорее пошли домой придумывать имя нашему любимцу.

Борис ВДОВИН
г. Орёл

ТАИНСТВЕННЫЙ ЯЩИК

– Ух ты, что это? – спросил я у Вити. Какая-то военная штука?

На окраине деревни, около старого заброшенного сада, стоял дом. Он был в ужасном состоянии. Крышу проломило старое дерево, упавшее от сильного ветра, а вокруг всё поросло крапивой высотой в человеческий рост.

В этом доме раньше жил одинокий дедушка, который, по словам соседей, прошёл всю войну.

Мы с братом и Витей давно хотели туда сходить, но боялись. Страшновато было идти в «разрушку»!

Меня последнее время очень увлекали книги про сталкеров, тех, кто увлечён поиском и обследованием малоизвестных, нередко опасных для жизни мест. Именно поэтому появлялось огромное желание побродить где-то по заброшенным местам и поискать артефакты.

Всё же желание стать настоящим сталкером перебороло мой страх, и я уговорил Колю и друга пойти в этот дом.

Дорога к нему была недолгой, но участок с крапивой доставил нам много хлопот. Она была очень густая и колючая. Первым шёл я, прокладывая дорогу. За мной брат и Витя. Тяжелее всего пришлось Кольке. Он был в коротких шортах и майке.

Дверь в доме была открыта, и мы беспрепятственно вошли в небольшой тамбур.

– Ого, – сказал брат, – это прямо настоящий дом ужасов!

– Это точно, – подтвердил Витя, – хорошо, что мы днём пошли, а не вечером.

– Как в музее, – добавил я, – только заброшенном.

Перед нами стоял стол с ящиками и дверцами, накрытый потрескавшейся клеёнкой. На столе лежала пожелтевшая газета «Сельская жизнь» 1995 года. Дальше по левой стороне была дверь на кухню.

Дверь нехотя открывалась, издавая противный, скрипучий звук.

– Ужас, – прошептал брат, – прям как в склепе!

Из-за обвалившейся крыши дождь и снег попадали на потолок – с него вода стекала по стенам. Обои, когда-то украшавшие стены, лежали на полу. Над головой висели куски краски, отслоившиеся от потолка. Углы были затянуты огромной паутиной, а стол, стоявший слева от входа, покрыт толстым слоем пыли.

Вдруг кто-то щёлкнул выключателем, и мы замерли.

– Да не бойтесь! – сказал Витя. – Это я щёлкнул, думал, свет есть.

Лампочка не зажглась.

На краю стола стояла кружка, а за ним в самом углу, стул. Наверное, это было любимое место хозяина. Справа от входа располагалась огромная печь. К ней был прислонён ухват, а внутри стоял чугунок.

Я знал, что в печах раньше прятали клад, только был он здесь или нет, мы не знали. Но ради интереса вытащили чугунок и осторожно подняли крышку. Внутри было что-то

похожее на угли. Возможно, это была картошка, которую не сняли с огня.

Прямо перед нами была закрытая дверь. Лучше бы мы её не открывали!

От влаги дверь разбухла и без помощи друга я не смог её открыть. Под счёт «три-четыре» мы с Витей ударили по ней плечом. Дверь резко распахнулась и ударила по кастрюле, стоявшей за ней, а мы кубарем рухнули на пол. Раздался металлический звон. Под потолком комнаты, в двух углах были гнёзда ласточек. Птицы от этого неожиданного шума вылетели из гнёзд, пролетели несколько кругов по комнате, издавая громкий писк, и стали биться о стёкла окон.

Эта ситуация нас очень напугала. Быстро поднявшись с пола, в полусогнутом состоянии мы вбежали в комнату справа и захлопнули за собой дверь. А Колька с криком выбежал из дома и скрылся в гуще крапивы. Несколько минут мы сидели на полу, переглядывались и боялись пошевелиться.

В комнате стояли кровать с истрёпанными от времени подушкой, матрасом и одеялом, двухдверный шкаф и тумбочка. Над кроватью висел чёрно-белый портрет с изображением молодой пары. На противоположной стене тоже на гвоздике висела фуражка. Между рам окошка лежала вата и две ёлочные игрушки. Комната меньше всего пострадала от времени. Наверно потому, что находилась в углу дома.

За стеной птичий гам быстро утих.

– Борь, смотри, – Витя показал пальцем под кровать.

– Ух ты, что это? – спросил я. – Какая-то военная штука?

–Да, – сказал друг, подтаскивая находку к себе.

– Интересно, что внутри?

– Кто его знает, может пистолет или патроны.

Я поднял ящик за ручку. Что-то тяжелое перекатилось из стороны в сторону.

– Что если там граната? – взволнованно спросил Витя.

– Возможно, сейчас посмотрим, – с замиранием сердца я поставил ящик на пол.

Открыть ящик мне не удалось. Две защёлки по краям сильно заржавели, даже на миллиметр не получилось их сдвинуть с места.

– Вот бы сейчас пассатижи, – сказал друг.

– Да, это точно. А может, его домой возьмём? Надо как-то отсюда выбираться.

Приоткрыв дверь, мы оглядели комнату, где были ласточки. Около окна по центру стоял круглый стол покрытый скатертью. В углу справа была тумбочка с телевизором, а над ним гнездо. Больше ничего видно не было. Стараясь не греметь ящиком, мы тихо прикрыли за собой дверь и, пробравшись через крапиву, вышли в сад.

– Ну, наконец-то, – обрадовался Колька, – а я сидел тут, переживал!

После разговора с братом оказалось, что он тоже не понял, что произошло и, испугавшись крика птиц, выбежал из дома. Руки и ноги у него были покрыты волдырями от «укусов крапивы».

– Ох и досталось же тебе, – засмеялся Витька. – Крапива хорошо дом «охраняет».

Мы пришли в сарай. У дедушки было много инструмента. И уже через десять минут «мучений» я открыл ящик.

Сколько интересного! В нем лежали: фронтовые письма, свёрнутые в треугольник, несколько фотографий бойцов Красной армии и одно фото девушки, той, что была на портрете в комнате. Самодельный портсигар и та самая тяжёлая штука. Это была гильза от какого-то орудия. С одной стороны она была расплющена и оттуда торчал кусок тряпки.

– Да это же окопная лампа, – сказал друг, – эту гильзу использовали вместо светильника.

Ящик со всеми находками я оставил себе на память. На 9 мая я подарил одно письмо учителю истории. Он был очень рад такому подарку.

– Именно этого мне и не хватало, – сказал Виктор Петрович.

Сейчас это письмо лежит под стеклом витрины школьного музея.

Как хорошо, что мы оказались в этом доме!

Теперь память о защитнике нашей Родины будет жить очень долго и каждый учащийся нашей школы может увидеть настоящее фронтовое письмо.

Ирина НИЛЬСЕН
г. Альбертслунд, Дания

НЕВИДИМЫЙ

– Григорий! – так кричала бабушка своим высоким, почти визгливым голосом, когда Серёжа звал Гришку из-за забора. И потом снова:

– Григорий, к тебе пришли!

Гришку это ужасно злило, а Серёжу долгое время забавляло: она бы ещё по отчеству обращалась! Но смеяться Серёжа позволял себе только тогда, когда Гришка не слышал. Потому что он был хорошим другом. Ну и потому, что иначе Гришка не давал ему свой футбольный мяч.

Они дружили уже третий год и всё лето проводили вместе. Вдвоем: щуплый рыжий Гришка и напористый угловатый Серёжа. Так было и этим летом, пока у костровища между их дачными участками не стала собираться компания Дениса.

Друзья Дениса были огромными и громкими, а Денис – огромней и громче всех. Они сидели на бревнах вокруг костра, играли в карты, слушали музыку с телефона и хохотали так громогласно, что деревья над ними недовольно шелестели листвой.

Проходя мимо, Серёжа жадно слушал, как они хрустят чипсами и как лопаются пузыри жевательных резинок. Он иногда представлял, как было бы здорово сидеть рядом с ними, ловить искры костра и пить газировку из одной бутылки. Но Денис совершенно его не замечал, словно Серёжа был

не десятилетним мальчиком, а пустым местом. Как-то вечером, когда компания жарила на костре сосиски на прутиках, Серёжа остановился, чтобы как следует вдохнуть копчёный аромат.

– Чего уставился, малой? Давай, иди отсюда.

И Серёжа пошёл, но на этом всё не закончилось. С тех пор компания стала провожать его взглядом каждый раз, когда он шёл к Гришкиному дому. У Серёжи было такое чувство, будто он внезапно сбросил плащ-невидимку, обрёл форму и цвет. То есть стал достаточно заметным, чтобы над ним подтрунивать, но недостаточно ярким, чтобы говорить с ним на равных.

– Вчера в шапочке, сегодня в панамке, – комментировал Денис, когда Серёжа, потупившись, проходил мимо костровища. «Разве я виноват, что бабушка всё время напяливает мне что-нибудь на голову?» – хотелось ему закричать, но он знал, что от этого станет только хуже.

– Григорий! – пискляво передразнивал Денис, когда Гришкина бабушка звала того отпереть калитку. Серёжа, красный, как свежесваренный борщ, переминался у забора в ожидании друга, и в спину ему летели острые стрелы Денисова смеха.

– Вот и ужин пошёл, – потешался Денис, когда бабушка передавала для Гришки пару увесистых кабачков, и Серёжа понуро нёс это богатство мимо костровища. Обратно он возвращался с кульком клубники или банкой варенья, и Денис не упускал случая сказать, – О, а теперь десерт.

Но хуже всего было, когда компания пришла поиграть в футбол на дальнее поле. Гришка с Серёжей считали, что там никто, кроме них, не бывает, и долго возились в вонючей зеленой тине, пока доставали упавший в канаву мяч. Всё это время Денис стоял, согнувшись пополам от хохота, и наблюдал.

С тех пор на поле они почти не ходили. Вместо этого они стали гонять мяч возле дома – и, конечно, только по утрам, пока Денис с дружками отсыпался после ночных посиделок.

Так было и дождливым июльским утром, когда Серёжа в попытке отнять у Гришки мяч, так сильно по нему ударил, что тот перелетел через забор и угодил в клумбу посреди Денисова участка.

– Твоя очередь доставать, – выпалил Серёжа. – В последний раз я в канаву лез.

– Это не считается! – запротестовал Гришка.

– Считается!

Гришка покачал головой.

– Сам его запулил, сам и доставай.

– Нет! Твой мяч – ты и доставай.

– Нет, ты!

– Ты!

– Я тогда вообще его больше никогда не вынесу, – обиделся Гришка.

Это было нечестно. У Серёжи мяча не было, и Гришка это знал. К тому же, это он, Серёжа, каждый день унижается и ходит мимо костровища, а не наоборот. Поэтому лезть должен был Гришка. Но Гришка так явно не считал.

Они стояли и смотрели друг на друга, как разъярённые быки на арене, но в конце концов всё решили «камень-ножницы-бумага». Серёжа проиграл, и лезть пришлось ему.

О том, чтобы попросить Дениса вынести мяч, не могло быть и речи. Серёжа знал, что под проволочным забором-сеточкой, огораживающей его участок, с одной стороны была яма, и, изловчившись, там можно было пролезть. От этого места до клумбы было шагов десять. Восемь, если поднажать, – а Серёжа определённо собирался поднажать. Схватить мяч, расправить примятые цветы на клумбе, добежать до забора, перебросить Гришке мяч и подлезть под сетку. Несложно, – убеждал себя Серёжа. – Точнее, сложно, но выполнимо.

Он медленно подошёл к забору и всмотрелся в молчащий дом. Денис наверняка ещё спал. Серёжа обернулся на Гришку, тот коротко кивнул. И Серёжа полез.

Земля под ним была холодной, мокрой и пахла улитками. Кончики проволочного забора цеплялись за куртку, и Гришке пришлось их слегка приподнять, чтобы она не порвалась. Оказавшись по ту сторону, Серёжа пригнулся, словно и вправду мог стать меньше и незаметнее, и побежал. Он уже был в миллиметре от клумбы, когда сверху раздался окрик Дениса:

– Малой, ты участок не перепутал?

Серёжа в ужасе уставился на лохматую шевелюру в окне второго этажа. Ему бы схватить мяч рукой, как он и собирался, но всю верхнюю часть тела словно парализовало, и он сделал то, что показалось ему самым быстрым из возможных решений. Он ударил по мячу ногой.

Мяч взмыл в воздух в фонтане цветочных брызг и, перелетев через забор и костровище, приземлился в метре от Серёжиного дома. Оторванные ударом цветочные головки осыпались на землю, как осенние листья. Этого он мне никогда не простит, – решил Серёжа, пока ноги несли его к калитке, а дрожащие руки пытались справиться со ржавой щеколдой. С дачи надо было срочно уезжать.

Бабушки, как назло, дома не оказалось. Серёжа схватил свой рюкзак и стал судорожно запихивать туда вещи. Рюкзак разбух, как накачанный до предела резиновый мяч, и не хотел застегиваться. Зубная щётка! – вспомнил Серёжа, выбежал к уличному умывальнику и застыл. У калитки стоял Денис.

– Эй, малой! Как тебя там?

Серёжа посмотрел на хлипкую щеколду на калитке. Денис такую мигом откроет.

– Ну, чего притих, футболист? Пойдешь с нами на дальнее поле?

Серёжа попятился. Закричать? Бежать? Извиняться?

– Нападающий нам нужен. Сегодня играем с местными, а нам человека не хватает. Ты нормально бьёшь, я видел. Придешь, что ли? В четыре часа.

И Денис ушёл. Сердце у Серёжи билось так сильно, что он не сразу понял, что произошло. Почему он так просто ушёл? Серёжа же не успел ничего сказать! Он вошёл в дом и уставился на раскрытый на кровати рюкзак. На зубную щётку у себя в руках. И засмеялся. Он смеялся так долго и громко, что в конце концов силы покинули его. Он опустился на кровать и закрыл голову руками. Денис не ушёл просто так. Он ушёл, потому что Серёжа кивнул.

В четыре часа на дальнем поле лил дождь. Серёжа был вдвое ниже половины игроков и большую часть времени бегал не за мячом, а от него. Местные пасовали друг другу с такой силой, что, окажись у них на пути бетонная стена, они бы с лёгкостью её пробили. А быть бетонной стеной Серёже не хотелось. Но Дениса и его команду местные, похоже, не пугали. Они неслись прямо на противников, выбивая мяч у них из-под ног, и перекидывались с ними такими словами, за которые Серёжина бабушка на всё лето лишила бы их сладостей. Денис столько раз падал в грязь, пытаясь забить гол, что невозможно было различить, какого цвета на нём одежда. И вот, угодив очередной раз носом в лужу, Денис вдруг закричал: давай, малой!

Серёжа огляделся. Увидел мяч. Увидел пустые ворота и бегущего к нему местного. Подумал: я успею. И побежал. Он ударил по мячу за секунду до того, как заметил кроссовок местного. Нога в кроссовке взметнулась вверх с такой силой, словно собиралась отправить мяч в космос. Но вместо мяча попала в Серёжину голень.

Боль захлестнула его одновременно с рёвом команды Дениса: они забили гол! Он, Серёжа, забил гол! Он упал на бок, притянул колено к груди и завыл, но за радостными воплями его услышали далеко не сразу.

Вечером он сидел на бревне у костра, вытянув вперед ногу, словно входной билет. Синяк расползся почти до лодыжки и отливал всеми оттенками синего, зелёного и фиолетового. Пальцы были солёными от чипсов, язык щипало от газировки. Из Дениса, как галька из-под колёс велосипеда,

в разные стороны летели шутки, смысла которых Серёжа не понимал. Пока все надрывно смеялись, Серёжа старательно нанизывал на прутик сосиску. Она уже надорвалась с обеих сторон и то и дело норовила соскочить. Когда ему удалось наконец занести её над костром, она почти сразу лопнула и упала в огонь. Он попытался подковырнуть её прутиком, но тот оказался слишком тонким, и Серёжа с досадой бросил его в костёр. Ветер взметнул вверх пустую упаковку из-под сосисок, но никто не протянул руку, чтобы её поймать.

– Ей, малой! Ты чего скис? – обратился к нему Денис, словно только сейчас про него вспомнил. – Надо было тебе этого позвать, как его там? – Денис кивнул в сторону Гришкиного дома.

– Григорий, – пискляво ответил Серёжа, изображая Гришкину бабушку, и вся компания покатилась со смеху. Серёжа смеялся громче всех, потому что наконец-то услышал свой голос. Наконец-то все смотрели на него и смеялись над его шуткой. Вместе с ним, а не над ним. Рыжие блики костра освещали их лица, и он был в их стае. Он был одним из них. А потом всё кончилось, и Серёжа ушёл спать.

Когда он на следующее утро проходил мимо костровища, там ещё никого не было. Он поворошил ногой угли и нашёл остатки своей сосиски. Она так почернела и сморщилась, что была едва различима в золе. Можно даже сказать, она достигла той степени невидимости, которая вообще возможна в мире, где каждый предмет имеет форму и цвет.

Серёжа подошёл к Гришкиной калитке и позвал его.

– Григорий! – откликнулась его бабушка в своей обычной манере, но на этот раз Серёже не показалось это смешным. Когда Гришка щёлкнул засовом и вышел на улицу, Серёжа протянул ему мяч:

– В следующий раз на участок к Денису полезешь ты.

Гришка кивнул, и больше они об этом не говорили.

Ира ДАНИЛОВА
г. Санкт-Петербург

ТАЙНА ПРОПАВШЕЙ СМЕНКИ

В сентябре, после занятий на продлёнке, у первоклассника Гены Незабудкина пропала сменка. И в этом не было бы ничего необычного, если бы это была обычная сменка. Мало ли где первоклассник может потерять? Особенно на продлёнке, когда собирается на прогулку вместе с Колей Безобразниковым и Гришей Смешновским из первого «Г», которые вечно кидаются в раздевалке всем, что попадётся под руку.

Но Гена Незабудкин ботинки не переодевал. Это он точно помнил, потому что в дверях его остановил охранник Лев Борисыч Стражников и потребовал немедленно надеть уличные кроссовки. Гена испугался, что сейчас Лев Борисыч разглядит, какая у него грязная сменка, и не пустит обратно в школу. Или так топнет, что Гена улетит через рябину прямиком во двор соседней школы, и там и останется навсегда, как это уже случалось с котами.

Лев Борисыч Стражников недавно вышел на пенсию и стал работать школьным охранником. Ходили слухи, что раньше он был учителем. Но никто не знал, какого предмета. Он был такой строгий, что даже директор школы всегда переодевал сменку рядом с его столом и только потом шёл на педсовет. Что уж говорить о первоклассниках, которые больше всего на свете боялись забыть дома свои ботинки с белой подошвой.

Да что там директор с первоклассниками! Даже дворовые коты не смели сунуться на школьный двор без белых носочков на лапах. А все коты в округе были как на подбор с серыми, рыжими или чёрными лапами. Поэтому во время прогулок никто ни разу не видел ни одного кота, а только Льва Борисыча. После уроков он выходил вместе с продлёнкой и расхаживал возле кустов шиповника, между площад-

кой и стадионом, поглядывая по сторонам. Конечно, чтобы проверить, не забрёл ли в его владения какой-нибудь невоспитанный и неаккуратный кот, зачем же ещё?

Старшая сестра Гены, восьмиклассница Лена Незабудкина, рассказывала, что сама видела, как Лев Борисыч топнул на кота с очень чёрными лапами. Кот побежал через стадион, врезался в куст рябины, и та вся осыпалась. А Лев Борисыч рассовал рябину по карманам. Наверное, чтобы плеваться ею из ручек в ненавистных котов или в первоклассников, которые не переодели сменку. Хотя Лена смеялась, что из этой рябины Лев Борисыч мог делать бусы для медсестры Надежды Леонидовны. Но точно она не знала.

А Гена точно знал, как страшно может топнуть на него Лев Борисыч, если заметит, в какие грязные и стоптанные ботинки превратилась его сменка всего за три школьных недели, и всё время об этом думал. Но у него никак не доходили руки её помыть. Не говоря уже о том, чтобы почистить щёткой белую подошву, которая давно стала серо-коричневой в чёрную крапинку.

Но после кружка труда на продлёнке ходить в чистой сменке было просто невозможно. На кружке Сергей Иваныч Пухликов учил первоклассников изобретать колесо и смазывать его машинным маслом, замешивать компост, то есть специальную землю для дождевых червей, чтобы потом ходить на рыбалку (вряд ли Сергей Иваныч собирался брать с собой на рыбалку первоклассников, но червей первоклассников – точно). Ещё Сергей Иваныч учил ребят красить тюльпаны в синий, чтобы подарить их нянечке Дарине Родионовне на день рождения. И даже печь черничные пироги, потому что мужчины, как говорил Сергей Иваныч, готовят не хуже женщин, но всему нужно учиться.

А теперь представьте себе сменку Гены Незабудкина и остальных первоклассников из кружка труда после того, как они пролили на пол машинное масло и синьку, растоптали белой подошвой землю и чернику и получили

после этого пятёрки с плюсом за трудолюбие. А Гена старался больше всех, поэтому и ботинки у него были грязнее всех.

Дома Гена повторял пройденное, поэтому к вечеру у него не оставалось сил почистить школьные ботинки. Он так уставал, что еле-еле собирал рюкзак на завтра и ложился спать. А утром, придя в школу, каждый раз вздрагивал, проходя мимо стола Льва Борисыча Стражникова.

Честно говоря, Гене Незабудкину просто везло. Он был такой маленький, что сидящему за столом Льву Борисычу было видно только Генину кепку и курносый нос. Кому тут придёт в голову перегибаться через стол и смотреть, есть ли сменка у такого малыша? А вот Безобразникова и Смешновского из четвёртого «Г» Лев Борисыч не раз доставлял в кабинет к завучу, откуда они пулей летели в туалет – отмываться.

Когда Лев Борисыч проходил мимо кабинета труда, ведя грязнуль в учительскую, он заглядывал в класс и вздыхал. Наверное, потому, что у трудовика сменка была не чище. А может, Стражникову тоже хотелось изобрести колесо или покрасить тюльпаны для медсестры Надежды Леонидовны, но испачкать свои ботинки он не мог. Поэтому Лев Борисыч Стражников сидел за своим столом и катал ватки для медкабинета. И улыбался только раз в день, когда медсестра забирала после уроков тазик с ватками и говорила: «Большое спасибо!»

Но сегодня Надежда Леонидовна не забрала тазик с ватками, потому что повезла в больницу Гришу Смешновского, которому Коля Безобразников угодил мешком со сменкой – прямо в лоб. Это оказалисьтуфли сестры Коли – старшеклассницы Оли Безобразниковой, точнее, их мамы. А ещё точнее, туфли на высоком каблуке, которые она взяла поносить без спросу. Поэтому в лоб Смешновскому попал каблук мамы Безобразниковых.

Надежда Леонидовна со Смешновским попали в больницу, а Оля и Коля Безобразниковы попали к директору. А уж как

им за это попало дома, Гена Незабудкин и представить себе не мог.

Ясно было одно: Генину сменку украли не они.

Но кому и зачем могли понадобиться грязные, стоптанные ботинки, ещё и тридцать второго размера? Если такого маленького размера, как у маленького Гены Незабудкина, во всей школе не сыскать. Да и вообще, один ботинок сегодня порвался как раз на кружке труда, когда первоклассники делали скворечники. Точнее, пропилился вместе с листом фанеры. А Лев Борисыч Стражников был в таком дурном настроении, что, как на зло, даже встал из-за стола, когда кружок выходил с молотком, гвоздями и пшеном вешать скворечник, на улицу.

И когда Стражников увидел, что ребята прямо в сменке собираются выйти во двор, так топнул ногой, что все сразу побежали в раздевалку, а Гена тут же снял ботинки и пнул под скамейку напротив входа, чуть не вышел на улицу в одних носках, но вовремя опомнился и тоже побежал в раздевалку. И вылетел из школы с пшеном в одной руке и уличными разноцветными кроссовками в другой.

Когда кружок труда вернулся в школу, Гениных ботинок уже не было. Ботинки украли. А Лев Борисыч всё ещё расхаживал вдоль зарослей шиповника, выслеживая неопрятных котов.

Гена сообразил, что только сейчас, пока Лев Борисыч на улице, он и может попасть в школу, не переодевая кроссовки. И понёсся через раздевалку по коридору первого этажа к рекреации, где проходила репетиция школьного театра.

– Покажите кота, – дёрнул Гена за рукав сестру Лену Незабудкину, которая готовилась к своему выходу.

– Что надо? – не поняла Лена, поправляя корону.

– Где кот? – не унимался Гена. – Сменка пропала! Ты говорила, что у вас кот – первоклашка. Она мои сапоги, то есть ботинки, стащила, больше некому!

– Теперь другой кот, – сказала Лена, – Первоклашке тоже туфлями Безобразниковых попало, её мама домой забра-

ла лёд прикладывать, – и побежала за занавески, на сцену, играть принцессу.

Гена побежал следом.

– Мальчик, уйди, – сказал учитель литературы почему-то в микрофон, хотя и так было всё прекрасно слышно.

Учитель физкультуры в сапогах учительницы музыки, шляпе с пером и пушистым хвостом, широко улыбаясь и прихрамывая на левый каблук, танцевал от радости за принца и принцессу.

– Мальчик в цветных кроссовках, я кому говорю? – снова гаркнул учитель литературы уже прямо над Гениным ухом.

Гена побежал обратно в коридор.

У кабинета ИЗО Гена остановился. На стене около двери, на доске почётных художеств висели черно-белые портреты Гениной сменки: в профиль и анфас. Гена заглянул в кабинет. Учительница ИЗО складывала на стол остатки бумаги и карандаши.

– О, мальчик, – сказала она, увидев Гену, – Будь другом, возьми ботинки.

– Спасибо большое! – обрадовался Гена от того, что нашёл, наконец, свою сменку, и потому, что он теперь знаменитость. Точнее, не он, а его ботинки. Но какая разница, если их рисует весь художественный кружок.

– Тебе спасибо! – сказала учительница ИЗО и достала из-под стола два огромных ботинка, заляпанных синькой и машинным маслом, с прилипшей к подошвам черникой и остатками компоста.

«Сплю я, что ли?» – подумал Гена.

Как ботинок может за час так вырасти? Гена повертел ботинки. Всё сходится. Один даже каши просит. Может, их нянечка Дарина Родионовна кашей накормила, как она любит, и вот результат? Глупости, конечно.

– Нравятся? – спросила учительница ИЗО. – Это Сергею Иванычу, в соседний кабинет. Спасибо, мальчик.

– А вы маленьких таких же не видели? – спросил Гена.

– Таких же маленьких никогда в жизни не видела, – сказала учительница ИЗО. – Они такими обычно только к одиннадцатому классу становятся. И то редкость. Там у всех размеры больше моего.

– А можно взять какой-нибудь рисунок? – кивнул Гена на доску почётных художеств.

– Бери мой, – разулыбалась учительница, схватила со стола лист и вручила Гене вместе с ботинками.

Когда Гена Незабудкин вошёл в кабинет труда, Сергей Иваныч Пухликов сидел без одного носка, положив ноги на недосколоченную скамейку. Трудовик задумчиво разглядывал носок на свет – как кассир в магазине смотрит крупные деньги – не фальшивые ли. Вроде, носки у трудовика были настоящие – чёрные в фиолетовый горох.

– Поделку будем делать, – объяснил он, – «Волосатый носок» называется. Напихаем компоста с первого занятия и траву туда посадим. Глаза пришьём.

Гена кивнул, отдал ботинки и спросил, не встречал ли Сергей Иваныч таких же, только тридцать второго размера.

– А-а, – покачал головой трудовик и начал прикидывать, где перехватить пятку у носка.

Выйдя из кабинета, Гена столкнулся с Леной Незабудкиной.

– Ты почему не на продлёнке? – поинтересовалась Лена.

– Потому что ты меня сейчас заберёшь, – ответил Гена.

– Ой, – сказала Лена и вспомнила, что мама просила забрать Гену из школы. – Ладно, пошли отмечаться.

– Я сменку найти не могу, – сказал Гена. – Вот фоторобот.

И Гена показал рисунок из кабинета ИЗО.

– А то я не знаю, как выглядит самая страшная сменка в школе! – съехидничала Лена.

– Это вообще-то трудовика, – хмыкнул Гена.

Тут в конце коридора показался Стражников. Гена спрятался за Лену.

– Тебе не жить, – сказала Лена, оглядываясь на Генины разноцветные кроссовки.

– Чего он трудовика не гоняет? – прошептал Гена из-за Лениной спины.

– Боится, – прошипела Лена. – Потому что знает, что добро всегда побеждает зло.

Лев Борисыч исчез за углом.

– Слушай, я знаю, где, – сказала Лена и потащила Гену за руку на второй этаж.

На втором этаже шёл кружок макраме. Там третьеклассницы на продлёнке плели всякое из шнурков. И как Гена сразу не догадался, кто и зачем стащил сменку?

Он обогнал Лену и первым влетел в класс вероломных третьеклассниц.

Но вместо шнурков они сидели и плели интриги против девчонок из первого «В». Точнее, хором пересчитывали шнурки, потому что утром на весёлых стартах между параллелями команда первоклашек выиграла у команды третьеклашек. «Вэшки» разгромили сборную третьеклашек со счётом восемь – ноль на эстафете по метанию молота – тяжёлого мяча со шнурком.

Первоклашки так крутили шнурок, что молот два раза стукнулся о рябину, три раза улетел за шиповник и ещё три раза – на стадион чужой школы.

Девчонки из первого «В» получили восемь шоколадных золотых медалей, пятёрки по физкультуре в полугодии и прошли на районные соревнования. А третьеклассницы побежали пересчитывать шнурки, чтобы доказать нечестную победу. Потому что если «вэшки» украли у них шнурки, чтобы привязывать груз и заранее тренироваться, то это нечестная победа. Ведь третьеклассницы вообще не готовились.

Но шнурков у третьеклассниц оказалось столько же, сколько было приготовлено с пятницы для плетения салфеток. И когда Гена и Лена Незабудкины влетели в класс, все очень обрадовались, что у Гены пропала сменка.

– Мы так и знали! – шумели третьеклассницы, – Вот на чем они тренировались!

И, ликуя, все побежали на продлёнку в первый «В».

На продлёнке не было никакого первого «В». И класс был закрыт. Единственный, кто мог знать, куда подевался целый класс, была нянечка Дарина Родионовна. А это значило, что нужно было пробратьсяв столовую мимо Льва Борисыча Стражникова так, чтобы он не заметил уличные разноцветные кроссовки Гены. Это было непросто, потому что после прогулки на продлёнке Лев Борисыч всегда сидел за своим столом и не отрываясь смотрел вдаль, на вход в столовую – самое дальнее место в раздевалке.

Но не зря Гена считал, что ему повезло, что он самый маленький в школе. Третьеклассницы прошли шеренгой мимо Льва Борисыча и тот совершенно не заметил ни Гену, который шёл с ними в ногу, только с другой стороны, ни его разноцветные кроссовки. И все вошли в столовую.

– Вы куда строем? – спросил трудовик, пропуская шеренгу третьеклассниц и замыкающую Лену Незабудкину, которая прикрывала Гену с тыла.

– Искать первый «В», – ответили все хором.

В столовой нянечка Дарина Родионовна сунула газету в карман халата, взмахнула руками и принялась перечислять всё, что от счастья забыли в раздевалке победительницы из первого «В», собираясь на районные соревнования:

– Две пары туфель, три шарфа и пять шапок с помпонами. Ну? – и подняла бровь.

– Ну, это сегодня, – хмыкнули хором третьеклассницы, – А сменка со шнурками пропала вчера, – и хором подняли брови: кто левую, кто правую.

– Вообще-то сегодня, – посмотрел Гена на третьеклассниц.

А третьеклассницы очень внимательно посмотрели на Гену и подняли вторые брови – кто левую, кто правую.

Все собрались назад.

А нянечка с газетой в руках протянула:

– Ну, погоди!

И двинулась к усевшейся на стену мухе.

Тут прищурилась третьеклассница Галя Поганкина:

– Дарина Родионовна, а там только газета у вас в таком большом кармане? А то у нас в школе мухи заканчиваются. Вы за ними всегда с газетой? Или, может, с ботинками иногда? – пропищала Галя.

И все третьеклассницы покраснели, посмотрели на Поганкину и сморщили носы. А Дарина Родионовна побледнела и вытащила из кармана новенькую мухобойку, расписанную под хохлому, с очень красивыми узорами.

– Ботинками гоняют котов, а не мух. И как вы, Галя, могли подумать, что я могу тронуть кота? – медленно прошептала Дарина Родионовна, закусила губу и закрыла глаза.

Теперь покраснела Галя Поганкина. И все тут же отошли от неё в сторону. А Гена подпрыгнул, потому что сзади:

– См-М-М-менка-А-А-А-А-А! – раздался рык Стражникова.

Третьеклассницы оглянулись. Лена Незабудкина ойкнула. А Дарина Родионовна вздрогнула и прижалась к стене.

От крика Стражникова самая верхняя ватка вылетела из тазика и опустилась Гене на нос. Гена чихнул как дворовый кот от тополиного пуха.

Ну, конечно! И как Гена сразу не догадался?

Кто больше всего на свете любит гонять дворовых котов?!

– Лев Борисыч, это ВЫ! – крикнул Гена на всю столовую.

Лев Борисыч моргнул.

– Не смейте никого гонять моими ботинками, – крикнул Гена так громко, что в буфете зазвенели стаканы с киселём, – Коты не виноваты! Может, у них тоже украли носочки! Отдайте, пожалуйста.

– Гена, как можно? Лев Борисыч заботится о том, чтобы я меньше мыла после уроков, – прошептала Дарина Родионовна и упала в обморок.

– Дарина Родионовна, я в кроссовках, – послышалось из холла, – Натопчу. Там у Стражникова свиристели в сменке по шиповнику прыгают! Всех переодел! Хотите взглянуть? И кот наконец-то по форме пришёл, в белых носках!

– В белых носках? – Стражников подпрыгнул, охнул, чуть не выронил таз с ватками и бросился к выходу из столовой. И врезался в трудовика.

– Дарина Родионовна, ау? Вам что, моя хохлома не понравилась? – проскулил трудовик, поднимаясь с пола и потирая лоб.

– Отчего же, Сергей Иванович, – открыла один глаз Дарина Родионовна, вытащила мухобойку и прижала к сердцу.

Трудовик проскользил по мокрому полу, выхватил мухобойку и принялся обмахивать нянечку. Дарина Родионовна тут же пришла в себя.

– Ну, и какая у тебя была сменка? – охнул Стражников, потирая ухо.

– Такая, – сказал Гена и достал из кармана мятый фоторобот.

– М-м-м, – сказал Лев Борисыч, посмотрел в тазик с ватками и побрёл на улицу прямо в школьных ботинках. – Я думал, это не сменка первоклассника, а ваши безобразники из первого «Г» с помойки принесли кидаться, – оглянулся он.

И все побежали следом.

В кусте шиповника, на шнурках раскачивался ботинок Гены Незабудкина. Внутри ботинка, в белых ватках из медкабинета сидели три крохотных птенца. А на соседней ветке клевали рябину из дырки второго Гениного ботинка две птички с красными хохолками и жёлтыми полосками на крыльях. И весело свистели на всю школьную площадку. А на другом краю стадиона, возле рябины, уставившись на колючий шиповник, недовольно махал хвостом чёрный кот с белыми лапами.

Лев Борисыч подошёл с тазиком к ботинку с птенцами и вздохнул.

– Лев Борисыч, можно я без сменки до выходных? Мне в субботу новую купят, эта всё равно пропилилась, – сказал Гена.

Лев Борисыч кивнул и улыбнулся. И Дарина Родионовна улыбнулась Сергею Иванычу. А Сергей Иваныч пожал Льву Борисычу руку.

Тут Лена захихикала. Третьеклассницы захохотали. А громче всех – Галя Поганкина. Кот с белыми лапами подпрыгнул и убежал на стадион другой школы. А что ему было делать? Птенцов, висящих в ботинке на таких тонких колючих ветках, не достанет ни один кот.

Сергей Иваныч пригласил Льва Борисыча съездить в выходные на рыбалку, с червями первоклассников. И Лев Борисыч сразу согласился.

Гена Незабудкин больше не бросал свою новую сменку без присмотра и чистил её каждый день. А по субботам оттирал щёткой белую подошву. Ведь благодаря Гениным ботинкам вся школа узнала, что Лев Борисыч очень хороший человек. А когда человек хороший, то совершенно не хочется его расстраивать, ходить неопрятным и пачкать школьные полы.

А Лев Борисыч Стражников принёс в школу ещё одну сменку – огромные старые ботинки с серо-коричневой подошвой в черную крапинку, с длинными шнурками. Потому что они с Сергеем Иванычем решили вместе вести кружок труда.

Оказалось, что Лев Борисыч раньше был учителем окружающего мира и просто обожал что-нибудь придумывать. Как и трудовик, который был на пенсии и работал на полставки. А каждый первоклассник знает, что для учителя нет хуже, чем однажды взять и не прийти в класс. От такого и зарычишь и затопаешь.

Поэтому директор с радостью разрешил Льву Борисычу вести занятия вместе с Сергеем Ивановичем. Ходили слухи, что как раз в тот день, когда они решили попросить директора вдвоём вести кружок труда, директор забыл сменку и решил, что ещё легко отделался.

Сергей Иваныч Пухликов учил ребят засыпать компост в носки, а Лев Борисыч Стражников принёс из парка около школы семена – большие красные ягоды. И всем раздал по три штуки. И вся продлёнка ходила в тот день без одного носка. А Лев Борисыч и Сергей Иваныч вообще без носков.

Ранней весной на подоконнике в кабинете труда из носков с глазами-пуговицами показались зелёные листья. И расцвели ландыши. И на Восьмое марта все первоклассницы получили в подарок по букетику ландышей. А медсестра Надежда Леонидовна и нянечка Дарина Родионовна – сразу по два больших букета.

И Галя Поганкина тоже получила два букета. Точнее, букетами – от Коли Безобразникова и Гриши Смешновского. И все обрадовались, потому что пусть лучше они цветами кидаются в третьеклассниц, чем туфлями друг в друга.

Елена КАРНАУХОВА
г. Зеленогорск, Красноярский край

ТЁМНОЕ ДЕЛО

Петька и Виталик сидели на кухне и чаевничали. Петькины родители ушли в кино на вечерний сеанс, а мальчика оставили дома. Чтобы Петьке не было скучно, они разрешили пригласить в гости соседского Виталика. Виталик учился в первом классе, и это обстоятельство позволяло ему считаться старшим. По крайней мере, Петькина мама считала его человеком ответственным и всегда ставила в пример своему шестилетнему Петьке.

Уходя, мама наказала:

– Петя, мы с папой придем поздно, вы с Виталей здесь похозяйничайте, чаю попейте. Печенье и конфеты в шкафу. Только на улицу не выходите и дверь никому не открывайте.

Петька охотно пообещал вести себя смирно. Остаться дома без родителей да ещё в компании друга, что может быть чудесней! Целых три часа квартира будет в его распоряжении!

На правах хозяина он налил из большого заварника в Виталькину кружку пахучего с листьями мелиссы чаю.

– Тебе долить кипятка?

– Долей, – важно ответил Виталька. – Я люблю погорячее.

– А моя мама говорит, что горячий чай пить вредно. Нёбо можно обжечь.

– А я считаю, что тёплый чай пьют только девчонки. Они все такие неженки... – Виталька скорчил гримасу. Петька рассмеялся:

– Мой папа тоже пьет только горячий. А мама молоком разбавляет.

Вдруг за стенкой прямо над раковиной что-то зашуршало. Мальчишки замерли и удивленно посмотрели друг на друга.

– Ой, что это у вас там? – спросил Виталька.

– Не знаю.

– Может крыса? Тс-с-с... – Виталька прижал палец к губам. Он подошёл к стене и прислонился к ней.

Шорох повторился.

– Точно скребется кто-то. Вон там! – мальчик показал на вентиляционную решетку.

– А давай пошумим. Крыса испугается и убежит.

Они взяли ложки и стали стучать по стене.

– Сейчас я устрою этой крысе тарарам! – Петька достал из кухонного шкафчика кастрюлю, приставил её к стенке и забарабанил ложкой по дну. От грохота Виталька зажал уши.

– Петька, перестань!

Они снова прислушались. Было тихо.

– Всё, убежала.

Довольные, что изгнали крысу, мальчишки уселись за стол. Но только Петька поднёс ко рту печенье, как шорох повторился.

Петька осторожно подошёл к стене.

– Скребется... Чувствует, что мы чай пьем и печенье едим. Тоже, наверное, хочет. Может ей дать кусочек? Она съест и убежит.

– Не убежит. У меня как-то собака выпрашивала, я дал кусочек, так она стала ещё просить. Так всю пачку печенья слопала до последней крошечки.

– Да.... Крыса, наверное, большая, голодная. Такая тонну печенья может съесть. А у нас тонны нет – всего одна пачка.

– Петька, а она оттуда не выскочит? – с беспокойством спросил Виталька.

– Не должна. Папа решетку на шурупы прикручивал.

– Тогда давай посмотрим, какая она. Я живую крысу не видел.

– Точно, давай.

Мальчишки притащили табуретки и поставили друг на друга.

– Петька, я посмотрю, а ты держи меня.

– А почему ты? Я тоже хочу.

– Потому что я старше.

Виталька вскарабкался на табуретку и стал вглядываться в темноту за решеткой.

– Не видно ничего. Темно.

– А может это не крыса? У крысы бы хвост торчал.

– Не знаю, может быть и не крыса. А кто же тогда?

– А может быть какой-нибудь темный человечек?

– Ха-ха-ха! – Виталька усмехнулся. – Ну, ты, Петька, даешь! Какой такой темный человечек?

– Есть такие темные люди! – Петька перешёл на шёпот и с жаром продолжил: – Есть, точно знаю. Я однажды слышал, как мама папе про одного дяденьку говорила, что он темный человек и что без мыла в угольное ушко пролезет. Прикинь – ушко! А здесь решетка!

– А почему же тот дядька темный? Он что, необразованный?

– Откуда я знаю! Только вот думаю, что раз он темный, значит, наверное, как будто замарался чем-то? Может просто не мылся долго? Значит, надо взять и помыть его хорошо. Сразу светлым станет. Ты как думаешь, Виталька? Может стать темный человек светлым, если его помыть?

Виталька задумался.

– Знаешь, Петька, темный человек – это не грязный. Я думаю, что мысли и поступки, значит, у него темные, ну, то есть неправильные. Вон соседка баба Дуся всё время, как видит дядю Гришу из 16-й квартиры, причитает: «Какой свет-

лый человек! Дай бог ему здоровья». А дядя Гриша врач, на «скорой» работает, людей спасает. Поэтому и светлый. Понял?

– Понял. Но кто у нас за стенкой скребется? Фонарик! Как же я забыл про фонарик? – Петька побежал в кладовку и вернулся оттуда с папиным походным фонарем.

Он уже собрался вскарабкаться на табурет, чтобы посветить за вентиляционную решетку, как дверь открылась, и в квартиру вошли родители.

– Ну что, орлы, как дела? Не скучали? Чай пили?

– Мама, папа! – Петька выбежал в коридор. – У нас тут какое-то темное дело!

– Какое-такое «темное дело», Петя? – мама, не раздеваясь, прошла на кухню.

– Ой, табуретов нагородили...

– Там за решеткой кто-то скребется. Мы думали, крыса. Вот фонарик взяли посмотреть.

– Фонарик, говоришь? Фонарик – это кстати, – папа взял у Петьки фонарь, встал на табурет и посветил за решетку. – Крыса, говорите? А ну-ка, Петька, неси отвертку – будем вашу крысу-ларису вызволять из плена.

– Ой! Ты что! – вскрикнула мама. – Как можно!

– Так что же, живое существо томиться будет?

– Дядя Дима, вам не страшно? – Виталька с уважением посмотрел на Петькиного отца.

– Не страшно, – Петькин папа взял отвертку и стал выкручивать шурупы. – Темное, дело, говорите? Фокус-покус, вуаля!

Он снял решетку, просунул в отверстие руку и вытащил оттуда... голубя. Серого с черными перышками на крыльях.

– Вот она – ваша крыса! Держите!

– Ой! – Петька взял в руки измученную птицу. – Как же ты туда попал?

– Наверное, кошка на крыше голубей гоняла, вот он в вентиляционную шахту и упал.

– Пять этажей пролетел, бедненький, – Виталик погладил голубя, который совсем не сопротивлялся. – Его же покормить надо. Петька, коробка есть?

Петька принёс коробку, и мальчики аккуратно положили в неё голубя.

– Петь, дядя Дима, а можно я голубя себе возьму, выхожу его?

– У тебя же собака! Слопает она твоего голубя, как печеньку. Уж лучше у нас. Ты приходи, мы за ним ухаживать вместе будем, а потом, как окрепнет, выпустим.

На том и порешили. Через неделю усиленной кормежки голубь окреп, настало время расставания. Мальчики вынесли голубя на улицу, аккуратно придерживая за крылья.

– Ну, крыска-лариска, лети! – они одновременно вскинули руки, и голубь, почувствовав свободу, расправил крылья и уверенно взмыл в небо. Сделав над двором круг, он поднялся над зелеными в пуху тополями. Тесная, темная вентиляционная шахта осталась в прошлом, впереди была только ясная, светлая высь.

Александр ЛАБИНЦЕВ
г. Кропоткин, Краснодарский край

МОРОЗ – ХУДОЖНИК

Маленькая Олеся всегда с нетерпением ждала сестру Марину из школы. Она любила делать вместе со старшей сестрой уроки.

Вскоре пришла Марина. Её щёчки от мороза раскраснелись, а на шапочке белел снег.

– Сегодня нам задали нарисовать картину о зиме, – сказала Марина. – Я бы хотела в своей картине сделать такие же красивые узоры, какие создаёт мороз.

– Мороз только за щёчки и носик щиплет, а рисовать не умеет, – возразила Олеся.

– Сейчас я тебе покажу, что мороз самый настоящий художник, – рассмеялась Марина.

Сёстры вышли на улицу. С неба тихо падали снежинки. Марина подставила ладошку и стала их ловить.

– Смотри, какие разные рисунки у этих трёх снежинок, – показала она сестре маленькие снежинки, которые присели на её ладонь. – Видишь, первая, как звёздочка. А у этой снежинки узор идёт кругом. Третья состоит из треугольников.

Олеся подставила ручку и тоже поймала парочку снежинок. У них был совершенно другой рисунок.

– Как красиво! – воскликнула Олеся.

– Вот такими снежиночками мороз вышивает снежное покрывало, которым укрывает зимой землю, – сказала Марина. – Пойдём дальше, – позвала она сестричку.

Они подошли к замёрзшим окнам, на которых раскинулись чудесные узоры. Здесь был и волшебный лес, и диковинные звери и птицы, и ледяные дворцы.

– Вот тебе и ещё одна картина мороза, которая называется «Зимняя сказка», – сказала Марина сестре.

Сёстры ещё долго рассматривали удивительные рисунки, которые мороз сделал для них.

ТРИ ВОЛШЕБНЫХ ЦВЕТА

Маленькому Мише не разрешали ходить гулять дальше своего двора. А так хотелось посмотреть, что там – за домами. Поэтому он постоянно просил свою сестру Наташу, чтобы она взяла его с собой в магазин. Для мальчика это представлялось целым путешествием. Однажды Наташа согласилась взять Мишу с собой, но спросила:

– А ты знаешь про три волшебных цвета у дороги?

– Нет, сестричка, я об этом никогда не слышал, – растерянно ответил Миша.

– Хорошо, я возьму тебя с собой и расскажу, что такое три волшебных цвета, – с улыбкой ответила ему Наташа.

Небольшая аллея, по которой шли брат с сестрой, вывела их к дороге. По ней в разных направлениях ехали легковые и грузовые машины, автобусы и троллейбусы. На другой стороне дороги блестели нарядные витрины магазина.

– Как же мы попадём в магазин, – спросил удивлённо Миша.

– В этом нам поможет светофор, который зажигает волшебные цвета, – ответила Наташа.

– Вот, смотри, – продолжила она: – Зажёгся красный цвет, и все машины остановились. Рядом на табличке замигал зелёный человечек. Это значит, что мы можем переходить улицу. И переходить её надо по белым полоскам. Потому что это специальные места, где пересекают дорогу пешеходы. Теперь зажёгся жёлтый глазок. Для водителей это сигнал – приготовиться. И пешеходам необходимо остановиться. Когда загорается зелёный свет, то это значит, что проезд для машин открыт. Видишь, они поехали. А на табличке для нас замигал красный человечек. Он запрещает сейчас переходить улицу. Всё это надо знать, чтобы правильно ходить по улицам, и не мешать другим, – закончила Наташа.

– Спасибо тебе, сестричка, за рассказ о волшебных цветах. Когда я подрасту, то обязательно буду выполнять все эти правила, – ответил Миша.

Владимир БЕЛОУСОВ
г. Москва

СЛЕДОПЫТЫ ЛЕДНИКОВОГО ПЕРИОДА

Громадный, грязно-коричневый, с плюшевыми боками зубр неожиданно отделился от своих сородичей и, грозно склонив лобастую голову, быстро побежал в сторону небольшой группы людей, о чем-то оживленно беседующих под те-

нью могучей ели. Его мохнатая челка задиристо развевалась в такт с пушистой кисточкой на кончике хвоста.

Димка крепко вцепился в руку своего товарища Витьки Горшкова и беспокойно огляделся. На его удивление, ни отец, ни другие взрослые никак не реагировали на агрессивное поведение зубра и, как ни в чем не бывало, продолжали свою беседу. Димка снова посмотрел на стремительно приближающего зверя. А зубр, не добежав до людей буквально несколько метров, вдруг резко остановился и круто развернувшись... убежал.

– Что-то Модница сегодня сама не своя, ишь как стращает нас. Что с ней, Сергей Лукич? – обратился Димкин отец к стоящему рядом с ним бородатому мужчине.

– Да, вот, Аркадий Львович, зубры пришли на водопой, а её телёнка Мосяни, что-то не видно. Сам не пойму, где он запропастился. Вот мамка и нервничает, а заодно и нас запугать пытается, – покосился Сергей Лукич на побледневшего Димку.

Димка сконфуженно улыбнулся и наконец-то отпустил Витькину руку. Заметив Димкино смущение, Сергей Лукич перевел разговор на другую тему.

– А вы, ребята, куда собственно направлялись-то? Здесь, конечно, заповедник и нет опасных хищников, но сами видите – осторожность прежде всего.

– Да, пап, говорят, на Протовском озере лебедей пролетных видели, вот мы и хотим посмотреть, – ответил Витька.

– В том-то и дело, что пролётных. Прилетели, отдохнули и дальше полетели, вас они ждать не будут. Да и путь до озера не близкий. Вы лучше тут побродите, может, Мосяню где увидите, вот и заповеднику помощь окажете.

– А что? Мы завсегда. Погнали, Димка.

Про Витьку Горшкова и Димку Белова можно смело сказать «друзья – не разлей вода». Они познакомились три года назад, когда им было по семь лет и с тех пор каждое лето проводили вместе. Да по-другому и быть не могло: других сверстников в ближайшей округе не было, а Димка

с Витькой не то, что в один год, а даже в один месяц родились – в ноябре, только Димка на девять дней был старше. Наверное, поэтому и увлечения у них были одинаковые. Оба любили природу, диких зверей, но самая большая страсть – это, конечно, рыбалка. Одно плохо: в заповеднике рыбалить нельзя, а на речке, на Оке, без лодки делать нечего. А где же эту лодку взять-то?

К тому же летом друзья жили в одном доме, в небольшой деревушке, где из всех жителей осталось всего несколько старушек. В этом доме когда-то жил Витькин дедушка и родился Витькин отец – Сергей Лукич. Отслужив в армии, Сергей Лукич выучился на охотоведа и вернулся в родные места, устроившись на работу в заповедник. Но перебраться насовсем в деревенский дом не получается, потому что мама у Витьки городская, любит свою работу в детской поликлинике, да и Витьке в школе надо учиться. Вот и приходится Сергею Лукичу разрываться между городской квартирой в районном центре и родительским домом, но зато когда наступает лето, Витьку в квартиру не загонишь: на три месяца заповедник ему дом родной.

А Димка каждое лето приезжает из столицы вместе с папой и мамой. Они у него занимаются научной работой в каком-то биосферном институте и при первой возможности стараются вырваться в заповедник, на практику. И на это время Сергей Лукич любезно предоставляет им свой дом под жилье, а что: дом большой, места хватает всем.

Целыми днями ребята купались в речке, помогали взрослым на питомнике, учились снимать показания метеоприборов, выполняли разные поручения сотрудников заповедника.

Вот и сейчас, получив задание от Сергея Лукича, друзья поспешили отправиться на поиски потерявшего телёнка. В питомнике каждая семья зубров имеет свой отдельный участок для проживания, поэтому, уйти далеко Мосяня не смог бы, но поторопиться с поисками следовало, пока зу-

бры, кстати, большие любители воды, принимали водные процедуры и на ребят не обращали внимания. Буквально минут через двадцать поисков Витька услышал жалобное мычание. Звук был тихий, как бы приглушенный, но Мосяни нигде не было видно. Подсказка пришла от всезнающей сороки. Белобокая сплетница сидела на высокой осине и, разглядывая что-то внизу, радостно стрекотала. Прямо под деревом в земле была небольшая яма, в которую и угодил телёнок. Сам выбраться он не мог, потому что его передняя нога провалилась ещё глубже, и Мосяня издавал жалостливые звуки, испуганно глядя на друзей.

– Так, Витька, нам его не освободить, видишь, как нога глубоко провалилась. Может, она и сломана. Иди быстрей за помощью, отца зови, а я пока побуду с Мосяней, ему с нами вроде как поспокойней стало.

Проводив взглядом убежавшего Витьку, Димка стал внимательно разглядывать отверстие в земле, ставшей ловушкой для зубренка. Яма имела какие-то странные очертания, её стенки ещё не успели покрыться травой, и по всему складывалось такое ощущение, что грунт провалился неожиданно и увлёк за собой Мосяню, который в этот момент мог отдыхать в тени дерева.

Любопытная сорока не торопилась улетать. Видно, ей тоже было интересно узнать, чем всё это кончится, и, едва завидев спешащих на помощь людей, она пронзительно застрекотала, как бы говоря:

– Мы здесь, здесь. Давайте быстрее, сколько можно ждать.

Димка посмотрел на приближающихся быстрым шагом Витьку, Сергея Лукича и своего отца и не мог не отметить ту основательность, с которой взрослые подготовились к спасательным работам. У каждого была какая-то ноша: здесь и носилки, и длинный моток веревки, лопата и топор, а у Витьки через плечо была перекинута большая серая сумка с ярким красным крестом на боку.

– Ах, бедный Мосяня, как же тебя угораздило в карстовую воронку угодить? Ну, потерпи, малыш, сейчас мы тебя

освободим, – на ходу сказал Аркадий Львович, осторожно спускаясь к пленнику.

Ловко обхватив зубренка за шею и бока, Димкин отец приподнял его и бережно передал его Сергею Лукичу, который не менее деликатно поставил его под дерево.

Но устоять на своих смешных голенастых ножках у освобожденного телёнка так и не получилось. Поврежденная ножка, видимо, причиняла боль, и Мосяня неуклюже прилёг на землю.

– Похоже, здесь без медицины не обойтись, – склонился Сергей Лукич над зубренком.

А Димка воспользовался паузой и спросил:

– Пап, а что такое карстовая воронка?

– О, сынок, это характерный элемент рельефа нашего заповедника. Грубо говоря – это дырки в почве, образованные водой, эрозией и временем. Ведь говорят «вода камень точит», а здешние подземные воды и не такие дырки способны создавать.

– Что, ямы в земле ещё больше, чем эта, могут быть?

– И ямы могут быть такие, что в них целые дома проваливаются и пещеры настолько разветвлённые, что им конца не найти, – ответил Аркадий Львович.

Осмотрев зубренка, Сергей Лукич утвердился в том, что без профессионального осмотра не обойтись и Мосяню широкими бинтами привязали к носилкам.

Родители друзей взяли носилки и направились к медпункту заповедника.

– А вы, ребята, соберите здесь всё и приходите. Да и яму эту надо обезопасить. Закопать её не получится, лучше насобирайте валежника, его здесь много, и завалите яму сухими ветками.

Оставшись вдвоем, ребята разделились. Витька пошёл за валежником, а Димка спрыгнул в яму и ткнул лопатой то место, где провалилась Мосянина ножка. Лопата ушла в грунт на всю свою длину.

– Ничего себе, – пробормотал Димка.

Он вытащил лопату и стал расширять горловину отверстия. На удивление, грунт осыпался легко, и уже через небольшое время в проделанное отверстие можно было заглянуть. Как ни странно, но полной темноты внизу не было и Димке показалось, что он видит на дне кучку осыпавшегося грунта. Тогда мальчик стал ещё больше расширять отверстие, но в какой-то момент лопата выскользнула из уставших рук и провалилась вниз.

– От тебя одни убытки, – проворчал подошедший с целой охапкой сухих веток в руках Витька. – Влетит нам теперь. Что делать-то будем?

– Что, что? Доставать инструмент надо.

– И каким интересно образом? Я туда ни за что не полезу, – передёрнул плечами Витька.

Димка ещё раз склонился над отверстием и ответил:

– А тебе и не надо. Вон лопата неглубоко лежит. Я уронил, я и достану.

– Ладно, не горячись. Папка придёт, что-нибудь придумает, – примирительно произнёс Витька.

– Да и думать здесь нечего.

Димка привязал один конец веревки к стволу осины, а второй конец опустил в отверстие.

– Подстрахуй меня, я быстро.

И, не обращая внимания на Витькины возражения, крепко обхватив веревку, Димка протиснулся сквозь тесное отверстие в земле, мысленно благодаря школьного учителя физкультуры Александра Ивановича, научившего его лазать по канату.

Неожиданно быстро ноги коснулись дна. Димка, не отпуская веревки, присел и огляделся. Тусклый свет слабо пробивался сквозь отверстие в потолке, но даже такого освящения хватило Димке, чтобы понять, что он проник в самую настоящую пещеру. Округлый свод потолка плавно переходил в почти вертикальные стены и сухой пол, а ещё этот удивительный воздух. Он не был ни сырым, ни затхлым. Димка

даже уловил слабое дуновение ветра. На ближайшей стене проглядывали какие-то округлые линии, явно нанесённые человеческой рукой.

– Ты там не заснул случайно? Давай поднимайся, а то я сам к тебе спущусь, – прокричал сверху Витька.

– Не подходи близко к краю: потолок может рухнуть. Сначала вытаскивай лопату, а потом и я следом, – также прокричал Димка в ответ.

Он привязал лопатку и подергал за веревку.

– Тяни!

Лопатка медленно поползла к свету.

На стене было явно что-то изображено, и Димка решил подойти поближе. Осторожно сделал шаг, другой, и нога уперлась в какое-то препятствие. Приглядевшись, Димка похолодел, а сердце быстро-быстро заколотилось: на полу белели огромные кости. Димка медленно присел и оглядел ближайшую находку. Сразу стало полегче: кость была явно не человеческая – уж больно большая, да к тому же, судя по её жёлтому цвету и слою пыли, ещё и древняя.

Позади с мягким стуком упала веревка.

– Поднимайся,– снова прокричал Витька.

Димка подхватил ближайшую кость, привязал её и вновь подёргал веревку.

– Тяни!

Кость медленно уплыла следом за лопатой.

Когда Димка, снова вспомнив добрым словом Александра Ивановича, выбрался из пещеры, Витька облегчённо вздохнул и устало опустился на землю.

– Ну и напугал ты меня. Сам там застрял, кость какую-то привязал, спасибо, хоть не скелет. Что это за кость, кстати?

– Не знаю, – Димка устало опустился рядом. – Там таких много. Это, Витька, настоящая пещера, там, похоже, люди жили.

– Ты, дружбан, наверное, перегрелся в своей пещере? Какие там могут быть люди, это же заповедник, а в заповедниках только животные живут, людям здесь не место.

– Не знаю я, Витька. Может, бродяги какие, а может партизаны.

Витька внимательно посмотрел на товарища и покрутил пальцем у виска.

Передохнув, ребята стали собираться в обратный путь. Витька перекинул через плечо свою санитарную сумку с красным крестом, взял топор и лопату. Димка свернул кольцами веревку и ухватился за кость из пещеры.

– Ты её что, с собой потащишь? Зачем она тебе? – с интересом спросил Витька.

– Папке покажу. Может, она на какие-нибудь поделки сгодится.

– Ага, сщас. Поделки из бивней мамонта делают, а не из такой трухлятины. Брось ты её.

– Не, донесу, – Витька поудобней устроил кость на плече и зашагал к дому.

Время было обеденное, и Димкин папа вместе с Сергеем Лукичом сидели на террасе дома и пили чай с пирожками. Аркадий Львович как раз подливал себе кипяточка, когда ребята подошли вплотную к террасе. Увидев странную ношу на плече сына, Аркадий Львович так разволновался, что забыл закрыть краник на самоваре, и кипяток стал заливать клеёнку на столе.

– Что с тобой, Аркадий Львович? – спросил Сергей Лукич, закрывая кран.

Но Аркадий Львович, похоже, его не услышал.

– Что ЭТО?!– спросил он Димку, выбегая из-за стола.

– А это? Да кость в яме нашли. Я подумал, может, пригодится, – ответил Димка, устало сбрасывая кость на землю.

– Нееет, не бросай! Где нашли? В какой яме? – Аркадий Львович как-то странно побледнел.

–Да там, где Мосяня провалился. Оказывается, под этой ямой пещера есть, там таких костей полно. Там вообще, похоже, какие-то люди жили.

Лицо Аркадия Львовича, доселе бледное, покрылось красными пятнами. Он нервно достал носовой платок, вы-

тер вспотевший лоб и склонился над поверженной костью. Разглядывал Димкину находку очень долго. Несколько раз очень осторожно её переворачивал, что-то шептал, затем достал из кармана увеличительное стекло и снова тщательно разглядывал кость.

Все, включая Сергея Лукича, недоуменно наблюдали за действиями Димкиного отца.

Наконец Аркадий Львович с явным сожалением оторвался от предмета своего изучения – лицо его сияло.

– Я, конечно, не специалист, но на девяносто процентов уверен, что эта кость принадлежит доисторическому животному, скорей всего, гигантскому оленю, – и, обращаясь к Димке, спросил:

– Ты говоришь, там пещера есть? А с чего ты взял, что там люди жили?

– Ну, я не знаю, может и не жили. Только мне показалось, что там на стене какой-то рисунок. А может, мне показалось.

Аркадий Львович со стоном сел прямо на землю, видимо, ноги его больше не держали, и устало произнёс:

– Сергей Лукич, Витя и ты, сынок, вы понимаете, что всё это значит?

Все с интересом смотрели на Аркадия Львовича.

– А это всё может, повторяю, может, обозначать то, что на территории нашего заповедника около двадцати пяти тысяч лет назад, во время последнего ледникового периода паслись стада гигантских оленей, на которых охотились первобытные люди. Я внимательно изучил кость и нашёл на ней своеобразные сколы и вмятины, которые, скорее всего, были нанесены примитивными орудиями первобытных охотников. А ещё есть пещера, с возможной наскальной живописью. Если это так на самом деле, то это мировая, научная сенсация. Ведь это кладезь ценной информации для изучения древности от антропологии до зоологии. Наскальной живописи у нас в стране ещё, по-моему, не обнаружено. Может, только в Крыму, но я не уверен. А это, в свою очередь, может вывести статус нашего заповедника на совер-

шенно иной уровень. Вот как-то так, – закончил Аркадий Львович.

Все молчали, пораженные речью Аркадия Львовича, и даже Витька перестал жевать пирожок, который перед этим стащил со стола.

А Аркадий Львович уже действовал. Он попросил Сергея Лукича принести из дома фонарик и, получив от Димки утвердительный ответ, что если ещё немного расширить горловину, то в пещеру можно спускаться по лестнице, пошёл её искать. Наконец, сборы были закончены и Аркадий Львович с Сергеем Лукичом скорым шагом отправились к пещере, велев ребятам обедать и ждать их возвращения.

Друзья уже и пообедали, и искупались в речке, и угостили Мосяню свежей морковкой, а родители все не возвращались. У Мосяни, к счастью, ножка была не сломана, но без ушибов не обошлось, а они тоже требовали лечения, а главное, покоя. Наконец, уже к вечеру вернулся Аркадий Львович.

– Ну, что, ребята. Похоже, наше предположение верно, и вы обнаружили стоянку первобытных людей. Сергей Лукич сейчас на докладе у руководства, и я думаю, что уже завтра-послезавтра сюда приедут и археологи и антропологи, да и спелеологов придётся вызывать. Найденная вами пещера довольно разветвлённая – работы хватит всем.

– Пап, а рисунки там есть, или мне показалось? – с волнением задал Димка мучающий его вопрос.

– Да, сынок, есть и рисунок, ты не ошибся. Правда, он какой-то странный и не похож на известную наскальную живопись.

– А что в нем странного, Аркадий Львович? – спросил Витька.

– Я там всё сфотографировал и завтра вам покажу. Впрочем, не будем ждать завтра – я сейчас схематично нарисую.

Аркадий Львович подобрал прутик и стал чертить на утоптанной земле. Он нарисовал круг и три вертикальные палочки от него исходящие. Затем Аркадий Львович отступил доволь-

но много, метра полтора и под первым кругом нарисовал ещё один круг, только продолговатый, а внутри этого вытянутого круга одним росчерком изобразил какую-то закорючку, похожую на стилизованное изображение рыбки. А на заднем плане второго круга нарисовал косой крестик, похожий на флаг военного флота.

– Пап, и что всё это значит?

– Под самым потолком пещеры нарисовано солнце и это не вызывает сомнения. А вот всё остальное уже довольно загадочно. Теперь только мои предположения. Нижний круг – это озеро, в котором водится рыба, – Аркадий Львович с улыбкой взглянул на ребят.

– Похоже, древний художник был вашим коллегой – рыбаком. А вот, что обозначает этот крестик, ума не приложу. Может, это были два дерева, наклоненные друг к другу, а может, что ещё, я не знаю.

Незаметно подошёл Сергей Лукич.

– И у меня не идет из головы этот крестик. Да и пропорции в рисунке явно не соблюдены – солнце уж больно высоко изображено.

Неожиданно Аркадий Львович хлопнул себя ладонью по лбу.

– Может, древний художник хотел таким способом указать место, где находится рыбное озеро? Смотрите, солнце прорисовано под самым потолком, то есть в наивысшей точке. Получается, что это – юг, и озеро, выходит, должно быть на юге.

– Сергей Лукич, Вы здесь все знаете, вспоминайте, есть ли к югу от пещеры какие-нибудь водоёмы?

–Ну, наиболее крупные озера – это Протовское и Сионское. Да только в летнюю жару они могут пересохнуть – какая уж там рыба. Да и не на юге они.

Сергей Лукич задумчиво почесал бороду.

– Есть в южной части заповедника небольшое озерцо, называется Воловий глаз. Но с ним тоже неладно, оно то появится, то снова может пересохнуть.

– Это сейчас, – перебил его Аркадий Львович. – А каким оно было двадцать тысяч лет назад? Впрочем, тогда его вообще могло не быть.

– Папка, Сергей Лукич, – подключился к разговору Димка. – А что если этим крестиком художник хотел что-то обозначить?

– Ага, клад закопал – шкуру мамонта, – съязвил Витька.

– Нет, правда. Давайте мы посмотрим на этот Воловий глаз, может, что и прояснится, – не унимался Димка.

Аркадий Львович задумчиво обвел всех взглядом.

– А почему и нет? Завтра воскресный день, ученые гости раньше понедельника к нам не нагрянут. Да и потом уже не до походов будет. Если идти к озеру, то только завтра. Ты как, Сергей Лукич?

– А что, хорошая идея. Мне как раз надо посмотреть, как там новая колония бобров обустроилась. Всё, всем спать. Завтра в шесть утра – в поход.

Димка заснул в предвкушении приятной лесной прогулки, но на деле всё вышло совсем наоборот. Поваленные деревья, густые колючие кустарники, пересохшие русла рек, которые заросли ивняком и молодой порослью осины, превратили увлекательное путешествие в мучительный труд. Аркадий Львович объяснил дремучую непроходимость леса тем, что сотрудники заповедника стараются не нарушать девственного ландшафта, и лес сохраняется в его естественном виде. Наконец, добрались до заветного озера. Оно располагалось в довольно глубокой карстовой воронке, но воды в нем было очень мало.

– Что я говорил? Подземные воды под озером много ходов наделали, вот вода через них и уходит, – произнёс Сергей Лукич.

Как ни старались путешественники, но тщательный осмотр территории вокруг озера никаких сюрпризов не принёс. Местные достопримечательности ничем особым не выделялись от красот прочего заповедника.

Всем уже требовался отдых, и вскоре искатели устроились пить чай из термоса на живописной лужайке. Димка жевал бутерброд и рассеянно осматривал окрестности. Вдруг что-то крупное, огненно-красное привлекло его внимание.

– Смотрите, смотрите, лиса, – прошептал Димка, указывая рукой на рыжую красавицу.

– Где ты лису увидел? Не выдумывай, – отозвался Витька.

Димка посмотрел в сторону своей вытянутой руки, но ничего не увидел.

– Куда же она делась? Там ей и спрятаться негде, – недоумевал Димка.

Он поднялся и подошёл к месту, где только что была и таинственно пропала хитрая плутовка. Лисы нигде не было. Была только очередная карстовая воронка. Судя по зарослям травы на её стенках, эта воронка образовалась довольно давно. Димка уже собирался уходить, когда увидел тонкую цепочку чьих-то мелких следов, которые скрывались в незаметном, из-за нависшей травы, отверстии в боковой стене воронки.

– Нора! Лисья нора! Так вот куда скрылась рыжая.

Димка спрыгнул в воронку и посветил фонариком в довольно широкий лаз. Отверстие было широким, но коротким. Луч от фонарика выхватил отвесные стены. Пещера! Очередная пещера. У самого входа белел какой-то продолговатый камень. Димка распластался на дне воронки, засунул руки по самые плечи в нору и вытащил белый камень наружу. Да это и не камень вовсе, а самый настоящий череп. И, судя по крупным боковым клыкам, принадлежал этот череп очень серьезному хищнику. Димка выбрался из воронки, призывно замахал руками, подзывая остальных путешественников.

Первым подошёл Аркадий Львович. Увидев череп, он сел на край воронки и надолго замолчал. Наконец он улыбнулся.

– Вчера вечером я долго не спал. Всё изучал по справочнику кости доисторических животных. И видел там точно та-

кой же череп. Его владельцем является большой пещерный медведь, исчезнувший примерно двадцать пять тысяч лет назад. Это первая находка, да ещё в хорошей сохранности, в нашем регионе.

– Пап, а почему ты говоришь, что он исчез? Ведь медведи и сейчас живут в лесах, – спросил Димка.

– Нет, сынок. Это совсем другой медведь. На сегодня самым крупным медведем считается медведь-гризли, который обитает в Северной Америке. А этот медведь, череп которого ты нашёл, был в полтора раза крупнее гризли. Представь себе, хищника весом более полутонны, который бегает быстрее лошади и одним ударом лапы способен убить человека. Очень опасный экземпляр! Одно хорошо, что основной его пищей являлись различные растения и мед. Хотя, конечно, не брезговал и животной пищей.

– Так, тогда всё сходится, – взволнованно произнёс Димка. – Наш художник из первой пещеры крестиком обозначил опасное место, где жил пещерный медведь. Может, он таким способом предупреждал членов своего племени об опасности.

Аркадий Львович внимательно посмотрел на сына.

– Ты знаешь, сынок, а ведь это, может, так и было на самом деле. А может, и нет, мы этого никогда не узнаем точно. В одном мы можем быть уверены: останки пещерного медведя и новую пещеру мы обнаружили исключительно благодаря схеме, начертанной двадцать пять тысяч лет назад. В мире немало наскальных рисунков доисторического периода, а вот о схемах, подобным нашей, я не слышал. И это может стать сенсацией в научном мире. Так же, как и этот череп. Ведь ученые до сих пор не выяснили причину гибели пещерных медведей, и, может быть, именно наша находка откроет эту тайну.

Аркадий Львович поднялся на ноги и продолжил.

– А нам, друзья, пора в обратный путь. Ты, Димка, постарайся положить свою находку так же, как она лежала, теперь дело за учеными. А мы домой.

На другой день Аркадий Львович сообщил ребятам радостную весть:

– Мы тут с Сергеем Лукичом посоветовались и решили, что надо как-то отметить эти важные события. В общем, собирайтесь, поедем в магазин покупать лодку.

Витька с Димкой радостно переглянулись, затем о чем-то пошептались, и Димка сказал:

– Знаешь, пап, мы с Витькой тоже думали об этих, как ты сказал, важных событиях. И пришли к выводу, что если бы не Мосяня, если бы он не попал в беду, то ничего этого не было бы. И получается как-то нечестно: нам подарки, а Мосяне ничего. Поэтому, мы решили, что обойдемся без лодки. Помнишь, ты нам рассказывал, что в заповеднике есть программа «усынови зубра»? Так вот, на полное «усыновление» нам лодочных денег не хватит. А вот «усыновить» Мосяню до полного выздоровления – в самый раз. И это будет по-честному.

Аркадий Львович привлёк ребят к себе и долго гладил их выгоревшие на солнце вихрастые головы.

Светлана ГОРЕВА
г. Нижний Новгород

НЕСКУЧНЫЕ ПРИКЛЮЧЕНИЯ ВОВИКА И САШКИ

Давайте знакомиться. Меня зовут Саша. Мне двенадцать лет. Учусь я в самой обычной школе. У меня есть друг по имени Вовик. Мы с ним сидим за одной партой, и вообще, как говорится, не разлей вода. Наши родители утверждают, что у нас скоро начнется переходный возраст и тогда с нами будет совсем не сладить. Но кто и куда будет переходить, я так и не понял. А пока мы с Вовиком перешли из пятого класса в шестой. Каждый день с нами происходят забавные, а иногда и грустные истории,

которые запомнятся мне на всю жизнь. Вот лишь некоторые из них.

Няньки

Выражение «остаться на няньках» я испытал на себе уже много раз. Дело в том, что у Вовика есть младшая сестра – Катька. Надо сказать, превредная девчонка. Нам с Вовиком по двенадцать лет, а его сестре всего пять с хвостиком. Вот мы и дразним её то малявкой, то плаксой-ваксой. А за это она жалуется на нас маме, от которой потом Вовику достаётся по полной программе. Хотя иногда с ней даже бывает весело, когда можно вместе подурачиться.

И вот в очередной раз родители Вовика и Катьки уехали по делам, а нас оставили «на няньках». Мы с Вовиком решили сварить на обед суп.

– Так, – сказал я. – Давай для начала решим, какой у нас будет суп?

– Может, обычный, – предложил Вовик.

– Сам ты обычный! – язвительно передразнил я друга. – Все супы вообще-то разные, – с умным видом добавил я.

– Ну...из мяса... – промямлил Вовик.

– Эх, куда загнул! Давай не заморачиваться, сварим грибной.

Вовик так обрадовался тому, что я знаю, как варить грибной суп, что аж подпрыгнул на месте, хотя я ему ничего такого и не говорил.

Налили мы в кастрюлю воду, поставили на плиту и ушли в комнату ждать, когда закипит. Катька в это время возилась со своими куклами и не обращала на нас никакого внимания. Мы тоже решили немного поиграть. Достали любимую игру «Морской бой». Знаете, какая классная штука! Наши родители играли в такую игру, рисуя на листочках бумаги квадраты и кораблики, а Вовкин папа купил ему на новый год электронную игру. Вот сидим мы, спокойно играем, ни-

кого не трогаем, как вдруг почувствовали какой-то странный запах.

– Суп – то!!! – истошно заорал Вовка и бросился на кухню.

В общем, успели мы вовремя: ещё бы немного, и кастрюля сгорела бы окончательно. Повертев в руках получёрную посудину, Вовик изрёк мудрую мысль:

– Суп мы, пожалуй, варить не будем!

– А что будем? Катьку-то надо покормить, да и у меня уже в животе урчит...– ответил я.

– Давай сделаем салат! – почёсывая нос, сказал Вовик.

– Ну, конечно, салат – это проще простого! – тут же смекнул я.

Итак, мы принялись за дело, и работа закипела. Салат у нас вышел экзотический: порезали свежий огурец, помидору, редиску, зачем-то потерли туда моркови и свёклы (Вовик утверждал, что так полезнее для молодого и растущего организма). Короче говоря, положили в салат всё, что нашли в холодильнике, заправили его сметаной, так как не знали, можно ли Катьке есть майонез, и...есть наш шедевр никто из нас троих не стал.

– Вы такие балбесы, – сказала нам Катька. – Чему вас только в школе учат.

Она по-деловому взялась за дело: достала уже порезанный батон, отрезала сыр, колбасу, аккуратненько разложила всё на тарелку.

– Угощайтесь, – пригласила нас на бутерброды Катька.

– Ты бы хоть это самое...сестру-то поменьше обижал, – шепнул я на ухо Вовику. – Она у тебя хорошая!

Солнышко на ножке

На дворе было лето. Пекло так, что даже в теньке было невыносимо жарко. Мы с Вовиком и Катькой выпили весь лимонад и решили отправиться за мороженым. Одной порцией мы не обошлись: я и Вовик съели по три пломбира,

а Катя уплела аж четыре штуки. К вечеру у неё поднялась температура, сильно заболело горло.

– Я больше не буду есть столько много мороженого за один раз, – обещала Катя встревоженной маме. – Кто же знал, что я заболею из-за четырех порций.

– Ладно, полежишь пару дней дома, попьешь чаю с малиной и снова будешь здорова, – попыталась утешить мама дочку, целуя её в горячую щёку.

И погода тоже испортилась, как будто расстроилась из–за того, что Катя больше не гуляет на улице. Шёл дождь, стучал по карнизу крупными каплями, а ночью за окном гудел ветер. От этого настроение Кати совсем испортилось, она отказывалась принимать лекарство и даже совсем перестала читать свою любимую книжку. У неё, знаете, была такая красивая книжка! Просто загляденье! И хотя Вовик не был особым любителем книг, но даже он с удовольствием её читал.

Мама как только ни уговаривала Катю, что нужно выздоравливать, пить морс и чаще улыбаться, но всё было бесполезно. И тогда мы с Вовиком придумали вот что. Надели резиновые сапоги, непромокаемые плащи и вышли на улицу. Погода была такая, что, как говорится, хороший хозяин собаку не выпустит погулять. Через полчаса мы вернулись с подарком для Кати.

– Катя, смотри, мы тебе солнышко принесли, – пряча что-то в руках, сказал Вовик.

– Какое ещё солнышко? Оно не уберется в руки, да к тому же ещё и горячее, – пробурчала его сестра.

– А ты только посмотри, – раскрывая мокрые от дождя ладони, ответил Вовик.

Кате стало любопытно, что это за солнышко такое, и она повернулась на кровати лицом к нам. В руках у её брата была обыкновенная ромашка.

– И правда, солнышко на ножке, – улыбнулась Катя, и лучик солнца из окна легко коснулся её щеки.

Железная логика

Я очень люблю рисовать, меня, как говорит моя мама, хлебом не корми, дай порисовать. Так вот однажды Вовкиной сестре Кате задали в детском саду домашнее задание: нарисовать сюжет из своей любимой сказки. Я решил ей помочь.

Взяли мы с Катей чистые листочки бумаги, фломастеры, карандаши, достали даже краски и сели придумывать рисунок. Катя рассказала, что её любимая сказка «Дюймовочка». Тогда я предложил нарисовать речку, жабу на листике и Дюймовочку, которая сидит в кувшинке. Катя наморщила нос:

– Ну...это слишком много, мне не хочется так долго рисовать! Давай что-нибудь другое придумай.

– Хорошо, давай только Дюймовочку нарисуем.

Катя согласилась.

– Иди к Вове, посмотрите телевизор, пока родители с работы не пришли, я сама нарисую рисунок.

– Точно нарисуешь? А то ведь я вроде как твой добровольный помощник.

– Нарисую, не переживай! – заверила меня Катя.

Я со спокойной душой уселся перед телевизором.

Через полчаса Катя приносит свой рисунок. На листе была изображена кувшинка, вокруг которой была нарисована голубой краской вода.

– Вот, – гордо сказала Вовкина сестра. – Мой рисунок по сказке «Дюймовочка».

– А где же сама Дюймовочка? – удивлённо спросил я. – Тут только цветок, как же воспитательница поймёт, что это за сказка.

– Так Дюймовочка же была вот такая малюсенькая, – Катя показала пальцами размер сказочной героини. – Её даже в цветке не видно. А Наталье Павловне я скажу, что там сидит Дюймовочка, ну просто очень маленькая.

– Да... – задумчиво сказал Вовик. – Железная логика.

Юрий МАРТЫНЕНКО
ЛНР

СНЕЖНАЯ МАТРЁШКА

Замороженное солнце всеми силами пронизывало утренний зимний воздух. Это было заметно по тому, что всматриваться в него казалось особенно непривычным. И весьма очевидными были такие непростые усилия. Ведь это терпкое от мороза пространство только начали тормошить смех и крикопение детей. Солнце разглядывало своими лучами каждую крупинку снега, стирая с него любую тень. Солнечные зайчики игриво прыгали вокруг шапки на веревке, что висела во дворе. Это была ушанка, которую повесили дети, чтобы сделать из неё кормушку. Она была подвешена за шнурки и свисала внешней частью наружу, а внутренняя казалась похожей на ямку. Малыши думали, что так птицам будет тепло. Они насыпали туда семечек, которые взяли дома. Казалось, что их идея удалась.

Несмотря на схожий цвет шапки и семечек, пернатые «услышали» их по особенному аромату. Ребята спрятались за сугробом, чтобы не спугнуть птиц, и, затаив дыхание, наблюдали. Первым прилетел снегирь. Он приземлился в шапку так, что она, как детская кроватка, даже не шелохнулась. Снегирь умостился, и первые две минуты не прикасался к зерну. Видимо, он не верил своему «семечковому» счастью. Хотя по тому, как птица горделиво выдвинула свою красную грудку и наслаждалась солнечным загаром, можно было подумать, что она отдыхала после долгого полета. Вскоре ребята увидели, как снегирь, с набитым едой зобом, еле-еле вылетел из шапки, жутко лениво передвигая крыльями.

Одни дети быстро лепили оборонительные замки, а другие ещё живее делали снежные колобки. Для ребят это сейчас городок Пультяшкино для мальчиков или Лапчакия для девочек с минутной историей. Почему с минутной?

Ведь как только дети разыграются, то этим постройкам будет не смешно. Но такое занятие было для тех, кто уже накатался на санках. А те, кто ещё горели желанием, полировали «плюшками», «сковородками» и другими видами санок засыпанную снегом даже малозаметную возвышенность.

Но кто-то из самых отчаянных вспоминал рассказы своих бабушек, как они катались после уроков, и повторял их способ. Так, он снимал с себя портфель, бросал на снег и скатывался на нем вниз. Правда, далеко ехать не доводилось. Ведь тяжесть знаний в портфеле, похожая на мешок с цементом, была несравнима с бабушкиной учебой. Некоторые дети вместе с катаниями хотели попробовать и другие забавы. Поэтому они играли в «лады». И когда их почти догоняли, то они вмиг запрыгивали на санки и спускались вниз, радуясь вдвойне. Ведь не поймали, и покатался.

Уроки только закончились, и первоклассница Маша не спеша возвращалась домой. Она шла одна, потому что одноклассники сразу после звонка гурьбой выбежали на улицу. День был светлым, а снег сиял своей белизной так, что приходилось прищуриваться. Казалось, что солнце спустилось к снегу, которое теперь, словно зеркало, отражает прикосновения светила. Девочка проходила через парк, а вокруг разворачивалось снежное представление. Перед ней, как отважные всадники, пробегали мальчишки и бросались снежками. Так они играли в снежные «лады». Они ждали эту игру и, самое главное, обильного снега целый год.

Эта игра была похожа на обычные «лады». Только в них, чтобы много не бегать в тёплой одежде и не устать, нужно было попасть в другого снежком. Таким трюком можно передать «ладу». Наверное, это самый лучший вид игры: можно научиться быстро лепить снежки, и меньше бегать, и даже улучшить свою меткость. Маша видела настоящие декорации из снега и спонтанную сцену под беззаботным руководством ребят. Она смотрела, как самые задиристые

и упрямые играли в «царя горы». И точно, величественный сугроб на вершине был облеплен округлыми скалами. На них кто-то из ребят возвышался и сталкивал к подножью других. Но таких смельчаков всё-таки смещали проворные мальчики, и это напоминало вечный механизм.

Девочка проходила под деревом, как вдруг ядро снежка лопнуло над ней и припудрило одежду! Она испугалась и зажмурилась от снежного звездопада. Затем открыла глаза и увидела, как из дупла на неё удивленно смотрит белка. Девочка догадалась, чем потревожила зверька. Она смущенно улыбнулась ему и пошла дальше. А белочка посмотрела на неё, повела в разные стороны усиками и принялась за свою бухгалтерию припасов.

Тем временем Маша выходила из парка и любовалась белоснежным торжеством. Мимо неё пробегали и молодая пара, и уже совсем взрослые прохожие. Все они смеялись и в шутку бросались снегом. Это очень удивило девочку. Ведь она была уверена: так могут дурачиться разве что старшеклассники. А остальные уже совсем выросли и занимаются важными делами. И она истинно верила в это, думая, что все студенты проводят время с пользой. А те, кто уже зарабатывают на жизнь, загружены своими делами и им точно не до развлечений. Скорее всего, они стараются пережить наяву всегда лёгкие и жизнерадостные ощущения, которые были присущи им в детстве. Ведь только с ними можно считать жизнь лёгкой и счастливой.

Девочка заметила какое-то оживленное движение: по краям дороги лепили в шеренгу снеговиков. Всё происходило как на настоящей стройке. Работа кипела, и дети старались всеми силами поскорее доделать фигуры. Оказывается, малыши решили устроить смотр снеговиков. Ребята разбились на две команды и каждой назначили свою сторону бордюра. А подарком в случае победы был настоящий мешок конфет от проигравших. У детей, как и у взрослых, были распределены роли. Мальчикам, пото-

му что они сильные, нужно было катать шары для частей тела снеговика. А девочки, как настоящие модницы, украшали его всем, что попадётся. Хотя и тем, и другим было нелегко. Ведь их родители, как учили бабушки, надевали на детей всевозможные тёплые вещи, завязывали шапочку с бубоном и обматывали шарфом длиннее, чем сам ребенок, закрывая лицо до глаз. А это затрудняло движения тела.

С виду «строители» напоминали плюшевых упитанных медвежат: так очень смешно и неуклюже они ходили. Маше захотелось помочь им. Она подошла и ласково спросила: «Можно мне с вами лепить?» Но девочки спешили и не хотели отвлекаться, поэтому ответили: «Отстань. Мы сами справимся». Машу этот ответ так обидел, что и «отстала». Она, расстроенная, отвернулась от них и вышла из парка. Ей было непонятно, что же она сделала плохого, отчего так разозлились девочки. Даже приподнятое настроение испортилось так, что внутри ничто не хотело искать ответ. И теперь она потупила в асфальтированную снегом дорогу взгляд и возвращалась молча домой.

Своими шагами она повторно перемалывала замороженные крошки облаков и слышала, точно ход часов, их дрожь. Ей казалось, что с каждым звуком трещит душа. Будто вся сила и полнота её шагов автоматически переносится на неё. Она устала и остановилась. Сумбур мыслей и переживаний переполнял её. Внутри все чувства усиливались, словно гулкий набат, намекая на что-то удивительное.

Маша придумала, что если девочки не хотят её помощи в украшении снеговика, то она сама слепит его. С такими бодрыми чувствами она принялась за дело. Сначала скатала самую большую, как планета, часть снеговичка – ножки. Потом разошлась и, как мешок с подарками, слепила середину – животик. И уже совсем маленькую, как воздушный шарик, прикрепила голову. Её воображение проснулось, и девочка стала украшать своё создание.

Маша точно была уверена, что её снеговик и его наряды будут лучше, чем у тех девочек. А возможно, и самые лучшие, какие только можно представить. Маша решила не стала вместо носа крепить морковку, для улыбки и глазок камешки, а на голову дырявое ведро. У девочки с собой были засушенные жёлтые одуванчики, которые ей подарили в школе. Поэтому она их «рассадила» на улыбку снеговика. Так у него появились пушистые солнечные зубки. Затем нашла в портфеле пару красивых ярких пуговиц, которые она купила, чтобы пришить своему игрушечному зайчику. Но сейчас снеговик важнее. И они отправились на глазки.

Для носика у неё оказался с собой клоунский нос. А с головой снеговика были проблемы. Маша никак не знала, что придумать. Сделать рожки из веточек – он будет похож на козлика или на робота. Оставить без головного убора – тоже глупо. Ведь как можно ходить по морозу без шапки?! А вдруг простудится! Но всё же девочка вспомнила, что сегодня она исписала всю тетрадь. Поэтому, как корону, поставила развёрнутую тетрадь на той странице, где записана сегодняшняя дата. Так был установлен день рождения снеговика.

Последним штрихом стал расписанный в русском стиле платок. Он уже износился, и девочка решила, что платок послужит украшением снеговику. Маша развернула его и набросила на плечи. В таком наряде снеговик был похож на веселого богатыря. Хотя... с таким платком он, скорее, был похож на снежную матрешку. Да, это больше подходило под его образ – Снежная матрешка. Но Маша назвала его Снежовник.

Девочка закончила работу и отошла в сторону, с удовольствием рассматривая свой «шедевр». Он был такой красивый и милый, что она уже забыла об обидчицах и прыгала на месте от восторга и гордости. Снежовник был так очарователен! Она подбежала к нему и крепко обняла. Спустя некоторое время Маша услышала голос, зовущий её. Она

обернулась, но никого не увидела. Затем отошла от снеговика и прошла немного вперед, чтобы разглядеть за деревьями проказника. Но никто не показался. И вдруг её имя повторили за спиной. Она посмотрела назад и увидела, как ей подмигивает Снежная матрешка. Маша растерялась и не могла даже пошевелиться. Потом пришла в себя и решила, что ей привиделось. Чтобы в этом убедиться, девочка подошла к снеговичку и с подозрением стала всматриваться в него.

И здесь Снежовник учтиво и радостно поздоровался с девочкой. Она не верила тому, что слышит и даже видит. Это по-настоящему казалось чудом! Ведь, как известно, чудеса случаются. Но для Маши это не было весомым аргументом в подтверждении тому, что происходит. Она не верила в живого Снежовника, хотя все чувства исподтишка говорили обратное. И девочка решила оставить это открытие. Она побежала домой, успокаивая себя, что новый снеговик появился только в её голове, причем от переизбытка чувств. Но самообладание не в силах было помочь девочке. Зато мамин борщ, где нежилась сметана, легко справился со всеми её невзгодами. После этого Маша по-другому смотрела на ситуацию. Девочка думала, что после выполнения домашнего задания, скорее всего, ещё одной порции борща и, конечно, мультиков она уснет и забудет о случившемся. Так всё и сложилось.

Утром, как только солнце открыло свои глаза, вместе с ним проснулась и Маша. Сделав зарядку, а затем позавтракав творожными блинчиками со сгущенкой, девочка отправилась в школу. Уроки прошли хорошо, Маша получила пятерки. Общение с подружками тоже было приятным. День задался. По вчерашней тропинке, которая вела к дому, девочка шла вместе с одноклассниками. Снеговики уже «выстроились» в ряд. Правда, на месте их носов часто можно было не досчитаться морковки. Видимо, воронам они были нужнее. А когда ребята проходили мимо Снежовника, то все обратили внимание на него и похвалили.

Маша так гордилась своим творением, что уже передумала признаваться, кто автор. Она решила оставить своих попутчиков и подошла к Снежовнику. Его черты не изменились. Даже стали красивее после ночного мороза. Девочка обошла вокруг. Она подумала: «Ничего он и не говорит. Привиделось всё это. Бредни какие-то». Но, как и вчера, Снежовник поприветствовал девочку и поинтересовался, почему она его так быстро покинула. Маша обомлела и шлепнулась в сугроб. Теперь точно она не могла найти причины того, что происходит. Снеговичок засмеялся – его насмешила забавная история девочки. Не желая оставаться в роли клоуна, Маша поднялась, собралась с мыслями и хмуро взглянула на снеговика. Но он продолжал смеяться. Тогда девочка возмутилась вслух: «Перестань! Я не пугало огородное!». Снежовник замолчал и обиделся на девочку. Ведь он считал пугал своими двоюродными братьями, потому что они тоже сделаны рукой человека и их летом наряжают, только в некрасивое. Прежде чем показать величину обиды, снеговичок поднял глаза к солнцу – и у него растаяли слезы.

В таком «промокшем» виде он посмотрел на девочку и в обиде отвернулся. Это растрогало её. Она стала извиняться перед снеговиком. Маша говорила «волшебные» слова вежливости и предлагала «писк моды» для снеговиков – солнцезащитные очки. Хотя Снежовник хотел бы носить такие очки, но он сказал: «Твои очки мне не идут. Они не подходят к тону моей кожи». У снеговика не было модных излишеств – всё скромно, но со вкусом. Он всего лишь хотел общаться с Машей, со своей создательницей. По истечению времени принятия извинений Снежовник повернулся и простил девочку. И наступила веселая жизнь!

После уроков девочка резво направлялась к Снежовнику. Иногда от такой прогулки не отставали белки, перепрыгивая с ветки на ветку. Но девочка быстрее полета снежка приближалась к парку, где проживал её друг-снеговик. Маше хотелось встретиться со Снежовником и рас-

сказать, как прошёл её день. А лучше, конечно, послушать его самого. Ведь он столько видит и узнаёт, даже больше, чем девочка на уроках. Например, снеговик рассказывает: «Сегодня видел, как парень и девушка радостно бегали по снежному морю, и она случайно упала в сугроб. Сперва я решил, что парень поднимет её, но всё было непредсказуемо. Он растянулся рядом, и они вместе барахтались в снегу. Я разволновался и уже думал как-то помочь этим «глупчикам», но они так же неожиданно, как и упали, вскочили, побежав дальше. По всем приметам они напоминали снежных людей».

Маша удивилась: «А почему не на снеговиков, как ты?».

Снежовник важно улыбнулся: «Снеговики – круглые и тихие, а главное, никуда не спешат».

После беседы девочка, веселая, возвращалась домой. И когда она шла по дороге, и когда ела вкуснейший мамин обед, когда делала уроки и даже когда засыпала, думала о Снежовнике. Ведь этот снежный колобок самый интересный из её друзей. Он рассказывает обычные истории как-то особенно и наивно. Вот недавно случился такой разговор:

Снежовник: «Ты знала, что воробьи против тех, кто подслушивает?»

Маша: «С чего ты взял?»

Снежовник: «А вот сегодня прогуливались две школьницы и оживленно о чем-то болтали. Мне было интересно послушать, что они обсуждают. Но по привычке я не питал надежду это узнать. Ведь, как и все другие, они мимо пройдут – и только эхо несвязных фраз смогу услышать. Но, видимо, школьницы устали и решили присесть на скамью рядом со мной. Я так обрадовался, что улыбнулся одуванчиками. Только начал улавливать смысл их беседы, как с неба упали воробьи и присели на меня. Эти птицы были ещё болтливее, чем школьницы. Их бесконечно пустые споры подтверждали это. И чем больше я пытался расслышать беседу девочек, тем воробьёв становилось больше, и они ещё громче щебетали. Вскоре птички достали

так школьниц, что те решили продолжить прогулку. Как же я ждал что-то интересное! Но едва девочки отдалились от меня, как болтуны-воробьи сразу улетели. И как здесь не сделать вывода, что эти птицы большие противники подслушивания?!»

Маше было и смешно, и обидно за Снежовника. Но она взяла себя в руки и сказала: «Ничего. Зато я могу тебе не менее интересное рассказать».

Маша вспоминала что-то занятное, и так они долго общались. Всякий раз после школы девочка приходила к Снежовнику, и время бежало незаметно. С собой Маша могла принести что-то вкусненькое и давала снеговичку. Но он вежливо отказывался, после чего девочка кушала за него. Маше казалось, что Снежовник чересчур скромный по отношению к таким кулинарным подаркам. Но ей где-то в душе, а точнее в животике, это безумно нравилось. И в любую погоду Маша болтала со Снежовником и радовалась тому, что у неё есть такой необычный и верный друг. О нем девочка никому не рассказывала. Да и кто бы поверил?! Никто даже догадаться не мог, потому что Снежовник тщательно скрывал это. Но при появлении Маши он тут же оказывался самым заметным. И это видела только девочка.

Однажды снеговичок подшутил над одной довольно рассеянной белкой. Над его головой расположен домик этого зверька. Видимо, у белочки заканчивались припасы, и она решила поискать что-то на зубок. Ранним утром, когда он видел прекрасные снежные сны, белочка начала носить в дупло орешки и семечки. Но она так спешила, чтобы другие белки или вороны не заметили место, откуда она приносит еду, и много зернышек роняла прямо на голову снеговичка. Вскоре он проснулся на самом интересном моменте своих сновидений и заметил вокруг хоровод орешков и семечек. Решив проучить торопливую белочку, Снежовник ждал, пока она спустится за упавшими припасами. И когда она стала собирать их, он незаметно бросил сверху снежок. Белочка удивилась, но подумала, что это

с веток. Она подвинулась, и уже почти собрала всё растерянное, как снеговичок снова попал в неё. Белочка упала мордочкой в снег и растеряла всю свою еду. Так продолжалось ещё несколько раз, пока белочка не бросила собирать зернышки и, заснеженная, вскарабкалась в дупло, чтобы привести себя в порядок. Больше белочка не роняла свои вещи на Снежовника.

Наступила весна. Но первый месяц март ещё поддерживал зимнее настроение. Даже сосульки не двигались с крыш. Маша приходила к Снежовнику и рассказывала, какими бывают весна, лето и осень. Ведь снеговик никогда их не видел. Вишня, груша и яблоко казались ему ещёбольше выдуманными, чем он сам. Но девочка приносила ему эти фрукты, и он разглядывал их.

Уже наступила середина апреля, и начало теплеть. Птицы стаями возвращались из тёплых краев, подавая жизнерадостный клич. И вот в такой день Маша возвращалась с уроков, и солнце щекотало её глазки. Она повернула в сторону Снежовника, но даже среди потемневших мокрых деревьев не смогла разглядеть его белоснежную фигуру. Девочка испугалась и изо всех сил побежала к нему. Но на его месте стояла прозрачная лужа, в которой лежали платок, пуговицы, клоунский нос и выложенные в улыбку одуванчики. Девочка никогда так не расстраивалась. Как ей было обидно и тяжело! Но она ничего не могла поделать. Сначала чуть не заплакала, но вспомнила слова Снежовника, что жизнь – это лапочка. Не нужно её расстраивать своими слезами. Ведь всё образуется. И пока можно улыбаться жизни, значит, это нужно делать всегда. Но всё-таки Маша оставила свою слезинку на улыбающихся одуванчиках.

Она стояла и не хотела никуда идти. К ней подошёл такой же школьник и спросил, почему она грустная. Но девочка не отвечала. Тогда мальчик увидел вещи в воде и поднял их. Маша лишь сказала, чтобы одуванчики не трогал. Она посмотрела на улыбку снеговика, и ей стало немного лег-

че. Затем ребята долго гуляли по парку, мило беседовали и по-настоящему подружились. Тогда Маша поняла, что снеговика можно слепить и вместе следующей зимой. Но такого доброго мальчика редко встретишь. Улыбнувшись друг другу, дети дружно побежали домой. А им вслед из лужи распустились улыбающиеся одуванчики.

Тамара МАРТЫНЮК
г. Партизанск, Приморский край

РЫЖИК

Однажды, холодным декабрьским вечером, провожая соседку и открыв настежь дверь, я увидела, что по ступенькам медленно и молча поднимается рыжий котенок. На вид ему было месяца три или четыре. Поскольку он был не просто давно не принимавший душ, но и ушки у бедолаги были слегка подморожены, я поняла, что он бездомный. Видимо, зашёл в подъезд погреться, а когда услышал наш разговор, пошёл нам навстречу. Возможно, в глубине души, надеясь на что-то хорошее.

Меня заинтересовало, зайдет ли он ко мне или поднимется на пятый этаж. Не обращая на меня никакого внимания, не поздоровавшись, не попросив разрешения, котенок зашёл в мою квартиру и стал обходить и осматривать каждый угол. Похоже, его всё устраивало, и, закончив свой оценивающий обход, спокойно лёг на мои лежавшие на полу у шкафа тёплые пушистые красные носки.

Меня это и удивило, и порадовало. Наши вкусы совпали, мне и самой очень нравились эти красивые тёплые сувенирные носки. Но особенно меня подкупило то, что, обходя квартиру, он даже не сделал ни одной попытки забраться на кресло, диван, а тем более на стол.

И я решила с ним познакомиться. На мой вопрос: «Как тебя звать?» – он не ответил, но очень внимательно посмо-

трел мне в глаза. И я ему сказала: «Ну, тогда я буду звать тебя Рыжик».

Он не возразил, на том мы и порешили. Поскольку он пришёл с улицы грязный, я устроила ему тёпленький душ, высушила выделенным в его личное пользование полотенцем и накормила.

Пить чай после баньки он не стал, но с удовольствием попил молочка и отправился спать в своё укромное местечко между шкафом и дверью. Там ему было тепло, мягко и никто не мешал.

Вот так, волею судьбы, мы стали жить вместе, присматриваясь друг к другу и изучая привычки, повадки. На следующий день я сидела в кресле, а Рыжик, выйдя из своего угла, сел перед диваном и смотрит на меня, как бы спрашивая разрешения, можно ли ему полежать на диване? На его немой и очень выразительный вопрос я строго сказала:

– Ты что, не знаешь, где твое место?

И он, быстро сообразив, развернулся и пошёл на своё место и очень долго спокойно там спал. Меня его скромность и сообразительность, конечно же, радовала. Кушать он тоже не выпрашивал. Выйдет из своего убежища, издалека посмотрит, есть ли что в его тарелке. Если есть, подойдет, покушает, а если нет, то безропотно уходит спать. Одним словом, и нетребовательный, и молчун. Не говорил даже «мяу». Если он лежал на ковре, растянувшись по-барски и греясь под лучами солнышка, проникающими через окно, а я ходила и не обращала внимания, то он лапкой старался дотронуться до моей ноги или халата. Задав ему вопрос:

– Ты что, хочешь поиграть? – я катила в его сторону мячик, а он проворно толкал мяч в мою сторону. И нам обоим это нравилось. Через некоторое время он вскакивал, выгнув спину, и убегал за диван, как бы приглашая поиграть с ним в прятки. Вот такие у нас с ним были диалоги и игры. На руки я его не брала, на диван и кресло не приглашала, дабы не разбаловать, и он спокойно перемещался только по полу.

Но такая идиллия у нас с ним была до тех пор, пока ко мне не приехала внучка из Владивостока. Внучке было семь лет и, конечно же, она очень обрадовалась, увидев котенка. Взяла его на руки, играла с ним и на диване, и на кресле, и оба были счастливы.

А после отъезда внучки, как только я выключала свет, собираясь спать, Рыжик молниеносно оказывался на диване. И я смалодушничала, не ругала и не прогоняла, ведь от его прикосновения было тепло не только моим ножкам, но и моей душе. На улицу Рыжик не выходил до самой весны.

Даже когда я открывала дверь и спрашивала, хочет ли он пойти погулять, он тут же пятился от двери и уходил на своё тёплое место. Он хорошо запомнил, как ему на улице перед самым Новым годом было холодно и голодно. Я была в восторге от того, что Рыжик такой умный, понятливый и спокойный. Он очень любил моих гостей. Как только кто-нибудь сядет в кресло, он тут как тут. Не спрашивая разрешения, молча заберется на колени, лежит и подслушивает все наши разговоры.

Научился пользоваться унитазом и всегда старался занять его первым, а если опоздает, то всё равно, старался не просто пристроиться рядом, но ещё и вытеснить меня.

А иногда этот умник проявлял характер более выразительно. Если я приду домой с опозданием, уже с порога мой нос ощущал, что в углу за тумбочкой, на которой стоял телевизор, мой милый Рыжик приготовил для меня свой «душистый» кошачий «сюрприз», хотя унитаз был чистый и свободный. Разумеется, я возмущалась. Но при следующем моем опоздании, в отместку мне, всё повторялось.

Вот такой ревнивец и хозяин дома.

На море мы отдыхали вместе: и на острове Попова, и на Шульце. В электричке Рыжик вел себя спокойно. Сначала спал на сиденье, потом ставил лапки на подоконник и смотрел в окно с любопытством, как бы соображая, где мы едем и долго ли ещё ехать. Уяснив для себя что-то, он сно-

ва ложился спать. Вот так мы жили с ним семь лет. Весело и дружно в основном, лишь иногда немножко поссоримся, а потом помиримся надолго.

И вдруг Рыжик неожиданно исчез. Сам пришёл, сам ушёл, не объясняясь. Почему, непонятно. Прошло уже много лет, но я всегда, когда вижу на улице рыжего кота, внимательно присматриваюсь, уж не мой ли это Рыжик? Рыжих котов много, но у моего есть особые приметы.

Но, увы... Как в воду канул. А очень жаль.

Елена ЖАРИКОВА
г. Красноярск

ЖУТКО-СТРАШНО-ВЕСЕЛО!

(из цикла рассказов «Мы с Маринкой»)

Мы с Маринкой очень любим грозу. Уж больно это красиво, страшно и удивительно! Первое дело – как она приближается. Вот из-за Горячей горы, как вражеские полчища, наползает синяя туча. И сразу весь мир меняется: по дороге пылит-копытит коровье стадо, мычит тревожно, тетки соседские на разные голоса орут – скотину загоняют, моя мама и Маринкина бабушка бегом бросаются во двор – белье с веревок снимать. Мы с Маринкой прыгаем от радости и тоже бежим спасать простыни и пододеяльники, обязательно в них запутаемся, орем и хохочем!

А кругом во дворе – суматоха: собаки брешут, козы блеют, Оська пьяный на крыльце поёт: «Врагу не сдаё-о-тся наш гордый «Варяг!», кто-то бежит в огород – закрывать огурцы, кто-то спешит выставить ведра и кадки под дождевую воду, тетя Стюра подушки с забора тащит в дом – жара ж была, вытащила сушить!

Мы с Маринкой обычно во время грозы устраиваем такую веселуху. В самую гущу ливня, в самый разгар, под грохот и молнии вдвоем выбегаем – в одних платьицах и босые! –

и вокруг дома, наперегонки! – бегом, вопя от страха! Ух-х, жутко-страшно-весело!

А туча всё синее, нет, чернее, жуть в ней какая-то накипает... ветер рвёт мамин платок с головы, летят, кувыркаются, как сумасшедшие, какие-то скомканные газеты... И вот первые крупные капли уже дробят пыль. Ещё несколько минут – и небо обрушится на землю сплошной стеной!

– Ой, – вдруг говорит Маринка. – Как думаешь, успею? – и сама глазами на наш сортир показывает. А он от дома метрах в ста – деревянный домик на четыре кабиночки. Как говорят взрослые – удобства во дворе. Ага, там такие удобства!

– Давай лётом, пока бабушка не видит! – и Маринка уже огромными шагами туда бежит. А я из подъезда выглядываю. Успеет или нет?

И тут молния как полыхнет – мы аж присели! А тёть Стюра крестится и за своих поросят боится, она их загнать не успела. А Маринка засела в кабиночке! Нашла время!

И в этот волнующий момент во двор въезжает огромный грузовик, бревна в кузове. Наверно, с лесхоза дядя Толя приехал. И едет как-то неровно, ну, как пьяный. И, мама дорогая, прямёхонько на столб правит! – ну, столб обычный, который с электрическими проводами. Мы и рот открыть не успели – а он бортом по столбу как даст! Скрежет и треск! Столб пошатнулся, но устоял, искры снопом посыпались от проводов, и один провод – честно, как во сне всё! – вдруг отрывается, искрами синими сыплет и падает.

А сверху удар грома – ба-бах!!!

Грузовик так и встрял посреди двора, дядя Толя из него вылез – и бегом домой, звонить, наверное. Что беда, что провод под током во двор упал!

А Маринка из туалета как раз выходит. И, ясное дело, сначала ничего понять не может. А я ору:

– Маринка, давай бегом в обход! За домом обеги! От провода подальше! Провод упал!

И она своими длиннющими ногами хвать-хвать по тротуару, по периметру двора – к нашему подъезду. А в нем

лампочка погасла. И вообще, весь вечер света не было. Ну, к таким вещам-то мы завсегда привыкли.

Назавтра провод убрали, заменили, электричество дали. Ну, дяде Толе за эту историю со столбом влетело, наверное, по первое число! Только нам родители ничего такого не рассказывают.

А гроза-то мимо прошла, за горой где-то пролилась. А нас только попугала. Пару раз сверкнуло да ахнуло. Даже пыль не прибило. Не удалось нам с Маринкой вокруг дома под ливнем погонять.

СКАЗКИ

Ольга АРИСТАРИНА
г. Орёл

БОЛЬШОЕ ДЕЛО, или ЭФФЕКТ БАБОЧКИ

Действующие лица:

Паучок Ося – одет в жилетку, в кармане которой клубочек паутинки и вязальные спицы.

Зайчиха Зоя – очень белая и очень пушистая.

Сорока – лесная птица, частенько наведывающаяся в город. На груди медаль «За успехи в образовании».

Медведь Михаил Потапыч – главный в лесу.

Мышь серая, ученая – невзрачная, меланхоличная, носит большие золочёные очки.

Братья-волки Белый бок и Серый бок – волчата, что с них возьмёшь.

Бабочка.

Действие происходит на лесной полянке. Слева – большой дуб. На дереве висит плетёный гамак паучка Оси. На стволе прикреплён плакат Человека-паука. В центре – лужайка, которую пересекает тропинка. Справа – небольшая гора, а в ней – глубокая пещера с большим страшным тёмным входом.

Действие первое

Картина 1

Ося, раскачиваясь в гамаке, вяжет спицами паутинку и поёт:

Я паук-паучок
И с сучка на сучок
Растяну я свою паутинку,
Чтоб поймать солнца луч,
Чтоб поймать свежесть туч,
И закат, и рассвет, и снежинку...

Прилетает Сорока, садится на ветку дуба.

Сорока: Здравствуй, Ося! Какой-то ты сегодня грустный!

Ося: Всё думаю, почему я на нашей лесной поляне самый маленький и незаметный. Несправедливо. Сколько всего еще нужно чтобы вырасти – кашу есть, хорошо себя вести, школу окончить, потом институт, потом жениться и только тогда большим станешь...

Сорока: А куда торопиться-то? Поспешишь – зверей насмешишь.

Ося (Показывая на плакат с Человеком-пауком): Вот, например, мой дальний американский родственник просто удивительные вещи делает. Бывает, ещё до обеда по два раза мир спасёт. Открытки шлёт. Редко, правда. А я... Сплошное разочарование для семьи. Белки надо мной смеются, лягушки издеваются. А наш Михаил Потапыч вообще о моём существовании не знает. Как же я хочу стать взрослым. И чтобы быстро! Когда ты большой, всё на свете можешь сделать.

Сорока: Не переживай так. Я тебе помогу. Я же не обычная сорока. Другие мои сородичи всё, что блестит, тащат. А я умная. Услышала как-то в городе, что слово – серебро. Вот и собираю у людей всякие там умные слова. И никому вреда нет, и никто воровкой не обзывает. Сплошная польза.

Ося восхищенно: Не зря у тебя на груди висит медаль «За успехи в образовании»!

Сорока: Так вот... Говорят, нужно сделать что-нибудь большое, и моментально в глазах других вырастишь!

Ося с воодушевлением: Большое дело?! Да это я запросто. Легче лёгкого! Я сделаю огромное-преогромное, громадное-прегромадное, колоссальное, в-о-о-т такущее! *(Показывает руками)*. Всё, побежал! *(Спускается по паутинке с дуба)*.

Сорока вслед: Постой ты! Люди ещё говорят – делали наспех, а сделали на смех, без уменья и труда не вытащишь и рыбку из пруда. Волка ноги кормят... Ой, это уже что-то не то...

Картина 2

Ося гуляет по лесной полянке. Поёт:

Все говорят, я маленького роста.
Меня заметить средь листвы непросто.
Я невидимка, скромный паучок,
А был бы взрослым, столько б сделать мог...
Пробиться трудно на пути большом,
Когда тебя считают малышом.
И хоть исправно я во сне летаю,
Наутро никогда не подрастаю...

На полянку выходит Зоя.

Зоя: Что я слышу: паучок в депрессии... Значит, вырасти хочешь... Нам, девочкам, конечно проще. Обул туфли на каблуках – полный порядок. Ладно, я тебе помогу. Когда другим помогаешь – от этого цвет лица улучшается.

Ося: Да отстань ты, Зоя, со своими глупостями. Не до тебя мне. Полдня по лесу бегаю. Думаю, как великое дело сделать. Ничего в голову не приходит.

Зоя: А что ты умеешь?

Ося: Могу паутину плести.

Зоя: А еще?

Ося: Могу не плести...

Зоя: Да... А прыгать умеешь?

Ося: Нет...

Зоя: А шубку менять летом и зимой?

Ося: Это еще зачем?

Зоя: А ушами шевелить?

Ося: Тоже не умею...

Зоя: А следы путать? А морковку грызть?

Ося: (чуть не плача) Нет...

Зоя: Ничегошеньки ты не можешь. Совсем к жизни неприспособлен. Тут нужно что-то гениальное придумать...

Ося: Мне, кажется, я уже все мысли передумал...

Зоя: Слушай меня. Мы такое большое дело сделаем – ты самого медведя перерастешь. Посмотришь на него сверху

вниз, а он такой малюсенький, забавный лапками своими крохотными где-то там семенит-семенит...

Ося: Это уж слишком. Можно, наверное, дело и поменьше...

Зоя: Не бойся! Пожалуй, тоже к тебе присоединюсь. Я сейчас в лесу самая красивая: беленькая, шерстка мягкая. Прославлюсь, и красота моя в глазах других ещё больше вырастет – без всяких там шампуней, лосьонов...

Ося: Ну да, Сорока говорила: красота – страшная сила. Так тебя лисы даже станут бояться...

Зоя: Меньше слов. *(Оглядывается в раздумье).* Давай, знаешь, что... Прямо здесь на поляне сложим огромную кучу веток, шишек, всякой всячины. До неба! Все будут ходить – удивляться: какое большое дело кто-то сделал. А мы тут как тут. Та-дам!!!

Ося с недоверием: Ну, давай, хоть это долго – до самого обеда работать придется, а Сорока говорила – от большого дела мгновенно вырастаешь.

Зоя: Не слушай её. Приступай! Только ты сам. Я девочка, у меня прическа, маникюр... Буду руководить процессом.

Ося начинает носить на дорожку шишки, листья, цветы. Приносит даже ящерку, но та убегает.

Картина 3

Появляется Михаил Потапыч. Марширует, поёт, чеканя слова:

В лесу быть должен порядок строгий:
Цветок к цветочку, к листу листок.
Я лично все обхожу дороги,

(Медленнее, сбиваясь с ритма) Чтоб здесь шалить никто не мог...

Натыкается на кучу мусора.

Михаил Потапыч: – Ох ты, боже ж мой! Это кто ж такой умный?!

Зоя: Я!

Михаил Потапыч: Это кто ж такой умелый?!

Зоя: Я!

Михаил Потапыч: Это кто ж такой ловкий?!

Зоя: ЯЯЯЯЯЯ!

Михаил Потапыч, не обращая на неё внимания: Нашу дорожку на лесной опушке разным мусором завалил! Уж я его сейчас да за длинные уши оттаскаю. И не видать ему морковки полгода!

Зоя: Я хотела сказать, что Я не знаю, кто это... Сама в шоке!

Ося в сторону: А меня Михаил Потапыч опять не заметил. Даже не ругается... Если честно, обидно... Ведь в нашем лесу он считается самым справедливым и сильным *(Обращается к медведю):* Михаил Таптапыч, ой, то есть Потапыч... Мы сейчас всё уберём. Не волнуйтесь!

Медведь: И чтоб быстро! *Грозит Зое и молча уходит.*

Действие второе

Картина 1

Полянка уже расчищена. Ося относит последнюю шишку вглубь леса.

Зоя: Ввысь сделать большое дело не получилось.

Ося: Еще как не получилось. Раньше медведь меня не замечал, а теперь сердится.

Зоя: Давай в ширину попробуем – необхватное, необъёмное дело сделаем! Так, по крайней мере, никого не завалит. Без жертв обойдемся.

Ося: Это ещё как?

Зоя: Ты говорил, паутинку умеешь плести, вот и плети. Длинную-предлинную, чтобы весь лес, каждую веточку, каждый листочек опутать можно было. Чем не большое дело! А я пойду цветочки пособираю.

Ося: Попробую.

Ося садится у дуба, начинает плести паутинку, щёлкая вязальными спицами.

На полянку выходят волки. Серый бок и Белый бок. Рычат друг на друга, дерутся.

Серый бок: Я в лесу самый сильный!

Белый бок: Как бы не так!

Серый бок: Да я, если захочу вон ту берёзку к земле согну! *Ломает молодое деревце.*

Белый бок: Чего там берёзку – я дуб завалю! *(Намеревается идти к дубу, но Серый бок его останавливает).*

Серый бок: А я тебя по лбу щёлкну!

Белый бок: А я тебе по уху заеду!

Начинается драка, братья катаются по полянке, но никто не может победить.

Серый бок: Так дело не пойдёт!

Белый бок: Все кости друг другу пересчитали, а кто сильнее не поняли.

Серый бок: Давай, кто больше раз в белок шишками попадёт, тот и самый сильный!

Белый бок: То, что надо. Но я всё равно сильнее!

Начинают собирать шишки.

Ося: Что ж такое творится. Начнут с белок, потом до паучков дойдут. Когда вырастут, даже медведю не поздоровится. Нужно действовать. Жалко паутинку, опять большое дело не сделал... Но живые-здоровые белки важнее, хоть они и вредные. Возьму-ка я паутинку, свяжу две равные части посередине, а там посмотрим...

Ося берёт паутинку, рвет её на две равные части, связывает их посредине бантиком.

Ося: Здравствуйте, Белый бок и Серый бок!

Белый бок: Чего тебе надо, мелюзга?

Серый бок: Не видишь, мы заняты!

Белый бок: Наша судьба решается!

Серый бок: Поединок века!

Ося: Зачем вам с белками-то силой мериться? Вы друг с другом боритесь!

Серый бок: Не получается.

Белый бок: Пробовали. Все в траве изваляемся...

Серый бок: Шкуру друг другу помнем...

Белый бок: Все бока болят...

Серый бок: Хоть волком вой...

Белый бок: А кто сильнее, непонятно.

Серый бок: Каждый день одно и тоже...

Ося: Так вот вам канат! *(передает связанную паутинку)* Сойдитесь на опушке и попробуйте перетянуть. Кто выиграл, тот и сильнее!

Белый бок: Элементарно, Белый!

Серый бок: И чего ж нам раньше в голову не приходило.

Волки начинают долго и упорно перетягивать паутинку. Узелок развязывается. Оба отлетают в противоположные стороны.

Белый бок: Опять ничего не получилось!

Серый бок: Я так и знал!

Белый бок, потирая спину: Так даже обиднее. Будто тебя побили, а ты сдачи не дал.

Серый бок: Готовьтесь, белки.

Ося: Подождите! Вы оба тянули?

Белый бок: Оба!

Ося: Оба старались?

Серый бок: Оба!

Ося: Смотрите – канат порвался ровно пополам. Значит, и силы у вас поровну!

Белый бок: Невероятно, но факт!

Серый бок: Доказано опытным путём.

Белый бок: Жизнь потеряла смысл...

Серый бок: Да ладно, бегаю-то я всё равно быстрее тебя!

Белый бок: Это мы ещё посмотрим!

Наперегонки убегают в лес.

Появляется Зоя. Смотрит на порванную паутинку.

Зоя: Неужели, опять ничего не получилось?

Ося перевязывает сломанную берёзку паутинкой.

Ося: Ничего. Напрасно только время тратил... Хотел сделать большое дело, а даже крохотное не довёл до конца... Хотя бы берёзку полечу, пусть растет большая, красивая.

Действие третье

Картина 1

Гамак на дубе превратился в паутинку. Возле неё порхает бабочка. Путается в паутинке и бьётся в ней.

Ося, Сорока и Зоя выходят на полянку.

Зоя: Я поняла. Нужно не ввысь, не вширь, а вглубь идти. На том краю опушки есть старая пещера. Глубокая – даже эхо теряется.

Ося: Туда никто из зверей не ходит – все боятся.

Сорока: Вы-то не побоитесь – о ваших геройствах уже весь лес знает. Это ж надо было такое выдумать? Дорогу мусором завалили, волчат чуть не покалечили. Просто семь пядей во лбу!... Баба с возу – кобыле легче... Ой, опять, кажется, не то...

Ося: Лучше бы помогла нам, чем ругаться.

Сорока: Да я за вас беспокоюсь. В пещере ведь страшно, а у страха – глаза велики!

Ося радостно: Если так, и у страха, правда, большие глаза, сам он вообще огромный! Мы его из пещеры выгоним, и все сразу заметят, что страха не стало!

Зоя: Ага. Нам не то, что морковку, нам тогда орден дадут! Побежали скорее!

Ося: Подожди! Вон там бабочка в паутине запуталась. Я быстро помогу и пойдём.

Зоя: Да кому она нужна, твоя бабочка. Мелюзга бесполезная. Не пушистая, пёстрая, – безвкусица! Сейчас белый в моде... Пойдём страх выгонять, а то опередят ещё!

Ося: Я недолго!

Ося идёт к бабочке, достаёт её из паутинки. Бабочка благодарно кружит и исчезает в листве.

Картина 2

Пещера. Пугающий темнотой чёрный вход. Ося и Зоя гремят, шумят, кричат, чтобы прогнать страх.

Ося: Выходи, страх! Мы тебя ни капли не боимся. Хватит в нашем лесу зверей пугать!

Выставляет спицы, словно шпагу.

Зоя: (громко) Выходи, *(почти шёпотом)* подлый трус, *(чуть громче)* пожалуйста...

Пускает в темноту зеркальцем солнечных зайчиков!

Сорока: Ничего личного!

Вдруг в пещере загораются красным огнём чьи-то глаза.

Сорока: По-моему, мне пора. Бережёного Бог бережёт. Семеро одного не ждут. Куй железо, пока рак на горе не свистнет... *(Улетает).*

Зоя падает, закрывает ушами глаза: Лапы холодеют. Сердце сейчас выпрыгнет из груди! Я так полиняю раньше времени!

Ося: Не бойся, я тебя в обиду не дам.

Из пещеры появляется Мышь серая ученая.

Мышь: Чего ж вы разорались? Зайка, ты что с такими-то ушами и оглохла – кричишь на весь лес!

Зоя, расправляя ушки: Можно и повежливее. Ты кто такая?

Мышь: Мышь я серая, учёная!

Ося: А чего здесь делаешь?

Мышь: Прячусь!

Ося: Зачем прячешься, если учёная? Сорока говорит, ученье – свет, а ты в темноте сидишь!?

Мышь: Да не могу я больше обиды терпеть. Меня, как только кто увидит, сразу в крик. На стулья залезают, руками машут, ногами семенят. Бывает и того хуже – бросаться чем попало начинают. Я же не виновата, что я такая – серенькая, невзрачная! Зато аккуратненькая, юркая. *(Показывает на Зою)* Да вот эта лохматая громадины куда страшней, я так думаю.

Зоя: Я тебе сейчас покажу!

Мышь, не обращая на неё внимание: Раньше жила в библиотеке. На полке с литерой «Б». Какое соседство: Бианки, Барто, Бажов, Булычев, Бредбери...

Зоя: Они тоже мыши?

Мышь: В такой белой головке темнота беспросветная...

Ося: Нет, это детские писатели. Мне Сорока наизусть читала.

Мышь: Молодец. Я бы тоже хотела почитать спокойно. Только возьмешь в руки книгу, начнешь страницы переворачивать, сразу кто-нибудь визг поднимает, а в библиотеке тишина должна быть. Вот и решила уйти в пещеру. Хозяйством кое-каким обзавелась, на газеты подписалась...

Ося: А как же страх – он с тобой живет?

Мышь: Нет тут никакого страха. Я сначала волновалась, а потом поняла – наверное, тоже меня испугался и убежал. И вы идите не травите душу.

Ося: А я, по-моему, знаю, что делать... Сорока, говорила, встречают по одежке и... Как дальше – забыл...

Мышь: А дальше и не надо. Мне нужно как раз, чтоб меня встречали, и не убегали, и провожали, и потом даже немного тосковали, и снова приглашали, и ждали...

Ося: Минуточку!

Берёт спицы в четыре руки, что-то вяжет. Достаёт накидку, похожую на крылья бабочки, дарит Мыши.

Ося: Это тебе!

Мышь, примеряя: Да ты что!? Не может быть! Да я красавица!

Зоя, немного завидуя: Хоть на показ мод!

Мышь: Сейчас совсем другая жизнь начнётся! Прочь из пещеры! Весь мир объеду! Буду в других лесах с лекциями выступать! В «Спокойной ночи, малыши» сказки рассказывать! Инстаграм заведу!

Зоя: Что?

Мышь, не замечая её вопроса: Спасибо, Ося от всей души! Столько знаю, а слов сейчас не хватает от восторга! Мерси, данке шён, сенкью, грациас!

Мышь хватает стопку книг, чемодан из пещеры и убегает.

Картина 3

Ося и Зоя идут по опушке печальные, уставшие.

Ося: День прошёл, а это жутко долго. Так и не сделали мы никакого дела – ни большого, ни самого мизерного.

Зоя: Я так думаю, куда полезнее просто найти себе занятие по душе. Делать дело и ждать, когда оно вместе с тобой вырастит. Вот ты паутинку умеешь плести. А я что – прыгать, ушами шевелить, наряды менять, в зеркало глядеть?! Надоело...

Навстречу выходит Михаил Потапыч с Сорокой, над ними кружится бабочка.

Михаил Потапыч: Ну, здравствуй, Ося.

Ося в сторону удивлённо: Ой, Михаил Потапыч помнит, как меня зовут! Ой, он первым поздоровался...

Зоя: Может, сбежим на всякий случай?

Михаил Потапыч: Молодец, паучок, ты большое дело сделал!

Ося: Я дело?! Вы меня с кем-то перепутали. Мы целый день старались что-нибудь полезное совершить, а толку мало.

Михаил Потапыч: А разве не ты берёзке, бабочке и Мышке помог?

Ося: Да какие ж это большие дела! Они и сами-то крохотные.

Михаил Потапыч: Освободив бабочку, ты красоту увидел и спас. Мышку научил в себя верить. Волчат-забияк находчивостью усмирил. А это очень большие дела! И под силу не каждому.

Ося: Я даже не думал, что такой маленький, как я может настоящие большие дела делать.

Михаил Потапыч: Сердце у тебя большое, Ося, хотя сам того не знаешь! И будущее большое, если лениться не будешь! А у тебя, Зоя, пока только уши большие!

Зоя: Как же быть?

Сорока: Дай подумаю. Красна птица пером, а человек – умом. Где паук, там и паутина. Хозяин в дому, что медведь в бору... А про зайцев я ничего не знаю...

Михаил Потапыч: Учись, Зоя. Сама на все вопросы ответ найдёшь.

Ося: Я всем что-нибудь хорошее сделаю. Буду расти, сил набираться и стараться еще больше добра делать! Это, оказывается, совсем нетрудно и приятно! Каждый может. Не важно, огромный ты медведь или крохотный паучок!

Сорока: Не имей сто рублей, а имей сто друзей! Дело мастера боится! Хлеб всему голова!

Елена ЖАРИКОВА
г. Красноярск

ПЕЧКИНЫ СКАЗКИ

В доме бабушки моей
Печка русская – медведицей.
С ярко-красною душой,
Помогает людям жить –
Хлебы печь, да щи варить,
Да за печкой и на печке
Сказки милые таить.

Ксения Некрасова

Сказка первая
Друг сердечный – таракан запечный

Как-то морозным вечером, под самое Рождество, когда покров в сиянии ранней звезды перламутрово светился и снежок под валенком поскрипывал, что твоя капустка квашена, когда дым из печной трубы высоко подымался, аж к самой луне, когда в избе все дышало чистотой и заботой праздника, свалился с печки таракан. Упал, зашиб плечико, заохал, пополз, ковыляя, в свою щель под старым комодом.

– Ох, тошно мне, горемычному-калечному, и житьё моё никудышное!

– Ишь, занудел, заканючил, да у кого ж оно лучше? – откликнулась из угла старая Метла, что весь день мела-убирала, пылью дышала, насмерть устала.

– И то верно, всем житье скверно! Уж как всё мыли, а про меня забыли,– забренчал обиженно старый Умывальник.

– А вот мне любопытно, кругом чистота-лепота, а откель взялся этот пережиток прошлого? – завелась Метла.

– Про то только Печка-матушка ведает. Она тут старше всех, она главная, её и спросим, – брякнул носиком Умывальник.

– Матушка-печка, молви словечко! – попросил Сверчок-немолчок, золотой смычок.

Печь мигнула угольком, глубоко вздохнула, пыхнула жаром да запахом щей, что томились в загнётке, и повела свои речи.

– Было то, аль не было, родимые, Бог весть. Жили мы тогда скудно-бедно: чего не хватись, за всем в люди катись. По щелям тараканы усатые, в чугуне шти небогатые. О-х-х! – Печка перевела дух. – На печи бабка глуха, у порога собачка стара. Дедок на лавке ворчит, да Танюшка-сиротка песню в уголку мурлычет.

Вот так же перед праздником весь день хлопотали, устали, притомились да рано спать свалились. Чаяли, что к первой звезде встанут, да куда там – сопят, не ворочаются. А во мне жару ещё осталось – чуть да маленько. Не углядела я, старая, как один бедовый уголек возьми и прыгни с пода на шесток да с него на пол. А там соломенная лошадка лежала – Танюшка играла да оставила. На самый хвостик малый жарок и попал, огонёк взнялся да дальше – по сухому веничку, по чисту половичку пополз. А все спят, беды не чуют. Тем же временем над самыми полатями из щели выполз Таракашечка малой. Усиками пошевелил – горячо дело, пропадут все, и он заодно. И хоть дрожал-боялся, да решился Таракашечка на крайнее. Танюшка на полатях спала, веснушки на носу да пшеничны косички, дышала сладко так, тихо. Ну вот Таракашка лапочки сложил, оторвался со стены и прямо

ей на нос угодил. Она чихнула – да проснулась. Глядь – ещё чуток и сгорели бы! Побудила всех – затушили огонь.

Так Тараканишко запечный всех спас. Эту заслугу ему попомнили и сильно не притесняли с тех пор.

Сказка вторая
Сверчок-немолчок, золотой смычок

Вздохнула Печка, так что облачко пепельное взнялось и растаяло в вечерней тишине, и повела новую сказку.

– Пришла деду Анисиму пора помирать. А все в поле, страда. Один лежит на печи, охает, угольки считает – сколь жить осталось. Мало выходит.

Откель ни возьмись – Сверчок-немолчок, золотой смычок.

– Ты чего, дедушка, никак Богу душу отдать собираешься?

– К тому, верно, идёт. И то, пожил малость. Девяносто годов мне, пора и честь знать.

– Как же мы без тебя? Кто Танюшке валенки подошьёт, лапотки сплетёт да сказку скажет?

– Ой, родимой, помрёшь – все найдутся: и сказочники, и лапотники.

– Да ведь ты, дедушка, моего золотого смычка не слыхал, верно?

– Век живу – всё слыхал, и твой скрип запечный тоже.

– Э-э, нет, золотой смычок мне совсем недавно полевая мышь подарила, и звук его волшебный больных да опечаленных на ноги ставит.

– Смычок-то твой, небось, соломинка сухая с поля? – вздохнул дед.

– А ты не сомневайся во мне, а послушай.

– Ну играй, божья козявочка. Помирать, так с музыкой.

Сверчок-немолчок – прыг на шесток, золотой смычок поднял тонкой лапкой и заиграл. И слышится деду: то ли колосья золотые звенят от ветру, то ли лучи закатные в колокольчиках запутались и колышут их, то ль малиновка крылышками зарю расплескала – и растеклась алая заря

дивной музыкой. И чует дедушка: музыка эта словно бы по жилам его потекла, наполнила их теплой силой, обняла за плечи – и золотым светом избу озарила. Приподнялся дед.

– А и вправду, музыка твоя как вода живая, – согласился дед со Сверчком и поклонился малой козявочке. А тот в усики улыбнулся и ответил:

– Да ведь смычок мой – соломинка полевая, ветер в ней звучит вольный, и колокольчики звончатые, и тихий сон зари отзывается.

Покачал дед кудлатой головой:

– Так, стало быть, поживем еще! – и пошел по воду.

Сказка третья
Танюшка на острове

Танюшка в речке с мостков бельишко полоскала, наклонилась низко и – кувырк! – в речку упала. А взрослых рядом не было, чтобы помочь.

Течение у речки скорое, подхватило Танюшку и понесло. А она не пужается, уцепилась за досочку лёгкую и поверху её несёт, как на плоту. Быстро несёт, к берегу не управить, надо на помощь звать.

Голосок у Танюшки слабенькой, далеко не слыхать. Отчаялась малая, не знает, как выбраться. И вынесло её к острову зелёному безлюдному. Уцепилась она за прибрежный тальник, подтянулась, пригребла к берегу. Выползла Танюшка мокрёшенька. Надо сушиться, костёр разводить.

Глядь – с камышей стрекозы большие, глазастые к ней летят:

– Горемычная, чем помочь?

Так и так, говорит.

Только ветерок подняли вихревой крыльицами – и исчезли, как не было.

Стала Танюшка сухие травинки, веточки собирать для костра, бересты с берёзок прибрежных сняла – а огня нет.

Вдруг – вихрем – туча стрекозья! И несут чего-то, малой горшочек с петелькой подцепили лапками – и несут. Ти-

хонечко спустили его на землю – а в горшочке том уголёк алый с печки. Обрадовалась Танюшка, разожгла костёр и обсушилась.

Повеселела она, да вот как выбраться с острова и до дому добраться – далёко унесло её течением.

Тут из-под корня камышового мышь вышмыгнула.

– А ты в ямку угольков из костерка положи да водицы туда плесни – такой дым большой кверху подымется – тебя по дыму враз найдут! Видит девочка – мышь дело говорит. Всё так и сделала. Поднялся дым столбом к чистому небу, понесло дым в сторону родимого дома, увидел дымок дедушка Анисим – поехал ведь на телеге Танюшку искать-вызволять.

Видит: стоит, горемычная, на острове и веткой ивовой ему машет. Дед на что старой, а сметливой: подрубил берёзу длинную береговую да мостик к Танюшке и перекинул. Та по нём и перебралась к спасителю. Только стрекозы её и видели! Скоро уж дома была, простоквашу ела да родным о своём злоключении рассказывала.

А Матушка-Печка всё слушала да вздыхала.

Сказка четвертая
Как Танюшка и Сверчок-немолчок щи варили

Раным-ранёшенько вставала Танюшка, как родна матушка прежде учила. Пшеничны косички расплетёт, расчешет, опять в косу их, под платочек уберёт да мать вспомянет: «Моя ли ты родимая, свеча неугасимая: горела – да растаяла, любила – да оставила». С тем словом уже по избе и хлопочет – да так, словно руки матушкины помогают ей. Обронит ли чашку (сон ведь ещё в глазу маячит, уходить не хочет), глядишь – чашка-то цела, словно кто её у полу рукою поймал. Споткнётся ли о веничек – а тут её кто-то под локоток мяконько так и удержит.

Нечего делать – пришлось Танюшке всему после успенья матушки у Печки учиться. Та бела-добра никогда не спит,

дом бережёт, разве что глубокой ночью задремлет. А всё отдает тепло своё, даже если последний уголёк в ней погас.

Дед с бабкой за хворостом в недальний лесок ушли, а Танюшка уже своё проворит: капустки квашеной из подпола, из кадушки кленовой, достала, ключевой водой промыла, дабы лишнюю кислинку снять и малость сахаром окропила – тоже, чтоб скулу набок от кислоты не воротило.

Пост ведь – шти без убоины, значит, надо сыту набирать грибами сушёными да капустным уваром. Коренья с грибами отваривать, капустку с лучком упаривать. Танюшка косу луковую сняла со стены в чулане, выбрала сухую золотую луковицу. Так-то.

Полезла малая в погреб за репой да за картошкой – а там из тьмы погребной кто-то неведомый горящими глазами глядит, не перемигнёт. Струхнула Танюшка да вон наверх подалась. Отдышалась от страху, а что делать, как овощи-коренья доставать? Дома никого, только Метла ворчливая да Умывальник бренчливый, а из тех, кто поживее – Таракашечка малой да Сверчок-немолчок, золотой смычок.

– Сверчушка-братушка, ты тут?

Вылез Сверчок-немолчок из-за печки, смычок оправил:

– Звала, Танюшка?

– Братушка Сверчок, там, в подполе кто-то страшный сидит, глаза огнём горят.

– Испужалась, родимая? Не иначе домовой-соседко даёт о себе знать, голоден, вот и зыркает. А так он ничего, смирнай.

– Чем же покормить его, чтобы он не таращил глазюки-то?

– Да вот щец-то сваришь – и поставь ему в плошке. Уж он в полное довольство придёт.

– А коли не угожу?

– Стараться будем.

Вот и стал Сверчок-немолчок помогать Танюшке: то золоты одёжи с лука снимает, а то сушёны грибы замачивает. Упарились оба: хлопотно дело. Однако ж и матушка-Печка пособляет: квашеную капустку порубленную с морковью и репой тушит-томит, коренья с грибами отваривает...

Щаной дух-то по избе поплыл да густеть стал – хоть ложкой его ешь.

– Готово ли? – Сверчок спрашивает.

– Пущай ещё потомится, густей да наваристей станет...

Уже и бабка стара и дедушка Анисим вернулись, дровишек лесных да хворосту воз привезли, зашли в избу – не надивятся: какие щи духовитые удались! Однако тож не хотят домового-соседку обидеть – ему первому плошку налили: угостись, чуда неведома! Плошечку в погреб спустили, поставили.

Наутро проверили – чиста плошка-то! Угодили-таки домовому-соседушке! Больше он их понапрасну не тревожил: так только, погудит в трубе зимним временем, порой веничек уронит, мышей под полом всполошит...

А ежели опять глаза горящие в темноте покажет – так разуважат его как-нито, свой ведь.

Ирина БЕСПАЛОВА
г. Орёл

ЧТО РАСТЁТ НА НЕБЕ

Ночью, пока никто не видит, в тучку упала звезда.

Она была напугана падением, поэтому притаилась и какое-то время лежала молча, без движения. Не было слышно почти ничего, только слабый ватный шорох. В тучке было тепло, мягко, и звезда успокоилась и заснула.

Утром её согрело солнце, капельки влаги из тучки напоили водой.

И когда алмазная звёздочка вся наполнилась светом лучей, когда её полило небесной влагой, звезда вдруг... проросла!

Прямо посреди пушистого «острова» в Океане неба.

Из звезды, как из семечка, выросла большая, прекрасная, яркая

РАДУГА!

Светлана ПАНКОВА
г. Старый Оскол, Белгородская область

КОРОБ ИЗ ЛОЗЫ

Давно это было. Жил в одной деревне парень, звали его Никитой. Хорошим Никита парнем был, работящим, добрым. Надумал он жениться, а на ком, не знает. Решил Никита пойти и поискать невесту, говорит матушке:

– Надумал я, матушка, невесту пойти поискать. Благословите меня в путь-дороженьку. Может, повезёт мне и встречу я добрую и милую девушку.

Мать мучицы по углам намела, три пышки испекла, положила в котомку.

Надел Никита новую рубаху, лапти. Благословила матушка Никиту и образ Богородицы дала, чтобы она ему, Заступница, помогала. Наказала до Покрова вернуться, потому что праздник этот покровитель свадеб.

Отправился Никита в путь дороженьку. Шёл долго, так долго, что пышки съел и проголодался. Дошёл до деревни.

Постучал в ближайшую избу. Выходит из избы девица-красавица. Коса пшеничного цвета до пояса. Глаза, как васильки в поле, голубые. Улыбнулась красавица, щёки как маков цвет заалели, а на щеках ямочки. Век бы такой любоваться.

– Здравствуй, – говорит Никита, – мне бы поесть.

– Здравствуй, молодец, – отвечает, – сейчас я тебя накормлю.

Поели они, Никита и говорит:

– Спасибо тебе, девица-красавица. Как зовут тебя?

– Зовут меня Марией. А тебя как звать величать и куда путь держишь?

– Меня Никитой зовут, и иду я невесту искать.

– Коли решил, иди. Подарю я тебе короб из лозы, сама сплела. Короб будет тебя в дороге кормить. Нужно только заветные слова сказать:

Прочный короб из лозы,
Марьи, девицы-красы,
Накорми нас поскорей,
Угости моих друзей!

– Спасибо тебе, Мария, за подарок. Век тебя не забуду!

Взял Никита короб, надел на спину и пошёл. Шёл полями чистыми, степями широкими, лесами дремучими. Видит, в лесу сидит дедушка, а перед ним костёр горит.

– Здравствуй, дедушка!

– Здравствуй, мил человек!

– Что, дедушка, делаешь?

– Да вот, видишь, суп на ужин варю.

– Нельзя ли и мне с тобой поужинать? Устал я очень и проголодался.

– Отчего же нет? Садись, суп уже сварился.

– А можно, дедушка, и я тебя угощу?

– Ну, угости, если хочешь.

Поставил Никита короб на траву и говорит:

Прочный короб из лозы,
Марьи, девицы-красы.
Накорми нас поскорей,
Угости моих друзей!

Стали из короба кушанья появляться, да такие, каких дедушка никогда не пробовал.

Поужинали они, дедушка и говорит:

– Спасибо тебе, молодец. За то, что ты меня угостил, хочу тебе подарить ранец. Этот ранец не простой, в нём секрет есть: если ударишь по нему три раза, появятся перед тобой три молодца и, что им прикажешь, всё сделают.

Поблагодарил Никита и пошёл дальше. Идёт целый день, а к вечеру видит стадо большое, сидит возле него пастух старый. Разложил на полотенце ломоть хлеба, сало, луковицу и ужинать собрался.

– Здравствуй, пастух, можно мне с тобой поужинать?

– Садись.

– Не лучше ли будет, дедушка, если я тебя угощу?

– Угости, если хочешь.

Поставил Никита короб на траву, говорит:

Прочный короб из лозы,
Марьи, девицы-красы.
Накорми нас поскорей,
Угости моих друзей!

Стали из короба кушанья появляться, каких пастух отродясь не пробовал. Поужинали, пастух благодарить стал:

– За то, что ты меня угостил, хочу тебе рожок подарить. Может тебе этот рожок пригодится.

Поклонился Никита пастуху, пошёл дальше. Идёт целый день, а вечером смотрит, у дороги бабушка сидит с крынкой молока и краюхой хлеба. Подошёл Никита.

– Здравствуй, бабушка! Что делаешь?

– Да вот, соколик, ужинать собираюсь.

– А нельзя ли и мне с тобой?

– Милости просим, садись.

– Не лучше ли будет, бабушка, если я тебя угощу?

– Угости.

Поставил Никита короб на траву, сказал заветные слова, появились кушанья разные. Поели, бабушка говорит:

– За то, что ты меня угостил, вот тебе картуз. В нём секрет таится и при твоей молодости очень пригодится. Если наденешь этот картуз задом наперёд, то всё как оно есть и увидишь.

Поблагодарил Никита бабушку и своей дорогой пошёл. Идёт, видит впереди город. В городе том жил богатый купец с дочкой Алёной. Надумал Никита к ней свататься.

Встретился с купцом и говорит:

– Пришёл я вашу дочь сватать.

Купец отвечает:

– Исполнишь три задачи, будет Алёна твоей женой, а не исполнишь – не бывать свадьбе. Видишь лес? Его нужно спилить, пни выкорчевать, землю вспахать, посеять пшеницу, убрать, обмолотить, муки намолоть, пирог испечь.

Ушёл Никита от купца опечаленный: как с такой работой справиться? Да вспомнил про чудесный ранец. Ударил по ранцу три раза, появились перед ним три солдата. Говорит им Никита:

– Нужно лес спилить, пни выкорчевать, землю вспахать, посеять пшеницу, убрать, обмолотить и испечь пирог.

– Ложись спать, утро вечера мудренее, – отвечают солдаты.

Встал Никита утром, а пирог готов. Взял он пирог, пошёл к купцу. Тот видит, что первая задача исполнена, вторую Никите объявляет:

– Будешь стадо коров стеречь с утра и до поздней зари.

Не успел Никита выгнать коров, как они все разбежались. Взял он кнут и пошёл за ними следом. Пришёл в лес, лёг под берёзой и уснул. Проснулся, а солнце уже низко.

Достал Никита чудесный рожок, заиграл. Собрались все коровы. Погнал их Никита на широкий двор купца.

В это время купеческая дочь со служанкой вышла на высокое крыльцо каменных палат. Начала купеческая дочь ругать бедную девушку, за косы таскать. Увидел Никита, удивился такому поведению, а затем надел картуз на голову, козырьком назад повернул. И разглядел, что богатая невеста вовсе не красавица.

Вспомнил Никита про пригожую девицу Марию, какая она добрая и работящая. Вспомнил, как она его встретила, накормила и короб подарила. Понял, что невеста дома ждёт.

Пришёл Никита к Марии, а та его уже на крыльце встречает. Вернулся с невестой к матушке как раз к Покрову. Благословила матушка молодых на счастливый брак иконой Христа Спасителя.

Задали они пир на весь мир. Поставили короб на стол во дворе, сказали заветные слова. Столько кушаний появилось, что все соседи ели целую неделю и поесть не смогли.

Татьяна БАННОВА
г. Сызрань, Самарская область

ЁЛОЧНАЯ ИСТОРИЯ

Лунный луч скользнул между занавесками и удобно устроился на Полиной подушке. Поля не спала, она ещё с вечера кое-что придумала, и это «кое-что» не давало ей заснуть. В соседней кроватке мирно посапывала старшая сестра. Поля встала и подошла к окну. Падал снег. Под фонарем кружились большие пушистые снежинки и, приземлившись в сугроб, весело перемигивались друг с другом.

– Сказка, – прошептала Поля, и, подбежав к сестре, стала её расталкивать.

– Маша, Маша, вставай!

– Что? Ты чего? Зачем? – спросонья Маша ничего не могла понять.

– Посмотри, на улице Сказка! Давай сходим в лес! Завтра Новый год, а у нас даже ёлочки нет.

– Так завтра мама купит, или папа.

– Они поздно из города приедут!

– Сейчас ночь, куда идти? Спи, давай! – рассердилась Маша.

– Не темно совсем, посмотри в окно!

Сестра усмехнулась:

– Глупышка, во дворе светло от фонаря. А в лесу фонарей нет, это тебе не Центральный Парк!

Маша снова забралась в кроватку и притворилась спящей.

Тс-с! Скажу вам по секрету, что Маша боялась темноты. Совсем чуть-чуть. Да, во дворе ярко горел фонарь, а в лесу тропинки освещала круглая, желтая луна. Ну, а там, где ветви елей сплелись, и даже днём солнечные лучи не могли сквозь них пробиться. Мало ли кто там прячется злые волки, кровожадные разбойники или лохматые лесные чудища. Затаились и ждут, когда кто-нибудь попадётся им в лапы.

– Ну, как хочешь! – обиделась Поля, – сама пойду. Я знаю, где у папы пила лежит.

– Ха! – Маша даже подскочила на кровати. – Да тебе ни за что без меня не спилить даже малюю-ю-юсенькую ёлочку. У тебя сил не хватит!

– Бе-бе-бе! А вот и хватит! – Поля надула губки и отвернулась к окну, искоса все же поглядывая на сестру. Вдруг всё-таки пойдет с ней? Честно говоря, одной идти не хотелось. Волков Поля не боялась. На них можно закричать и затопать ногами: «А, ну, уходите, противные волки, я вас не боюсь!» А вот Бабу Ягу... Маша большая, уже в первый класс ходит, она ничего не боится! С ней будет не страшно.

– Ладно, пойдём, – Маша слезла с кровати и стала натягивать колготки. – А если дедушка проснётся? Или бабушка?

– Не-е-е! Они, знаешь, как крепко спят.

Надев шубки и валенки, девочки взяли пилу и маленькие саночки для ёлки и выскользнули во двор.

– Мои лыжи надевай, – скомандовала Маша.

– Я не умею на лыжах, вон тропинка, дедушка вчера до самого леса снег кидал. Я ему помогала.

– А в лесу тебе кто дорожки почистил? Надевай!

Саночки весело поскрипывали, лыжи легко скользили, и Поля развеселилась:

– Вот сюрприз-то будет! Когда мы с елочкой придём домой. Будем наряжать, шарики вешать, игрушки, конфеты...

– У бабушки на чердаке целый ящик старинных игрушек, – подхватила Маша, – их ещё её бабушка делала сто лет назад! Там зайчик, лошадка и большой Дед Мороз.

Так, весело болтая, они добрались до самого леса и остановились в нерешительности. Дорожки больше не было. В свете луны всё казалось волшебным и причудливым.

– Смотри, – сказала Маша, вот ёлочка, у самой дорожки. Давай её спилим!

– Да ты что, – возмутилась Поля, – она же кривая! И лысая какая-то...

– Ну, ладно, – вздохнула Маша, – пойдём дальше.

Они ступили в лес.

И тут вдруг заухало, завыло, перед глазами мелькнуло что-то огромное, белое и умчалось в чащу леса.

– А-а-а! Бежим! – крикнула Маша.

– Куда бежим? – толстым голосом спросил кто-то. – Раз в гости пожаловали – никуда не пущу!

– Баба Яга! – прошептала Поля и икнула от страха. Бежать она не могла ноги не слушались.

– Ха-ха-ха, – рассмеялся кто-то. – Да я не Баба Яга, а внучка её, Ягинька! А вы кто такие будете?

– Мы за ёлочкой, – прошептала Поля.

– За ёлочкой, – немного посмелее сказала Маша, в полной уверенности, что ей снится страшный сон. – Завтра же Новый Год!

Ягинька выросла перед ними – большая рыжая девчонка в тулупе, подпоясанном фартуком, и валенках на босу ногу.

– Ёлочку хотите? Вот вам! – Ягинька взмахнула фартуком и поднялась метель. Завьюжило, замело, луна спряталась за тучи.

– Ну, выбирайте ёлочку, да ступайте домой! Чего ж вы стоите?

– Мы не знаем, куда идти! Не видно ничего, – сквозь пургу крикнула Маша.

– То-то же! Домой они собрались, не успели прийти! – взвизгнула маленькая Яга и продолжала уже спокойно: – Знаете, как тут одной скучно?! Бабка улетела в командировку, а меня оставила под присмотром Снежка. Это моя собака Снежок. Он вас напугал, наверно!? Я по средам тоже подрабатываю пугаю детей! – с гордостью прибавила она. – Только они не очень пугаются, иногда не замечают даже. Я в окна заглядываю, да в трубе вою, а дети говорят: «Это просто ветер!»

– Я тебя видела, – с уверенностью сказала Поля. – Вчера у бабушки на кухне, когда мы чай пили. Ты снежок бросила в окошко, а потом ухала в саду.

– Точно! Вчера была среда. И что же, ты напугалась?

– Напугалась, – честно призналась Полина.

– Молодец! – обрадовалась Ягинька, скинула фартук, свистнула, и вся вьюга – по снежинке – забралась в карман фартука.

– Пойдем в гости, – сказала Яга девочкам, – пирогами угощу.

– Нам домой надо, – неуверенно сказала Маша. – Поздно, бабушка с дедушкой наверно проснулись, ищут нас.

– Домой вы всё равно не попадёте, – вредным голосом сказала Ягинька. – Пока у меня в гостях не побываете. Да не бойтесь, не съем! – будто угадав их мысли, подмигнула она. – В игры поиграем, чаю попьем. Домой вас провожу и на обратном пути ёлочку выберем. Ну, пойдём?

Она махнула рукой, тучки разбежались, выглянула луна и осветила полянку. Все трое двинулись вглубь леса.

– Хоть бы бабка не вернулась из командировки, – шепнула Маша Поле. – От этой убежать можно!

– Я домой хочу, – заканючила Поля.

– Да? А кто это всё придумал, чья затея? – рассердилась Маша. – Вот убегу сейчас, и брошу тебя тут одну!

– А! Вот и Снежок! – радостно крикнула Яга, и на них с громким лаем кинулась огромная, размером с лошадь, белая собака. – Фу, Снежок, сидеть! Свои!

– Я его из снега слепила, – объяснила Яга девочкам, – всю зиму у нас будет жить. Ну, а потом убежит куда-нибудь в Лапландию. Бабушка так каждую весну говорит: убежал Снежок. А как зима приходит, я леплю нового.

Маша хотела сказать, что не убегают, а тают под весенним солнцем её Снежки, но посмотрела на маленькую Ягу и промолчала.

– А вот и наша избушка, проходите, только в сенях снег с валенок стряхните.

– Не пугайся, – шепнула Маша сестре, – у них наверно, очень грязно, и страшно. Может быть, даже пауки и змеи ползают.

Как же они удивились, когда увидели чистенькую комнату: кровать с лоскутным одеялом, занавесочки на окнах, самовар на столе.

– Вот это да! А где же ступа? – шёпотом спросила Поля

– Говорят же тебе, бабка в командировке, – так же шёпотом ответила Маша.

– Сейчас чаек заварим, – успокаивающе сказала баба Яга.

– У меня глазки слипаются, – пожаловалась Поля, – можно я заберусь на кроватку и посплю?

– Нельзя! Ты что! Ущипни себя!

– Нет, нет, не спи! Сейчас будем играть! – Ягинька казалась совсем не страшной – большой, румяной, с веснушчатым лицом и рыжими косичками. – У меня есть лото, настоящее, с деревянными бочонками. Но сперва прошу к столу!

Девочки принялись уплетать за обе щеки пироги с капустой, прихлебывая чаем с лесными травами. Затем Ягинька достала лото и раздала девочкам карточки.

– Я цифры не все знаю! – шепнула Поля сестре.

– И очень хорошо! Надо, чтоб она выиграла!

– Почему? – удивилась Поля.

– Ш-ш-ш, тише. Чтоб добрее была и нас не слопала! – пояснила Маша.

– Ура, я выиграла! – обрадовано закричала маленькая Яга и пустилась в пляс. – Какая я молодец!

– У-у-у-у! Бах-бах! Бомс! – раздался снаружи страшный грохот и стук.

– Бабулька возвращается! – испугалась Ягинька. – Уже на снижение пошла. Бегите скорее! А, все равно не успеете!

Она сунула два пальца в рот и свистнула:

– Снежок! Живо неси девчонок домой!

– Р-р-р, – недовольно заворчал Снежок.

– Кому сказала! Не то в бане попарю!

Собака легла на передние лапы, и девочки взобрались ей на спину.

– Держитесь крепче! Снежок, вперёд!

Собака огромными прыжками понеслась в сторону поселка. Ветер донёс до них:

– Снежок, быстрее! Бабушка бли-и-изко!

У сестёр перехватило дыхание – так быстро бежал снежный пес. Подбежав к крылечку, он сел на задние лапы, и девочки скатились в сугроб.

– Р-р-р, – сказал он им, что, вероятно означало «до свиданья», а может «бегите быстрее!»

Девочки, не помня себя от страха, забежали в дом и захлопнули дверь. Поля задвинула тяжёлый засов, а Маша бросилась в комнату, закрыла форточки и даже задёрнула занавески. Как раз вовремя: на дом обрушилась снежная буря. Девочки знали: это Баба Яга злится, что не догнала их. В печке что-то ухнуло, сёстры залезли под кровать, обнялись и зажмурили глаза.

Всё стихло. Девочки осторожно выбрались из-под кровати и заревели.

– Мы саночки и лыжи в избушке оставили! – плакала Маша.

– И ёлочку не принесли, – вторила ей Поля. – Не будет теперь праздника!

Маша вдруг успокоилась.

– Зато никто на свете не видел настоящей Бабы Яги. А мы подружились с её внучкой, и ели пироги в её избушке! Не плачь, – погладила она Полю по голове. – За ёлочкой завтра сходим. У нас обязательно будет Новый Год!

Утром бабушка никак не могла их добудиться.

– А ну, вставайте, сони: белый день на дворе, а они в кровати! Никак буря вам ночью спать не давала? Снегу намело по пояс, дедушка пошёл тропинку чистить.

Поля подскочила на кровати, вспомнив что-то важное:

– Баба, прости! Мы саночки потеряли. И лыжи!

– Что ты выдумываешь! На крыльце они стоят, а ёлочку дед в сени занёс.

– Какую ёлочку?

– Красавицу! Пушистую, смолистую, в шишечках! Кто-то решил нам подарок сделать под Новый год. Не знаете, кто? – бабушка с интересом посмотрела на внучек.

Маша вскочила и босиком бросилась в сени.

– Куда ты, простудишься! – крикнула вслед бабушка.

Ёлочка впрямь была диво как хороша, она понемногу оттаивала и волшебно пахла смолой. В ветвях ещё не растаял снежок, Маша протянула руку, чтобы его стряхнуть и вдруг засмеялась. Это был вовсе не снег.

– Чего ты? – спросила бабушка и накинула ей на плечи свой пуховый платок.

– Ничего! Иголки щекотятся, – ответила Маша и быстро прошмыгнула в комнату. Подошла к окну и стала разглядывать находку.

– Что это? – Спросила Поля.

Маша протянула ей тетрадный листок, на котором корявыми буквами было выведено: «С Новым Годом! Приходите ещё, было весело!»

Лариса ГОРДЕЕВА

г. Лысьва, Пермский край

СКАЗКИ ПРО СМЕКАЛИСТОГО ПАРНЯ

Как смекалистый парень деревню спас

На краю деревни лежал камень. Круглый, гладкий, большой. Когда и откуда этот камень появился, никто не помнил. Вот как-то стали деревенские ребятишки к мамкам, папкам приставать:

– Мам, тять, что за камень за деревней лежит?

– Отстань, некогда нам. Пойди, у деда спроси, он на завалинке сидит.

– Деда, что за камень за деревней лежит?

– А то, ребятушки, не камень, а яичишко. Если месяц на камне сидеть, ягишна вылупится.

Собрались ребята со всей деревни, решили ягишну высидеть. Днём сидят по очереди, а ночью камень шубой накрывают. Сидели так целый месяц. Вдруг смотрят, кто-то проклёвывается.

– Ягишна! Ягишна!

А это не ягишна, что-то невиданное... Сбежалась вся деревня, люди смотрят, гадают.

– Утка! – одни говорят.

– Лапы, как у утки, да с когтями. Нее, не утка... Ящерица! – возражают другие.

– Хвост длинный, да с гребнем. Нее, не ящерица! – рассуждают третьи.

– Смотрите! Смотрите! У чудища дым из ноздрей валит! Ребятишки кричат.

Заголосили бабы: «Вот, ироды, высидели чудище на нашу голову!».

А мужики говорят: «Надо бежать к смекалистому парню в соседнюю деревню, может, что и придумает, подскажет, как от чудища спастись».

Пока судили, да рядили, чудище подросло, да как попрёт прямо на народ.

А смекалистый парень встал рано, пробежался вокруг деревни да за книжки сел. Слышит, народ из соседней деревни шумит, отвлекает от чтения.

– Что случилось?

Мужики всё обсказали. А парень подумал-подумал и говорит: «Чудище ваше – дракон. Накосите ему травы. Пусть траву есть привыкает. Но близко к дракону не подходите, пока ему сбрую не изготовлю».

Считал, чертил, пилил, строгал, стучал, бренчал, ковал, прибивал. Сделал смекалистый парень сбрую. Надел парень шлем на голову, взял в руки щит, в зубы – пучок травы, да пошёл в соседнюю деревню. Подошёл к дракону, а тот уже большой вымахал: с маленькую избу.

– Здорово, братуха!

– ФФФФФ! – пыхтит дракон, из ноздрей дым идёт.

– Не признал, что ли? Брат я твой старший. Держи, в подарок обновку принёс! – набросил парень сбрую на дракона.

– ФФФ! – радуется дракон.

– Объясняю: питаемся мы летом травой, зимой – сеном. Дело наше: воду греть, пар получать, да мельницу крутить. Я сто лет крутил, теперь твоя очередь.

– ФФФ! – соглашается дракон.

– А мельница эта людей будет кормить, чтоб люди траву для нас косили и сено сушили.

– ФФФ, – поддакивает дракон.

Взял смекалистый парень дракона за поводья и повёл на мельницу.

С тех пор чудище там и работает. Люди его травой и сеном кормят.

А народ в деревне удивляется: «Ай да, парень! Вот молодец! Смекалистый!»

Как смекалистый парень коров пас

Выпустили весной в деревне коров. Насиделись они за зиму в хлеву, устали солому жевать, обрадовались, побежали на пастбище. А свежая трава на пастбище ещё коротенькая, на полный рот не щипается. Вот стадо и норовит уйти на мужицкие посевы, там рожь уже большая поднялась. Изгородь разобьют, на поля уйдут. Никто коров упасти не может. Собрался народ деревенский и рассуждает:

– Что за коровы нынче пошли! Пастухов не слушают!

– Все посевы съедят окаянные!

– Давайте смекалистого парня в пастухи звать, дракона в соседней деревне приручил, неужели наших коров не упасёт.

Пришли к избе парня. Шумят, галдят, читать мешают.

– Что случилось? – спрашивает парень.

Обсказали всё ему мужики. Что делать, согласился он коров пасти.

Встал утром, умылся на речке, вокруг деревни два раза пробежал, книжку за пазуху взял, пошёл коров пасти.

А коровы парня не ждут, опять ломятся на озимые поля. Парень бегал, бегал, кричал, кричал, вицей махал, махал, даже в рожок дул, не может коров упасти.

Мужики сокрушаются: «Придётся стадо распускать, коров в хлеву держать».

Парень вечером не пьёт, не ест, по окрестностям бродит, вицей по земле водит, линейкой коров меряет, в траве ведро с картошкой прячет.

«Парень-то коров не упас, вот и свихнулся с расстройства, – бабы шепчутся. – А ещё смекалистый!»

На следующее утро парень раньше всех встал, книжку за пазуху взял, достал ведро картошки, сидит, коров поджидает.

Стадо почуяло картошку и к парню, а тот – шасть на остров. Коровы за ним. Он обратно. Коровы съели картошку, а с острова на берег прыгать боятся. Травища на острове с весны вымахала. Коровы и остались траву полным ртом щипать.

Но тут увидел смекалистый парень: одна корова на берегу осталась: отелиться решила. Пока коровы на остров прыгали, у неё телёнок чёрно-пёстренький появился. Пришлось парню весь день им книжки вслух читать.

Коровы на острове так на всё лето и остались. Утром и вечером бабы коров подоят, молоко в деревню отнесут, сметану накопят, масло собьют, ребятушек накормят.

Телёнок в большого быка вырос, злой такой стал, чуть что – рога выставляет. Но деревенские быка не боялись: начнут ему книжки читать, он и успокоится.

Вот народ парня и хвалит: «Ай да, парень! Коров упас! До чего ж смекалистый!»

Как смекалистый парень на охоту ходил

Выпало однажды зимой снега видимо-невидимо. Деревенские ребятишки по улице идут, сначала снег лопатой гребут. Тут вздумалось мужикам куницу ловить. Собрались, встали на лыжи, на охоту пошли. А куница хитрая попалась, за день не успели поймать, решили ночью караулить, зашли в охотничью избушку до вечера отдохнуть. Как стемнело, слышат в лесу страшный вой: «ООО!!!!» И снег шумит.. И деревья скрипят... Всю ночь не спали, а выглянуть из избушки побоялись. Как солнце встало, помчались домой.

В деревню пришли, давай избу смекалистого парня разгребать, шумят, галдят, читать мешают. Зашли в дом, обсказали всё парню. Решил парень сам на охоту идти.

Встал до рассвета, умылся, вокруг деревни с лопатой пробежал, вскочил на лыжи и – в лес. Смотрит парень, звери ещё спят: заяц в норе, медведь в берлоге, куница в дупло спряталась. Всё в лесу спокойно. А как стал к охотничьей избушке подходить, услышал громкий рёв: «ООО!!!!» Видит: из снега голова косматая торчит, жутким голосом орёт. Что за зверь в снег провалился? Надо как-то его вызволять.

Думал-думал, чертил, пилил, стучал, мастерил.

Огрёб зверя до плеч, привязал верёвкой, да и вытащил механизмом, что наскоро смастерил.

– Ух!– удивился парень.– Да ты не зверь! Снежный человек! Замёрз? Айда в избушку греться.

В избушке жарко, снежный человек оттаял, даже меньше стал, согнулся пополам, чай пьёт. Сам большой, мохнатый, а ножки маленькие. Как по снегу ходить?

– Бери лыжи, человек! С ними не провалишься!

– ООО! – обрадовался снежный человек, вскочил на лыжи, только его и видели.

А смекалистый парень начал корзины себе на ноги плести. Сплёл и пошагал в деревню.

Увидели бабы парня, судачат: «Чудно! С охоты идёт, добычи нет, лыжи потерял!»

Решили мужики этой зимой на охоту больше не ходить, мало ли что.

Весна наступила, парень встал утром, вышел в ограду, смотрит, у крыльца его лыжи стоят. А мужики опять на охоту пошли, в избушке заночевали, ни рёва, ни воя не слыхали. Вернулись в деревню и говорят: «А наш парень удачно на охоту сходил. Зверя прогнал! Лыжи домой сами вернулись! Смекалистый!»

Григорий БОГДАНОВ
г. Симферополь, Крым

СКАЗКА ПРО КАРАНДАШИК И ЛАСТИК

– Эй, Карандашик! Выходи. Пойдём гулять, – маленький пузатый Ластик постучал в Ящик Стола. В скором времени оттуда появился Карандашик. Высокий, тонкий, простой.

– Привет, Ластик, пойдём, – улыбнулся Карандашик.

Друзья пожали руки и отправились на прогулку. Ещё вчера они заприметили Поляну Чистого Листа. Она манила своей первозданной чистотой.

Карандашик и Ластик прошли мимо Книжного Холма, пробрались по каменистой поверхности Клавиатуры, обогнули Колодец Чая и оказались возле Поляны Чистого Листа. Это было странное место: иногда здесь появлялся Чистый Лист. Проходило время, и он превращался в Исписанный. На его поверхности оставляли следы многие жители Ящика Стола: многочисленное семейство Красок, Карандаши различных цветов, Ручки и Фломастеры.

Сегодня Карандашику и Ластику повезло – Лист был абсолютно чист, словно покрытая свежевыпавшим снегом полянка. На радостях, от невиданной удачи, Карандашик

весело засмеялся, начал бегать и прыгать по Листу, оставляя на его поверхности чёрточки и штрихи. Вслед за Карандашиком бегал Ластик, легко и с удовольствием стирал он каракули друга.

– Вшик, ширк, вжуух, – носился Карандашик по Листу.

– Шик, шик, ширк, – стирал за ним следы Ластик.

Но недолго продлилось их веселье. Карандашик нарисовал красивый цветок. Любо-дорого смотреть. Ещё и написал снизу, тщательно выводя каждую букву: «Цветок». А прибежавший Ластик – рраз-рраз и стёр картинку. Ширк-ширк и надпись тоже стёр.

– Ты чего делаешь? – закричал Карандашик.

– Стираю.

– Но ведь я старался. И цветок получился красивый, – у Карандашика потекли слёзы.

– Я тоже старался. Смотри, как чисто всё стёр. – Ластик не понимал друга.

– Ты плохой! Плохой! – расплакался Карандашик и побежал прочь.

– Я делал, что мне нравится... – вслед убегающему другу прошептал Ластик.

Прошло пару дней. Карандашик и Ластик избегали друг друга. Но Стол был небольшим, и бывшие друзья, хочешь – не хочешь, виделись. Однажды Ластик подошёл к Карандашику и сказал: «Привет...»

– Привет, – ответил Карандашик. Оба замерли в нерешительности.

– Извини, – собрался с силами Ластик, – я был не прав. Не надо было стирать твой рисунок.

– И ты меня извини. Ты не плохой. Прости, что накричал на тебя...

Друзья посмотрели друг другу в глаза и улыбнулись. «Пойдём гулять?» одновременно спросили они.

Много дней ходили Карандашик и Ластик на Поляну Чистого Листа. Иногда ходили и ночью – так нравилось им гулять вдвоём. Со временем они поняли, что командная ра-

бота приносит гораздо больше удовольствия. И результат был хорошим: Ластик тёр не всё подряд, а убирал огрехи друга. Постепенно Карандашик стал оставлять на Листе не только красивые рисунки, но и добрые сказки. В этом деле ему помогал друг – Ластик, тщательно следивший за чистотой и правильностью текста. Так и появилась на свет «Сказка про Карандашик и Ластик».

Говорят, что Сказочник потом напечатал их сказку на Клавиатуре, но мы-то знаем: начало этой истории положили два друга, которые поняли, что, занимаясь любимым делом вместе, прислушиваясь к советам товарища и помогая ему, можно добиться многого.

Рина ГОЛОВИНА
г. Челябинск

КАРАНДАШ

Однажды Нотная Тетрадь та-а-ак рассердилась на Карандаш, что, резко перевернув назад свою полосатую страницу, смахнула Карандаш на пол.

– Мне же больно! Как Вам не стыдно? – потирая ушибленный бок, сказал Карандаш.

– Это Вам должно быть стыдно, молодой человек, – высокомерно ответила Тетрадь. – Вы плохо воспитаны. Как можно на моих ровных гладких листах писать всякую чепуху?

– Но ведь Вы для того и созданы, чтобы..., – начал оправдываться Карандаш и тут же осёкся. – Что значит – чепуху? Взгляните, какая чудесная получается мелодия.

– И это Вы называете мелодией? Каракули, которые каждую минуту зачёркиваете, перечёркиваете и пишите заново?

– Но ведь я только учусь, – возразил Карандаш. – Да, Вы правы, получается у меня не сразу хорошо. Но потерпите

немного. Совсем скоро Вам будет приятно услышать то, что написано на Ваших листах! И потом, я не всегда зачёркиваю написанное, а иногда прошу помощи у своего приятеля Ластика, и он стирает то, что мне разонравилось.

Карандаш вскарабкался на письменный стол и, как ни в чём не бывало, хотел было продолжить начатую строчку, но Нотная Тетрадь сердито перелистнула перед самым его носом ещё несколько страниц и сказала:

– Ну, это уже совсем никуда не годится! Полюбуйтесь-ка: вот здесь Ваш приятель протёр мою нежную бумагу почти до дыр.

– Да-а-а, – почесал затылок Карандаш и насупился, – это место мне далось особенно трудно. Но ведь потом, посмотрите! – лицо его просияло. – Несколько тактов написаны так прилежно, так красиво!

Тут в разговор вмешался Ластик. Он лежал неподалёку, и ему было слышно всё, о чём разговаривали Нотная Тетрадь и Карандаш.

– Меня заставили! – воскликнул Ластик. – Буду откровенным: я не хотел бы мараться, даже из-за какой-то красивой мелодии. Когда я лежал в витрине магазина, я был хорош! Нас было пятеро братьев пять отличных Ластиков. Да-да! Покупатели так и говорили, когда брали в руки каждого из нас: «какой отличный ластик, большой и мягкий!», и тут же покупали. И вот настал мой черёд. Как я был счастлив! Думал, что попаду в хорошие руки. И что же теперь? Посмотрите на меня: каждый день я худею и теряю форму. Мой правый угол уже исчез!

На этих словах Нотная Тетрадь захлопнулась и решительно сказала:

– Довольно терпеть это издевательство над нами.

Она сию же минуту втиснулась в стопку книг и спряталась там, глубоко пряча свой корешок, чтобы её не вытащили обратно.

«Что же делать?» – подумал Карандаш, перекатился к подоконнику и, вздохнув, грустно посмотрел в окно.

За окном не происходило ровно ничего. Солнце светило высоко, непрерывно палило жгучими лучами, и не было ни-ка-кой надежды, что во двор выйдет соседская собачка Тося погонять рыжего кота, мирно дремавшего сейчас под скамейкой. Весь двор наполнился бы тогда звонким лаем, а вскоре выбежали бы дети. Они бы играли, шумели и смеялись, и началась бы такая развесёлая жизнь! Ух!

– А тебе какое дело, Карандаш? Ты же всё равно останешься на столе, – проговорила вдруг Линейка. Эта чопорная дама стояла в голубом пластиковом стакане, окружённая отрядом шариковых ручек, и высокомерно глядела вокруг. Она всегда вмешивалась в происходящее, как только замечала беспорядок, и стремилась построить всех в одну линию.

Как же она услышала то, о чём подумал Карандаш? Значит, он подумал о Тосе, о рыжем коте и играющих на площадке детях вслух? Смутившись, Карандаш обернулся не слышал ли его кто-нибудь ещё, кроме Линейки? А, впрочем, какая разница?

Карандаш смело подошел к пластиковому стакану и громко ответил:

– Конечно, мне есть до этого дело. Очень важное и полезное для всех дело! Когда во дворе начинается весёлая жизнь, у меня сразу же поднимается настроение. В голове рождается столько мелодий, одна лучше другой! И тогда я могу сочинить счастливую песенку, которая понравится всем. Эту песенку будут петь дети, а значит, вскоре её будут петь мамы и бабушки. Даже папы будут насвистывать мотив моей песенки, сидя за рулём автомобиля, а дедушки бормотать её слова, поднимаясь домой в лифте. Только вот теперь, – вздохнул карандаш, – теперь счастливую песенку не услышит никто.

– Почему это? – удивилась Линейка. – Скоро солнце спрячется за облако, дети выйдут во двор и поднимут твоё настроение.

– Да, возможно. Только мне некуда будет записать новую песенку. Нотная Тетрадь наотрез отказалась от всех моих красивых мелодий. Они портят её внутренний мир.

Карандаш хотел было заплакать от обиды, но вспомнил, что он Твёрдый Карандаш, и передумал. Тем более что к разговору присоединился ещё один участник старый прошлогодний Блокнот. Его обложка была порядком истрёпана от частых переездов в сумке, а там, вы сами знаете, чего только не бывает! Иногда туда попадают даже бутерброды с маслом. Как-то Блокноту довелось встретить там особенно толстый Бутерброд, которому было тесно в полиэтиленовом пакете. С трудом освободившись от пакета, Бутерброд с облегчением прислонился к Блокноту, и по этой причине на нижней стороне его обложки расплылось огромное масляное пятно.

Блокнот очень переживал за свой неопрятный внешний вид, поэтому он крайне вежливо произнес:

– Простите меня за то, что я вмешиваюсь не в свое дело, но мне так хочется услышать ту чудесную песенку, о которой Вы говорите, уважаемый Карандаш. Видите ли, я очень стар и, боюсь, очень скоро меня выбросят в Корзину для бумаг, ведь прошлый год давным-давно окончен, и все мои страницы хранят ненужные воспоминания. Последние деньки, а может быть, даже часы или минуты мне хотелось бы провести с пользой. Поэтому я предлагаю свою помощь, если Вы, конечно, захотите ей воспользоваться.

– Как же Вы собираетесь помочь Карандашу? – спросила Линейка.

– Видите ли, у меня осталось несколько совершенно чистых страниц, и Карандаш мог бы записать свою песенку на них.

– Но Ваши страницы абсолютно белые, – возразил Карандаш. Разве Вы не знаете? Для того, чтобы записать мелодию, нужен Нотный Стан – пять ровных чёрных линеек, – объяснил Карандаш.

– Да, конечно, я понимаю пять линеек, – торопливо перебил его Блокнот. – И всё же, послушайте меня. Если го-

спожа Линейка тоже согласится Вам помочь, мои страницы можно раз-ли-но-вать.

– Разлиновать? – переспросил Карандаш.

– Разлиновать! – утвердительно повторил Блокнот и выразительно посмотрел на Линейку.

– Эта идея мне нравится, – задумчиво проговорила Линейка. Она обожала участвовать в экспериментах, особенно когда вдоль её спины цветным маркером проводили жирные линии или рисовали пунктир гелевой ручкой. К Нотной Тетради она относилась с презрением – неровные тактовые чёрточки расставляли без её, Линейкиного, участия, и она часто повторяла: фу, как это непрофессионально!

– Итак, я готова! – Линейка выбралась из строя окружавших её ручек, Блокнот распахнул последние чистые страницы, и через несколько минут на них легли тонкие струны Нотного стана.

Кто бы мог подумать, что эти минуты перевернут жизнь нескольким обитателям письменного стола! Во-первых, Линейка оказалась не такой уж чопорной и высокомерной. Она любила точность и не отклонялась от правил, только и всего. А в остальном была покладистой и дружелюбной. Во-вторых, у Карандаша появилось много друзей и помощников. Скотч поделился своими отрезками, чтобы склеить развалившиеся страницы Блокнота, Гелевая Ручка расчертила нотоносцы так аккуратно, что они были куда лучше фабричных. Корректор был готов исправить любую ошибку в мелодии, но понадобилось только несколько маскировочных штрихов, потому что Карандаш писал вдохновенно и не сделал ни одной грубой помарки. Он даже не глядел в окно и не ждал, когда же на детской площадке появятся дети. Карандаш думал: как хорошо, когда у тебя есть друзья, которым нужна твоя счастливая песенка!

Песенка получилась расчудесная, и её очень скоро запели все: мамы и бабушки, папы в автомобиле и дедушки в лифте, и, конечно, дети.

Старый прошлогодний Блокнот решили поберечь – согласитесь, не в каждом блокноте среди ненужных воспоминаний можно найти счастливую песенку. Поэтому его положили на видное место и не выбросили в Корзину для бумаг. Туда случайно упал Ластик, который очень скоро высох на дне Корзины от безделья. Что касается Нотной Тетради – её судьба нам неизвестна, ведь корешок Тетради так глубоко спрятан между книг, что его невозможно не только вытащить, а даже разглядеть.

Наталья КОЛОКОЛЬЦЕВА
г. Санкт-Петербург

ПРО ЁЖИКА

* * *

В далёком-предалёком лесу жил ёжик Ерошка. Он был любопытный, как все ежи, и, как все малыши, очень добрый. Ерошка появился на свет недавно и ещё совсем не знал ни леса, ни его обитателей, но ему очень нравилось гулять в незнакомых местах и находить себе новых друзей. Вместе с родителями он каждый день ходил на опушку, чтобы погреться на солнышке, или к лесному ручью, где они смотрели на разноцветных стрекоз, летающих над водой.

– Мама, папа, почему у них есть крылья, а у меня нет? Я тоже хочу летать! – восклицал Ерошка.

– Потому что у каждого лесного жителя есть свои обязанности, – улыбнулся Топотыш, отец семейства, – а если все будут делать то, что им захочется, в лесу будет беспорядок.

– А если мне не нравится, то что я должен делать?

– Что, например?

– Ну... не знаю, – задумался Ерошка, – например, следить, чтобы вокруг не развелось слишком много гусениц. Как по мне – пусть бы себе жили на одной полянке с нами вместе веселее.

– Но ведь если их будет слишком много, они съедят всю траву и нам негде будет прятаться от сильного ветра и летнего зноя, – сказала мама Клёпа. – Поэтому лучше, когда все живут неподалеку, помогают, если нужно, и ходят друг к другу в гости, но при этом не мешают остальным.

– А если мне что-то не нравится в себе? – не унимался Ерошка. – Мои иголки так колются, иногда я даже сам себя могу ненароком уколоть! Вон, бельчата: всё время друг друга обнимают, а ко мне... ко мне и друзья близко подойти боятся! – Захныкал малыш.

– Просто ты ещё не привык, сынок, – сказала мама и ласково погладила ежонка по голове. – Ведь иголки появились у тебя совсем недавно – ты взрослеешь и становишься большим. Не переживай, со временем ты научишься с ними обращаться, а когда будешь постарше, поймёшь, что на самом деле это радость.

– Да какая же это радость?! У всех животных красивая шёрстка, блестит на солнце, а у меня...

– ...а у тебя самая лучшая защита от хищников, о которой другие даже мечтать не могут, – продолжил Топотыш. – Ведь нам не нужно убегать или прятаться, мы можем просто свернуться в клубок, и тогда попробуй, тронь!

– Да? – уже неуверенно переспросил Ерошка.

– Ну конечно, – кивнул папа. – А чтобы не уколоться самому, не сворачивайся слишком сильно при малейшей опасности. Помни, что рядом всегда есть те, кто будет рад тебе помочь, если ты попросишь. Только ты и сам должен будешь помочь им, когда это будет нужно.

– Я помогу, я обязательно помогу! – радостно воскликнул он и с гордостью посмотрел на свои колючки. – Как всё-таки здорово быть ежом! – сказал Ерошка, взял маму с папой за лапки, и вся ежиная семья отправилась в свой уютный лесной домик.

* * *

Однажды ёжик Ерошка решил навестить своего дедушку, который жил на другой опушке леса под большим-большим кустом чёрной смородины. Идти было далеко, и поэтому Ерошка встал очень рано, раньше солнышка, лесных птиц и даже раньше мамы с папой, которые обычно всегда его будили. Наскоро позавтракав и закинув на спину сумку с гостинцами, ежонок радостно побежал по тропинке, чтобы успеть к утреннему чаепитию, ведь только дедушка Шуршун умел заваривать самый вкусный в мире чай из душистых трав, который они обычно пили со свежим ароматным мёдом. А в это время мудрый ёж рассказывал Ерошке обо всём на свете о природе, о далёких лесах, о том времени, когда он сам был маленьким, рассказывал так интересно, что время пролетало незаметно, и Ерошке хотелось, чтобы чаепитие никогда не заканчивалось.

Вот и сейчас он бежал со всех ног, пыхтя, иногда путаясь в зарослях травы, слишком высокой для него. Ярко светило солнце, и от поля, казавшегося маленькому ёжику бескрайним, парило и пахло разнотравьем.

«Папа говорил, что так обычно бывает перед грозой, – подумал Ерошка, посмотрев на небо, на котором начинали собираться тёмные тучи, – надо поторопиться, пока не пошёл дождь».

Действительно, как только малыш добежал до леса, высоко-высоко раздался громкий, раскатистый грохот, потом ещё, а после хлынул ливень. Промокнуть Ерошка не успел утром заботливая мама положила ему в рюкзачок резиновые сапожки, которые тот и поспешил надеть. А вот испугался сильно. Хотя он был храбрым ежонком, но кто же не боится грозы, особенно когда идёт куда-то один? Поэтому, увидев наконец дедушкин домик, в котором приветливо горел свет, Ерошка так заторопился, что чуть не пробежал мимо своих друзей-бельчат, спрятавшихся он непогоды под огромным листом лопуха.

– Ерошка, привет! – окликнул его бельчонок.

– Привет, Бельчик! Привет, Шустрик! – помахал ежонок в ответ.

– Беги скорее к нам, а то промокнешь!

– Не промокну, спасибо, я уже почти пришёл! Как вы здесь оказались? – удивлённо спросил Ерошка. – Ведь вы живёте совсем в другом месте!

– Мы поскакали к большому орешнику, но тут пошёл дождь, и мы решили подождать, – укрываясь хвостиками от холода, сказали бельчата. – А ты куда идёшь?

– К дедушке. Он меня ждёт. Вы, наверное, замёрзли, хотите, я отдам вам свои сапожки и зонтик? Он у меня в рюкзачке лежит! И гостинцами угощу?

– Спасибо, не нужно, – друзья немного замялись, – всё равно мы уже промокли, а угощения... ты же их дедушке несёшь, мы не можем их взять.

– Ну, как знаете! – пожал плечами ёжик.

– Передавай дедушке привет!

– Обязательно! – крикнул ежонок и уже собрался побежать дальше, как вдруг услышал над головой голос Старой Совы: «Да, малыш, далеко тебе до мудрости, ох, как далеко!»

Хотя эти слова не были упрёком, Ерошке стало как-то не по себе, только почему он и сам не понимал. Малыш грустно вздохнул и медленно побрёл к крыльцу.

Шуршун, большой добрый ёж, по обыкновению сидел в своём кресле-качалке рядом с камином и читал газету, надев старые очки и попивая горячий чай.

– Что случилось, Ерошка? – забеспокоился он, взглянув на внука. – Ты чем-то расстроен?

– Дедушка, а что такое мудрость? – спросил ежонок.

Шуршун ласково улыбнулся:

– Это непростой вопрос, но я постараюсь тебе объяснить. А почему ты спрашиваешь?

– Мне кажется, я обидел своих друзей, – помолчав немного, ответил он и рассказал дедушке о встрече с бельчатами.

Шуршун внимательно выслушал ежонка, затем улыбнулся и усадил его к себе на колени.

– Смотри, – сказал он, показывая на огонь в камине, – что ты видишь?

– Я вижу, как горят дрова.

– Правильно. А теперь представь, что у тебя есть только одна охапка дров, а на улице очень холодно.

– Как сейчас?

– Да, – улыбнулся старый ёж, – как сейчас. Так вот, ты собираешься растопить камин, и в это время к тебе приходят твои друзья и просят отдать эту охапку, потому что у них не осталось ни одного полена. Что ты сделаешь?

– Конечно, отдам! Они же мои друзья, мы должны друг другу помогать!

– Но тогда ты сам останешься без дров и замёрзнешь, – мягко возразил дедушка.

– Ну... – растерялся он, – у меня дома есть тёплые вещи, я могу просто лучше одеться... Хотя могу ими и с друзьями поделиться.

– Так вот, Ерошка, это – глупость.

– Почему? – удивился тот.

– Потому что ты отдаёшь то, без чего не можешь сам.

– Тогда правильно ничего им не давать? – неуверенно предположил ежонок.

– А это жадность, – ответил Шуршун, – потому что ты отказываешь в помощи тем, кто в ней нуждается, хотя можешь помочь.

– Но тогда что же нужно сделать? – совсем растерялся Ерошка, но, подумав, добавил, – может быть, растопить камин и греться у огня всем вместе?

– Молодец, правильно, похвалил внука ёж и ласково погладил его по голове. – *Мудрость в том, чтобы делать добро для других и при этом не забывать про себя.*

– Ура! Я понял, что такое мудрость! Сейчас вернусь! – радостно воскликнул ежонок и, спрыгнув с колен дедушки, помчался на улицу.

– Зонтик возьми! – крикнул ему вслед Шуршун, но ежонок уже скрылся за дверью, а через несколько минут появился на пороге вместе с друзьями-бельчатами.

Скоро все сидели за большим столом, пили горячий чай с мёдом и слушали, как трещат дрова в камине. Мудрый ёж рассказывал ребятам разные истории, то и дело кипятил самовар и добавлял в миску свежего мёда, а для бельчат раздобыл где-то в сенях мешочек орехов. Когда гости уже собрались уходить, Шуршун тихонько подозвал Ерошку и протянул ему какой-то маленький холщовый свёрток.

– Что это? – спросил ежонок.

– Подарок для Старой Совы. Пойдёшь мимо её дупла обязательно отдай его и скажи ей «спасибо».

– Хорошо, дедушка, я так и сделаю, только... зачем? – удивился малыш.– Это тоже мудрость, да?

Ёж улыбнулся:

– Нет, это благодарность.

– Благодарность за что? Она же мне совсем не помогла.

– Помощь – это не только дела. Иногда нам помогают чьи-то слова или всего лишь взгляд со стороны. Старая Сова просто сказала вслух то, что думала, а ты сделал из этого правильные выводы. *Благодарить нужно всегда и всех, потому что каждая ситуация и каждый, кто тебе встречается по жизни, может чему-то научить.* Ты не всегда будешь понимать это сразу, но со временем увидишь, что без этого опыта тебе было бы гораздо сложнее. Да и само слово «благодарить» – очень светлое и доброе: *благо*даришь кого-то – даришь ему благо, а потом к тебе это благо возвращается, и тогда наступает *благо*получие.

– Спасибо, дедушка! – улыбнулся Ерошка.

– Беги, внучок, друзья тебя заждались, – ласково ответил Шуршун.

– Я обязательно поблагодарю их за то, что они меня подождали.

– Молодец, – засмеялся ёж, – правильно усвоил урок.

– До свидания, дедушка Шуршун! – хором сказали друзья.

– До свидания, ребята! – ответил он, неторопливо выходя на крыльцо и с улыбкой наблюдая, как малыши пробираются через траву, играя и резвясь.

– Бельчик, Шустрик, пойдёмте быстрее! Нам ещё нужно зайти к Старой Сове, – поторопил их ежонок.

– Зачем?

– По дороге расскажу! – ответил он, и они отправились в путь.

* * *

Каждое лето ежиная семья делала запасы на зиму: папа Топотыш собирал грибы и ягоды, а мама Клёпа – травы для чая. Ерошка уже ходил вместе с мамой, а вот папа пока его с собой не брал.

– Ты ещё совсем маленький, а идти надо очень далеко, ты же устанешь, – уговаривал его отец.

– Не устану, не устану! – хныкал ежонок. – Я уже большой! Я хочу с тобой!

Но Топотыш никогда не разрешал пойти с ним, как Ерошка его не просил.

И вот одним тёплым июльским утром, когда он сладко спал, к нему в комнату вошёл папа:

– Сынок, я иду за грибами и ягодами. Хочешь со мной?

Спросонья тот даже сначала не понял вопроса, но зато, когда сообразил, что к чему, радостно забегал по всему дому, собираясь в дорогу и перекусывая на ходу. «Наконец-то папа взял меня с собой! Значит, я уже совсем взрослый!», – гордился собой Ерошка. Ему так хотелось поделиться этой новостью с друзьями, но Топотыш сказал, что им нужно торопиться, иначе они не успеют вернуться до заката солнца. «Ладно, – подумал ежонок. Друзья подождут. Может, в дороге что-то интересное увижу – будет, о чём ещё рассказать». И, взяв мешочки с едой, которые собрала им мама, ёжики отправились в путь.

Только сейчас Ерошка понял, почему папа не соглашался взять его с собой раньше: идти действительно пришлось очень далеко. Хотя они дважды делали привал, ещё не прошли и половины пути. Малыш уже выбивался из сил, но твёрдо решил не жаловаться, ведь он

уже совсем большой! «Интересно, – размышлял ежонок, – что делают взрослые, когда им что-то не нравится? Или им нравится всё? Но не может же нравиться совсем всё...»

Дорога, по которой шли папа с сыном, была длинная и извилистая, то и дело им приходилось огибать огромные камни, переходить канавы и пробираться через высокую траву. Но вокруг над цветками порхали разноцветные бабочки, где-то вдалеке звонко щебетали птицы, а высоко в небе светило яркое солнце, играя бликами в прозрачной воде журчащих ручейков. Ерошка так залюбовался природой, что не заметил камня под ногами, споткнулся и шлёпнулся на землю.

– Ты не ушибся? – подошёл к нему Топотыш.

– Не сильно, – ответил ежонок. – Это всё камень виноват! – Рассердился он. – Чего он здесь на самом ходу лежит?!

– Он тебя, между прочим, не трогал, – сказал папа. – А вот ты почему не смотришь, куда идёшь?

– Но я же иду по дороге! – возмутился малыш. – Она должна быть ровной и удобной!

Топотыш улыбнулся:

– Хорошо бы, но так бывает не всегда. *Ты можешь выбрать любую дорогу, но препятствия большие или маленькие будут везде.*

– А если я так не хочу?

– Что ж, можешь никуда не идти. Но тогда ты будешь долго-долго топтаться на одном месте, в конце концов вытопчешь яму, в которой окажешься сам, и без посторонней помощи выбраться оттуда будет непросто.

– Но если нельзя стоять на месте и, – Ерошка с обидой покосился на камень, – нельзя выбрать дорогу без препятствий, что же тогда делать?

– Постарайся воспринимать их не как препятствия, а как подарки, – ответил Топотыш.

– Хороши подарки, нечего сказать я вон из-за одного чуть лапки не повредил!

– Зато теперь ты знаешь, что здесь нужно быть осторожным, смотреть под ноги и вовремя обходить камни.

– Да, теперь уж я об этом помню! Но если все дороги одинаковые, какую же выбрать?

– Ту, на которой тебе хорошо.

– А если она неправильная?

– Дорога не может быть правильной или неправильной – она бывает разной. Главное, чтобы она была *твоя*, и выбрал её ты сам.

– А как же я её выберу, если ни одной не знаю? – не успокаивался ежонок. – Я ещё не ходил так далеко, да и сейчас иду туда, куда ты меня ведёшь.

– Я покажу тебе разные дороги, сынок. Со временем ты научишься на них ориентироваться, поймёшь, как можно переходить с одной на другую, а может быть, откроешь свои и потом будешь уже сам водить по ним нас с мамой. Попробуй посмотреть как можно больше дорог и тропинок, и выбирай не ту, которая красивее или по которой идут все, а ту, на которой *тебе* больше нравится. Это и будет твоя дорога. Понимаешь?

Ерошка задумался:

– Да, понимаю, но что мне делать с камнями, которые попадаются на пути?

– Постарайся найти в них что-то хорошее и подумать, как они могут пригодиться тебе в жизни.

– Может, их проще обойти?

– Поначалу, конечно, проще. Но только потом они будут попадаться тебе всё чаще и чаще, пока ты не научишься правильно с ними обращаться. Посмотри вон туда, за ручей. Видишь, какой там высокий берег?

– Да, папа, вижу. – Ерошка удивлённо посмотрел на него, – нам что, туда?

– Именно.

– Но как же туда забраться? Я ещё не такой высокий, как ты.

– Сейчас самое время подумать, как ты можешь использовать пройденные препятствия для своей пользы, – подмигнул ежонку Топотыш.

Ерошка постоял немного, глядя то на своего «обидчика», то на высокий берег, потом вдруг радостно подскочил, схватил камень и побежал вперёд. Перебравшись через ручей, он положил камень на землю и стал взбираться на него, чтобы потом влезть на берег. Ерошка очень старался, долго пыхтел и сопел, и, наконец, вскарабкался наверх, где его уже ждал отец.

– Папа, у меня получилось! – восторженно воскликнул ежонок.

– Молодец, сынок, – похвалил ёж, обняв малыша. – Ты использовал камень как ступеньку и взобрался так высоко, как никогда раньше. Без него тебе было бы этого не сделать. Так и в жизни: *любое препятствие это всего лишь материал, из которого ты можешь строить на своём пути либо стены, либо лестницы.* Всё зависит от того, что ты выбираешь.

– Я выбираю лестницы! – решительно сказал ежонок. – Пойдём?

– Пойдём.

Топотыш и Ерошка пошли по лесной тропинке к большой, красивой делянке, где росли самые вкусные ягоды и грибы.

Татьяна МАРЧЕНКО
г. Макеевка, ДНР

ПРО ЗВЕЗДУ, КОТОРАЯ ЖИЛА В МОРЕ

Когда на дне моря становилось светло, Морская звезда вползала на обломок подводной скалы и смотрела вверх до тех пор, пока всё вокруг снова не погружалось в темноту.

«Почему так происходит? – думала Морская звезда. – Если бы я могла плавать, как рыбы или осьминоги, то непременно бы всё разузнала».

Однажды проплывающий мимо Дельфин спросил Морскую звезду:

– Почему ты всё время смотришь вверх?

– Я хочу понять, почему после света наступает темнота, а после темноты свет. А ещё я хочу узнать, что находится вверху.

– Зачем тебе это нужно? – удивился Дельфин.

– Мне интересно, – ответила Морская звезда.

– Вверху наше море заканчивается, – сказал Дельфин.

– Разве море может закончиться? – не поверила Морская звезда.

– Может. Но там начинается другое море, воздушное.

Морской звезде было непонятно, что такое воздушное море, но она спросила:

– А что в нём есть?

– Земля, растения и животные.

– Это есть и у нас.

– Есть. Только в воздушном море всё выглядит совсем по-другому. А ещё там есть небо. Оно такое же огромное, как наше море, и такое же синее. И по нему плывут белые облака.

– А как они плывут? Как рыбы?

– У облаков нет плавников. Они плывут, потому что дует ветер. Когда ветра нет, облака стоят на месте. А ещё на небе есть солнце. Оно такое яркое, что его лучи проникают к нам.

– Так вот почему у нас светло! – догадалась Морская звезда. – А почему становится темно?

– Потому что солнце светит только днём. Когда оно засыпает, наступает ночь и на небе появляются луна и звёзды. Много-много звёзд. И они светятся. Чуть-чуть.

Морская звезда посмотрела на свои ножки-лучи и засмеялась:

– Ну ты и выдумщик, Дельфин! Звёзды не могут жить в небе да ещё светиться!

– Можешь не верить, но я их вижу каждую ночь! – ответил Дельфин.

Морская звезда ненадолго задумалась, а потом неуверенно спросила:

– Если нас зовут одинаково, может быть, мы родственники? Пусть и очень-очень дальние.

– Может быть, согласился Дельфин.

Морская звезда вздохнула:

– Если бы я встретилась с ними, уж непременно бы спросила их об этом.

– Давай поднимемся на поверхность моря, – предложил Дельфин.

– Как?! Ты забыл, что я совсем не умею плавать? – воскликнула в отчаянии Морская звезда.

– Что-нибудь придумаем! – обнадежил её Дельфин. – Встретимся, когда наступит звёздная ночь.

И уплыл.

Время шло. Дельфин не показывался, и Морская звезда решила, что он забыл и о ней, и о своём обещании.

Но вот в темноте мелькнула тень.

– Ты по-прежнему хочешь встретиться с родственниками? – спросил Дельфин.

Морской звезде было очень страшно отправляться в необычное путешествие, но она решительно ответила:

– Да!

Дельфин легонько сжал путешественницу зубами и стал стремительно подниматься вверх. Внезапно вода схлынула и Морская звезда увидела черно-синее небо, на котором светился круглый диск. Мимо него проплывали похожие на китов облака.

А ещё на небе было много-много маленьких жёлтых точек.

– Это и есть звёзды, – сказал Дельфин.

– Но они так высоко! Разве они меня услышат? – расстроилась Морская звезда.

– Ты говори погромче.

И Морская звезда сказала так громко, как могла:

– Здравствуйте, звёзды! Я такая большая и живу в море. А вы такие маленькие и живёте в небе. Но зовут нас одинаково. Может быть, мы родственники?

Она ждала, что скажут звёзды, но звёзды молчали.

– Они не слышат меня! – расстроилась Морская звезда

И вдруг одна маленькая звёздочка стала стремительно падать вниз, а потом исчезла.

– Ты видел? Видел? – взволнованно спросила Морская звезда Дельфина. – Эта звёздочка спешила к нам. Наверное, хотела что-то рассказать. Но куда же она пропала?

– Не знаю, – ответил Дельфин.

Глядя на небо, Морская звезда поползла вперёд, оступилась и соскользнула в море.

Когда она опустилась на дно, Дельфин спросил:

– Ты довольна?

– Да! – ответила Морская звезда. – Спасибо тебе.

И, улыбаясь, добавила:

– А я ведь догадалась, куда исчезла звёздочка: она заблудилась. Но она обязательно найдёт дорогу и прилетит ко мне в гости.

– Может быть, – согласился Дельфин и уплыл, а Морская звезда снова устроилась на обломке скалы и стала мечтать о том, как встретится со своей родственницей, Звездой, которая живет в небе.

Валерий СУХОВЕЙ

г. Рязань

ПЁРЫШКО И КАМЕШЕК

Камешек лежал у подножия горы и мечтательно вздыхал. Как вдруг к нему подлетело серое Пёрышко и опустилось рядом.

– Как же так? – сразу запричитало Пёрышко. – Куда же хозяин от меня улетел? Разве он сможет теперь без меня?..

Камешек едва глянул на Пёрышко и снисходительно промолчал.

– Эй, сосед, не видел, куда Журавли полетели?

– На что они мне? – нехотя буркнул Камешек.

– Эх ты, серость... Лежишь тут увальнем тыщу лет, никто тебе не нужен, ничего-то не знаешь, ничего не видел.

Вот я... Я-то у своего хозяина главным было. Самым длинным пером в хвосте. Курс ему определяло. Куда я рулило, туда он и направлялся! Куда только за свои пять лет я его не летало! И тут сто озер показало, и в Африке ещё сколько! Не счесть! В Африке, знаешь, какие деревья? Во, какие! А всякой живности во сколько! Небо синее-синее, ни облачка. И тепло-претепло, когда бы ни прилетели! А тут... Эх, опять осень... Вон, ты уж посинел весь от холода.

– Я такой синий сколько себя помню, – обиделся Камешек. – А тут оказался недавно. Меня прошлой весной сюда талый ручеёк прикатил. И до того многие века жил я на самом гребне Высокой горы. Знаешь, это лучше, чем торчать в... – он запнулся, – хвосте у Журавля.

– Что ты понимаешь, темнота! – Пёрышко тут заголосило опять: – Оба теперь сгинем в этой яме! Неужели, неужели он меня не хватится? Какая досада, какая несправедливость... – расхныкалось Пёрышко.

– Ну, никогда не знаешь, как судьба повернётся, – философски проговорил Камешек и глубоко вздохнул. – Всё в жизни принимать надо.

Тут послышались чьи-то шаги.

– Ура, хозяин меня ищет! Конечно, я же такой нужный! – оживилось Пёрышко.

Шаги были тяжёлые, не птичьи. Человек в кирзовых сапогах прошёл было мимо, да остановился, нагнулся и поднял Камешек.

– Ишь ты, кажется, топаз! – сказал Человек, пошарил рядышком, откинув Пёрышко в сторону, а потом сунул Камешек в рюкзак и зашагал дальше.

Попал наш камешек к добрым Умельцам. Мастера его почистили, обточили, огранили и вставили в оправу золотого перстня. А вскоре перстень с топазом оказался надет на изящный дамский пальчик. И так побывал помолодевший Камешек во многих городах и странах. Да никогда этим не хвалился. Не любил.

А как же Пёрышко? Нет, не вернулся за ним Журавль. Но и осенние дожди не замочили. Нашла Пёрышко рыжая Белка,

разговорилась с ним и приютила в своём гнезде на старой сосне. Чтобы обоим теплее было.

ОРАНЖЕВЫЕ ТУФЕЛЬКИ

Ах, как Синим Башмачкам нравились Оранжевые Туфельки! У Туфелек была тёплая мягкая кожа, сверкающая блёстками на солнышке, по верху шёл красный кант, а спереди украшали ажурные бело-розовые бабочки на липучках.

Туфельки же привлекала рассудительность Башмачков и их захватывающие рассказы о смелых лётчиках и пожарных. И ещё Башмачки были всегда чистыми, аккуратными, блестящими, а ведь Туфелькина мама говорила, что аккуратность очень полезное качество.

Башмачки и Туфельки жили в одном доме и встречались каждый день, если, конечно, кто-то из них не болел. Вместе они играли, лазали на шведские стенки или просто бегали по детской площадке наперегонки. Им было хорошо.

Зелёным Сандаликам тоже хотелось играть с Оранжевыми Туфельками. Но Синие Башмачки не допускали Сандалики к своей подружке, объясняя ей: «Да ты посмотри, какие эти Сандалики мятые, потрёпанные, со стёртыми подошвами! И букву «р» не выговаривают!»

Это было правдой. Зелёные Сандалики смущались и отходили.

Однажды, светлым августовским днём, Башмачки и Туфельки бегали по двору, а Сандалики грустно смотрели на них, стоя в сторонке. И вдруг Туфельки споткнулись и упали. Одна бабочка слетела с Туфельки и упорхнула в большую лужу, оставшуюся от вчерашнего ливня. Ветер подхватил бабочку и увлёк прямо в середину лужи. Оранжевые Туфельки горько заплакали: «Как же я буду с одной бабочкой ходить?»

Синие Башмачки поглядели на плавающую в мутной луже бабочку, потом на плачущие Туфельки и сказали: «Давай и вторую бабочку оторвём, тогда никто ничего не заметит!»

После таких слов Туфельки заплакали ещё сильнее.

И тут к ним подошли Зелёные Сандалики и, не останавливаясь, шагнули в лужу. Холодная вода быстро залила Сандалики, но они дотопали до улетевшей бабочки, взяли её и вернулись обратно.

«Куда, куда? верещали Синие Башмачки, поражённо наблюдая за этим поступком. Ваша мама будет ругаться, да и заболеете ещё! Вот глупыши!»

Но Зелёные Сандалики, ни на что не обращая внимания, протянули мокрую бабочку Оранжевым Туфелькам. Туфельки перестали плакать и, с благодарностью посмотрев на Сандалики, прилепили бабочку на своё место.

«Зачем, она же грязная!» возмутились Башмачки.

А Туфельки, обращаясь к Сандаликам, озабоченно сказали: «Вам нужно скорее сушиться! Бежим, я все объясню вашей маме!» И они побежали в дом.

Только Синие Башмачки остались стоять в одиночестве, недоумённо хмурясь под улыбающемся солнцем.

Виктория ТАТУР

г. Красногорск, Московская область

ЦЫПА-ПАПА

В углу комнаты стояла круглая плетёная корзина. В ней на мягкой синей подушке спал большой рыжий кот по имени Шпунт.

Шпунту снился удивительный сон. Будто он сидит на берегу пруда среди камышей и ловит рыбу. Вот дернулся красный поплавок, и кот вытащил большого серебристого карася. Шпунт уже протянул к нему лапу, как вдруг раздался крик:

– Ку-к-ка-ре-ку-у-у!

Кот тряхнул головой, открыл глаза и огляделся. Никакой рыбы поблизости не было. И пруда не было.

– Ку-к-ка-ре-ку-у-у! – снова раздался крик.

Шпунт вылез из корзинки, запрыгнул на подоконник и в открытое окно увидел петуха.

– Ну, я ему задам, – решил кот.

Больше всего на свете Шпунт не любил, когда петух кукарекал. Кот прижимал уши, зажмуривал глаза, прятал голову под подушку, но ничего не помогало. Петух пел очень громко.

Утром прошел дождь, и под окном растеклась огромная лужа. В ней стояло перевернутое железное ведро. Шпунт пригнул уши и прыгнул на ведро. Оно покачнулось, и кот свалился прямо в лужу.

– Миу, – взвизгнул он, пулей выскочил из неё и принялся отряхиваться.

– Чив-чи-хи-хи, – засмеялись воробьи. Они сидели на ветке сирени и потешались над котом.

Шпунт рассердился еще больше, погрозил им лапой и направился к петуху.

– Ты чего опять раскричался? – набросился на него кот.

– Я? – удивился петух и задрал клюв.

– Ты! – зашипел кот. Шерсть на его спине встала дыбом.

– Я не кричу, – топнул лапой петух, – я пою!

– Ха, разве так поют? Мру-ру-ру-хрю-у-у, – передразнил его Шпунт.

– Что-о-о? – возмутился петух.

Так над ним ещё никто не потешался.

Рядом бродили пёстрые куры и лапками разгребали землю в поисках червяков.

– Ко-о-ко-ко-ко, – проворчали они.

Очень им не понравилось, как кот с петухом разговаривал.

– Мря-фра-фра-фры-ы-ы, – продолжал передразнивать Шпунт.

– Ах, ты так! – петух расправил крылья и грозно пошел на кота.

Шпунт задрал хвост и бросился наутек.

– Догоню-у, – кричал петух, стараясь его клюнуть.

Куры тоже не отставали. Они бежали за котом, переваливаясь с боку на бок. По двору во все стороны разлетались перья.

Кот вскарабкался на забор, оттуда прыгнул на яблоню и уселся на ветке. Он помахивал хвостом и делал вид, что ничего не произошло.

– Ко-ко-ко, ку-ка-ре-ку, – долго еще возмущались под деревом куры с петухом.

– Чив-чи-хи-хи, – снова засмеялись воробьи. – Кот кур испугался!

Такого позора Шпунт вытерпеть не мог. Он решил проучить вредных куриц и задиру-петуха.

На следующее утро кот выждал удобный момент, прокрался в курятник и стащил яйцо. Оно было еще тёплым, его совсем недавно снесла курица. Шпунт протянул лапу, подцепил длинным острым когтем яйцо и спрятал его подмышкой.

Кот огляделся и прошмыгнул в дом. Там он забрался в корзинку и спрятал яйцо под подушкой.

А вскоре он услышал беспокойное кудахтанье.

– Ко-ко-крали, меня ко-бокрали! – кричала курица. Она бегала по двору и беспокойно взмахивала крыльями.

Шпунт махнул хвостом и прищурил один глаз. Он был очень доволен своей проделкой. Но стоило ему спуститься во двор, как он увидел, что петух забрался на старый трухлявый столб у забора. Кот любил сидеть на этом столбе, точить когти и греться на солнышке.

– Ещё и место моё занял, – прошептал он. – Ну, теперь точно берегитесь!

А петух назло коту запел ещё громче. Да так, что его не только в соседнем дворе, его во всей деревне теперь слышно!

Кот недовольно фыркнул и снова прокрался в курятник. Взобрался по хлипкой деревянной лесенке на чердак и затаился в копне сена. В это время две курицы как раз снесли яйца. Курицы ещё немного покудахтали и вышли во двор. А Шпунт слетел вниз, подцепил два яйца и стрелой помчался в дом.

Теперь в корзинке у него лежало три коричневых яйца.

Кот положил их под подушку, а сам улегся сверху. Он потянулся и сладко заснул. Сквозь сон Шпунт слышал, как за окном беспокойно кудахтали курицы, и возмущался петух.

А на следующий день он незаметно стащил ещё два яйца.

– Теперь у меня их ровно пять! – мурлыкал кот, пряча яйца в корзинке. – Будете знать, как Шпунта обижать!

Вдруг он услышал крики и кудахтанье во дворе. Кот прыгнул на подоконник, спрятался за горшком с фикусом и навострил уши.

На улице хозяйка ругала кур.

– Совсем обленились! Я вас кормлю, кормлю, а вы яиц не несёте! – сердилась она.

Куры нахохлились. А петух вышагивал по двору, с подозрением заглядывал под каждый куст и косился на окно.

Шпунт спрыгнул с подоконника и улегся на подушке. Если хозяйка найдёт яйца, ему не поздоровится. Кот уже и сам был не рад, что стащил их. Ему очень хотелось выйти на улицу, посидеть на любимом трухлявом столбе и поточить когти.

Однажды Шпунт вздрогнул и проснулся. Под подушкой происходило что-то странное. Он подцепил её край и приподнял. Там в половинке яйца сидел крохотный жёлтый цыпленок. На голове у него лежала скорлупка.

– Мама! – пискнул цыпленок.

Кот испугался и выпрыгнул из корзинки. Затем он поднялся на задние лапы и снова отодвинул подушку.

В этот момент у других яиц тоже треснули скорлупки, и из них показались пушистые цыплята.

– Мама, – опять пискнул цыпленок.

– Фыр-р-р, – зашипел кот, – я не мама!

– Па-а-па! – обрадовался цыпленок.

– Цыпа-папа, цыпа-папа, – запищали остальные цыплята.

Шпунт поджал уши и заметался по дому. Теперь надоедливых цыплят не спрячешь под подушкой. «А что будет, когда их все увидят во дворе?» Подумал кот и спрятался за диван.

– Цыпа-папа, ципа-папа, – цыплята и там его нашли. Они карабкались на Шпунта и пытались зарыться в его пушистую шерсть.

Тогда кот выскочил из-под дивана и прошмыгнул в открытую дверь на улицу. А цыплята бросились за ним вдогонку. Они смешно растопыривали крылышки и неуклюже переставляли лапки.

Шпунт проскочил мимо кур, задел петуха и вскарабкался на яблоню.

Перепуганные куры разбежались в стороны, но когда увидели цыплят, принялись их обнимать.

– Вот куда пропадали наши яйца! – возмущались они и недовольно поглядывали на Шпунта.

– Ко-ко-ко-воришка! – изо всех сил кукарекал петух.

В этот день все во дворе узнали, что это Шпунт воровал яйца. Теперь петух охранял курятник и зорко следил за котом. А кот стыдливо поджимал хвост и прятался от сердитых взглядов кур.

Зато цыплята обожали Шпунта. Завидев его, они со всех ног неслись к нему с криками цыпа-папа. А он ни за что не хотел с ними водиться. Где это видано, чтобы кот с цыплятами дружил?!

Однажды Шпунт вышел на улицу. Пока кота не увидели цыплята, он решил пробраться к кусту смородины и спрятаться под ним. Куры клевали из кормушки пшено. Петух охранял дверь в курятник и важно прохаживался около неё строевым шагом. Ать-два налево, ать-два направо. А пятеро цыплят нашли червяка и носились с ним по двору.

Вдруг чья-то тень проскочила вдоль забора. Шпунт увидел её и насторожился. Он вылизывал лапу и так и застыл с высунутым шершавым языком. Тень спряталась за деревом, а в следующий миг... В следующий миг из-за яблони выскочил соседский чёрный кот. Одно ухо порвано, а усы обломаны так, будто это и не усы вовсе, а острые иглы. Кот оскалился и показал жёлтые клыки. Он прыгнул и схватил цыплёнка.

– Цыпа-папа, – запищал цыпленок.

Чёрный кот бросился с ним к забору.

Перепуганные куры закрыли крыльями оставшихся четверых цыплят. А петух в нерешительности топтался у курятника и не знал, что ему делать: спасать цыплёнка или охранять яйца. Тогда Шпунт вскочил, стрелой промчался через весь двор к чёрному коту и вцепился в его хвост.

– Мау-у-у, – взвыл чёрный кот.

Он выпустил цыплёнка, царапнул Шпунта лапой и скрылся в дырке забора.

– Цыпа-папа, – протянул цыпленок и уткнулся в пушистый живот Шпунта.

Шпунт смутился и лизнул цыпленка.

С тех пор петух и куры подружились с котом. Больше они не ссорились и мирно гуляли во дворе. Цыплята всё также обожали Шпунта и каждый раз норовили с ним поиграть. А Шпунт охранял их и зорко следил, чтобы чёрный кот больше никогда не пролез к ним через забор.

Цыплята подросли. Пух с их крылышек исчез, а на голове выросли красивые яркие гребешки. И все пятеро оказались петушками. Они любили по очереди залетать на старый трухлявый столб. Стоя на нём, расправляли крылья и кукарекали:

– Ку-к-ка-ре-ку-у-у!

Шпунт лежал на крыльце, помахивал хвостом и думал: «Хорошо поют, красиво!»

Александр КОЛТАКОВ

г. Новокузнецк, Кемеровская область

СКАЗКА О ДЕВОЧКЕ С ЦВЕТКОМ

Далеко-далёко, в стороне неведомой, где кроме странствующих сказочников никто не бывал, есть волшебная страна. В ней живут добрые и трудолюбивые человечки. Они очень

похожи на людей, вот только ростом настолько малы, что их назвали цветочными гномами. Но главное отличие заключается в том, что этих крох невозможно купить в магазине или найти на капустной грядке. Их даже не приносит в клюве аист, как нас, людей. Нет, вовсе не так появляются гномы на белый свет. Они начинают свою жизнь на волшебных лесных полянках вместе с каким-нибудь цветком. Поэтому не удивительно, что больше всего на свете человечки любят именно тот цветок, с которым родились. С самого рождения гномики, не покладая рук, старательно ухаживают за ним, потому что только по цветку, взращённому их руками, будут судить о трудолюбии и таланте самих цветоводов. Когда растение окрепнет, благодаря неустанным заботам станет пышным и красивым, возмужавший человечек понесёт его на всеобщую выставку цветов. Ах! Если бы вы видели, что за чудо эта выставка! Самые лучшие цветы на свете находятся именно здесь. Они так прекрасны, что увидев раз, никогда уже невозможно забыть это волшебное царство аромата и цвета. Но однажды там случилось такое, о чём до сих пор не могут говорить без возмущения и осуждения цветочные гномики. А случилось вот что...

На одной лесной полянке появилась на свет вместе с фиалкой девочка. С самой первой минуты малышка старательно ухаживала за хрупким ростком, от чего он быстро рос, превращаясь в настоящий цветок. Вечерами, устав от дневных забот, кроха смотрела на своё чудо и, поглаживая нежные лепестки, шептала: «Милая моя! Как я люблю тебя! Ты будешь самой прекрасной фиалкой на свете!»

Так, в трудах и заботах, незаметно проходили дни и целые недели. Фиалка выросла и стала удивительно хороша. Дух захватывало при одном только взгляде на неё. Это значило, что пришло время, идти с ней на выставку. По такому случаю, повзрослевшая девочка надела своё лучшее платье, сплетённое из самых нежных стебельков травы. Попрощавшись с полянкой, на которой родилась и выросла, юная цветовод со своим чудом отправилась в путь радостная и гордая.

Она знала: есть, что показать добрым человечкам. Как хорошо кругом! Мягкая травка сама ей под ноги стелется, нежный ветерок лицо ласкает, а солнышко сверху во всё небо улыбается. Так легко шагается, что путь не в тягость, а в радость. Вдруг, совсем неожиданно, наша путешественница увидела розу. Цветок был ничьим, но всё же очень красивым. Девочка остановилась и подумала: «А что если взять эту розу с собой? Её нежный цвет только подчеркнёт красоту моей фиалки». Она сорвала беспризорницу и хотела продолжить свой путь, но увидела рядом тюльпан. Такого яркого цвета девочка ещё никогда не встречала. «Что ж, рядом с ним моя красавица станет ещё краше», – обрадовалась она. Дорога была не близкой, а цветов вокруг так много, что девочка просто не смогла пройти мимо. Очень скоро у неё в руках образовался огромный букет. Стало неудобно и тяжело идти с ним, но бросать было жалко. «Ничего, – думала путешественница, – донесу как-нибудь, зато все ахнут, увидев это чудо».

Долгой показалась ей дороженька, а все же и ей пришел конец у волшебных ворот, которые сами говорили «добро пожаловать» и широко раскрывались. Шагнула малышка за них и очутилась на долгожданной выставке. Любопытные человечки стали сбегаться со всех сторон и интересоваться у новенькой:

– Что ты нам принесла?

– Смотрите! – сказала гордо наша путешественница и подняла над головой свой огромный букет.

– Что же тут особенного? Чем ты нас хотела удивить?! Мы видим розу, но здесь они повсюду и все гораздо красивее твоей. Мы видим тюльпан, но вокруг столько тюльпанов, которые ещё ярче и прекрасней твоего!

– А фиалка! Моя прекрасная фиалка! Вы только посмотрите на неё!

Девочка хотела выхватить из огромного букета своё чудо, но не шла. Разворошила весь букет, но фиалки нигде не было. Видно случайно выронила её по дороге. Бедняжка растерялась, слёзы обиды и отчаяния ручьём побежали по щекам.

Гномики стали размахивать от возмущения руками и кричать разные обидные слова: «Лентяйка! Обманщица!» Лишь один, самый старый из них, погладил девочку по голове, вздохнул печально и сказал: «Она никого не обманула, она обманулась».

Видно на его долгом веку такое уже бывало, но человечки так громко возмущались, что никто не услышал его слов. Так, для всех эта девочка и осталась самой большой в мире обманщицей, самым ленивым и бездарным цветоводом на свете. Вот как бывает...

АКВАРЕЛЬКА И ХУДОЖНИК

Жила на свете Акварелька, да не просто где-то, а в настоящей мастерской художника, расположенной на последнем этаже высотного дома. Творческие люди очень любят работать в мастерских, которые находятся высоко, так ближе к солнцу и к звёздам.

Каждое утро Художник брал в руки кисть и наносил Акварельку на лист бумаги. По воле Мастера краска меняла свой цвет и ложилась разными мазками на бумагу. Словно по волшебству, на белом листе появлялись неприступные горы или бескрайние степные просторы. То вдруг могучая волна разбивалась о высокие скалы, то причудливые облака замирали в синем небе. Когда зрители рассматривали эти работы, непременно удивлялись и восхищённо говорили: «Ах, что за прелесть эта акварель, какие утонченные формы, какие яркие цвета!»

Акварельке было очень приятно слышать столь лестные слова в свой адрес. Она всё чаще начала задумываться: «Зачем мне, такой неповторимой и совершенной, нужен Художник? Кисть есть, бумага тоже, что мешает самой стать единственным творцом красочного мира?»

Однажды Художник ушёл по своим делам из мастерской, и Акварелька наконец решилась: взяв кисть, смело нанесла мазок на бумагу, захотела нарисовать огромный алый мак.

Он, как она думала, был символом любви ко всему миру. На бумаге появилось большое алое пятно, напоминающее кровь. Акварелька спохватилась, хотела быстро всё исправить, но толи от волнения, толи ещё из-за чего-то на бумагу вдруг упала чёрная клякса. Получилось чёрно-кровавое месиво. «Нет-нет, не так, надо срочно нанести другой цвет!» – возмутилась художница. Всевозможные цвета замелькали под кистью Акварельки на листе, но всё было не то. Чем настойчивее она старалась исправить свои ошибки, тем больше возникало хаоса и грязи. «Это ужасно!» – в отчаянии подумала она. От волнения Акварелька резко взмахнула кистью и опрокинула баночку с водой на лист, чем окончательно испортила его.

В это время пришёл Художник, покачал расстроено головой и заменил испорченный лист новым. Пока он наводил порядок, Акварелька задумалась: «Стоит ли мне самой всё начать заново, или лучше, как прежде, следовать воле Мастера?» Пока она размышляла, Художник взял кисть и нанёс краску на белый лист бумаги. Получился огромный алый мак, именно такой, какой хотела нарисовать Акварелька. Стало ясно, кто настоящий Творец. «Я лишь средство в достиженье совершенства», – опечалилась несостоявшаяся художница. Но всё равно, когда на выставке в очередной раз заговорили о великолепной, изумительной акварели ей было о-очень приятно. Мысленно Акварелька благодарила Мастера за то, что он сделал её причастной к сотворению такого чудесного красочного мира.

СТИХИ ДЛЯ ДЕТЕЙ

Ксения ВИШНЕВЕЦКАЯ
г. Таганрог, Ростовская область

Лошадь

Лошадь на детской площадке стояла
И про себя целый день размышляла:
«На детской площадке всегда беготня.
В глазах зарябило уже у меня.
Здесь дети практически всех возрастов.
Они не имеют копыт и хвостов.
Совсем на коней не похожи ребята,
А скачут и ржут, как мои жеребята.
Про это такое чудесное сходство
Статью напишу я в журнал «Коневодство».

Качели

Качели грустили.
Качели скучали.
Качели весь день
Никого не качали.

Качели не знали,
Что кончилось лето.
Никто во дворе
Не сказал им про это.

С утра все ребята
Куда-то спешили.
«Наверно, на праздник, –
Качели решили, –

Одеты нарядно.
У многих букеты.
А вечером в небо
Запустят ракеты!»

Качели весь день
Проболтались без дела
И только мечтали:
«Скорей бы стемнело!»

Однако салюта
Они не дождались:
«А, может, не праздник
И мы ошибались?»

Луна поднялась,
Облака серебря,
Вот так и прошёл
Первый день сентября!

Математика

Прибавляем к кошке мышку,
К кошке птичку прибавляем,
А в ответе только кошку
Каждый раз мы получаем.

Кошка щурится умильно:
«Вы ещё прибавьте рыбку,
А потом уж разбирайтесь,
Где вы сделали ошибку».

Знаки

Мы учим математику,
И я скажу вам так:
Характер свой особенный
Имеет каждый знак.

Вот добрый знак, зовётся «плюс».
Его ничуть я не боюсь.

Он всё прибавить норовит
И этим он и знаменит.

А это «минус» – жадный знак,
Отнять у всех большой мастак.
Хотя он сам предпочитает,
Чтоб говорили – вычитает.

Знак «умножения» не прост –
В разы способен дать прирост.
Учу без раздражения
Таблицу умножения!

Я знак «деления» люблю,
Поскольку с Вовкой всё делю.
Для дружбы это верный знак,
А кто ещё считает так?

Умная Колли

У мамы-овцы потерялся ребёнок,
Точнее пропал малолетний ягнёнок.
Ну как малолетний, недель этак пять.
Но самое главное – надо искать!

На помощь зовут нашу умную Колли –
Медаль за успехи ей выдали в школе.
Овечью науку она превзошла:
За десять минут поросёнка нашла.

Потом отыскала котёнка, щенка,
Телёнка, козлёнка, еще хомячка.
Всех вместе собрав их, к овце привела,
Сказала: «Гав-тово!» и гордо ушла.

– А как же ягнёнок? – я слышу вопрос.
Смотрите, вон выглянул маленький нос,

А вот сорванец целиком появился
И к маме любимой бочком подкатился.

– Ух-ты! Ну и ну!..
А чего удивляться?
Друзей увели, и пришлось возвращаться.

Анастасия ЦИМБАЛОВА
г. Нижний Новгород

Телескоп

Любимые бабули
Меня не обманули
И подарили – оп! –
Зеркальный телескоп,
Чтоб я исполнил план:
Увидел марсиан
И доказал всем сразу,
Что внеземной есть разум!

Мы – двигатель наук –
Две бабушки и внук!

Лень

Однажды в ненастный
Декабрьский день
Ленилась в норе
Семилетняя Лень.
Ленилась проснуться,
Ленилась вставать,
Одеться, умыться,
Заправить кровать,
Ленилась позавтракать,

Вымыть посуду,
На все уговоры ворчала:
«Не буду!»
Но главное,
Что уж совсем не годится,
В тот день
Лень, представьте,
Ленилась лениться.

Противовирусное

В Индии найден священный папирус –
Как изгоняется вирус-вампирус:
«Вирус-вампирус, беги со всех ног! –
Крикните трижды и съешьте чеснок».

Лошади в яблоках

Лошади в яблоках,
Лошади в сливах
Мирно пасутся
В степных переливах.

Лошади в грушах,
В черешнях и вишнях
Травку щипают,
Ступают неслышно.

Лошади в персиках
И в апельсинах
Нас покатают
На ласковых спинах.

Добрые лошади
Родом из сказок
Сказочно-редких
Фруктовых окрасок.

Первые мыши

Говорят, что первые мыши
Были ростом с медведя.
И выше.
Говорят, что в самом начале
Не пищали они, а рычали,
Рыли в земле берлоги.
Но потом разгневались боги,
И Землю накрыл ледник –
Об этом мы знаем из книг.
Заморозило дальние дали,
И первые мыши пропали.
Вымер прекрасный вид –
Так история наша гласит.
С тех пор мышь –
Размером с картошку,
И бояться обязана кошку.

Вера ШАЛАЕВСКАЯ
г. Санкт-Петербург

Папа, купи мне, пожалуйста, пони!

– Папа, купи мне, пожалуйста, пони!
Я буду о нём заботиться. Честно.
Он будет жить у нас на балконе.
Ему там не будет тесно.

Но папа сказал в ответ:
– Ка-те-го-ри-че-ски нет!
Не резиновый балкон.
Там верблюд, жираф и слон,
Антилопа, медоед.
Всё! Для пони места нет.

Карантин

Катаюсь на роликах по коридору,
А мама сажает в углу помидоры,
Работает папа в трусах за компом.
Ах, как изменился весь мир и наш дом!
Никто не гуляет на детских площадках.
Теперь в магазин только в масках, в перчатках.
Ищут вакцину Москва и Пекин.
Надо скорей отменять карантин.

Поиграй!

У меня семья большая:
папа, мама, я и брат,
Только я один играю,
будто в чём-то виноват.

Я маму прошу:
– Поиграй! Поиграй!
А мама в ответ:
– Подожди, не мешай!
Сынок, я сейчас поиграть не могу.
Ты видишь, уже подгорает рагу.

Я папу прошу:
– Поиграй! Поиграй!
А папа в ответ:
– Подожди, не мешай!
С тобой поиграть я бы очень был рад,
Но мне нужно срочно доделать доклад!

Я брата прошу:
– Поиграй! Поиграй!
А брат мне в ответ:
– Подожди, не мешай!

Машинка, конечно, прикольная,
Но в пятницу в школе – контрольная!

«Доклады, контрольная, ужин...
А я хоть кому-нибудь нужен?»

Дождь

– Бум! Бам! Тара-рам!
В крышу дождь стучится к нам.
В крышу дождь стучится к нам:
– Что сидите по домам?
Я иду четвёртый час,
Я уже заждался вас!
Вымыл улицы, дворы,
Луж налил для детворы.
Выходите же скорей!
Жду вас прямо у дверей.

Я у мамы отпросился.
Я с друзьями созвонился.
Выбегаю:
– Дождь, привет!
...А дождя
Простыл и след.

Елена КАРНАУХОВА
г. Зеленогорск, Красноярский край

Хочу скорее подрасти!

Ставлю к стенке табуретку,
Где-то здесь я делал метку...
Я, сказать начистоту,
Что-то медленно расту!

«Кушать надо всё подряд», –
Говорит мне старший брат.
Вырос он – как каланча,
Ему папа – до плеча.

Брат у нас баскетболист,
Конькобежец, футболист.
Я могу быть выше брата,
Если сесть на плечи папы.

Брат сказал: «Салат морковный
Рост даёт такой огромный!»
Съел морковок я штук пять –
Измеряю рост опять.

Снова делаю отметку,
Снова я беру рулетку.
Метр выдаёт опять:
Рост мой ровно метр пять!

«Надо измерять не так, –
Вновь подсказывает брат. –
Рано слёзы лить пока –
Измеряй от потолка»...

Я не знаю, что сказать:
Рост мой метр сорок пять!
Ну, тогда и рост у братца
Будет сантиметров двадцать?..

Ваза

Я разбил большую вазу!
Я осколки подобрал.
Чтоб заметили не сразу,
Я подальше их убрал.

Завтра мамин день рожденья!
Папа принесёт букет...
То-то будет удивленье –
Есть цветы, а вазы нет!

Где достать такую вазу?
Как решить проблему сразу?
В бедной голове моей
Нет ни мыслей, ни идей...

На душе скребутся кошки,
И не хочется конфет,
И с приятелем Серёжкой
Поиграть желанья нет.

«Мальчик милый, что с тобой? –
Мать качает головой. –
У тебя унылый вид,
Может, голова болит?»

Ах, причем здесь голова!
Тут такое дело...
«Мама, ты прости меня», –
Я шепчу несмело.

...Самым лучшим стать хочу
И подарок свой вручу!
Лист бумаги, краски взял...
Вазу я нарисовал.

Дождик

Дождик песню напевал,
Дождик землю умывал,
Козам дал напиться
Дождевой водицы.

От сарая до ворот
Промочил весь огород:
Он немного пошалил –
Грядки полностью залил!

По соломе шебуршал,
Псу Тарзану спать мешал.
У навеса бормотал,
Всех цыплят пересчитал.

Дождик капал, дождик лил –
Просто выбился из сил.
По карнизу постучал,
А потом вдруг замолчал.
Замолчал и перестал.
Дождик, видимо, устал.

Виктория ПРОХОРЕНКО
г. Краснодар

Цепочная карусель

Карусель цепочная –
очень,
очень
прочная.

Я сперва бегу ногами,
посчитаю пять шагов –
я уже под облаками.
Даже выше облаков!

А ещё машу руками.
Я как птица!
Я лечу!

А ещё машу я маме
и всё время хохочу.

Карусель цепочная,
дружба
у нас
прочная.

Батут

На батуте оживление.
Шум и гам, и толкотня.
И, конечно, без сомненья,
не хватает там меня!

Кто-то с горки кувыркнулся –
закачался весь батут.
Пошатался, но не сдулся.
Не обижен – хоть надут.

Сладкое облако

В руках моих
облако белое.
Я знаю:
оно не рассеется.
И что я с ним только не делаю –
оно на меня не сердится.

Отрываю кусок и съедаю
или в шарик
красивый скатаю.
А оно ничуть не страдает.
Только
тает,
и тает,
и тает.

Другие идут,
улыбаются
и тоже несут облака.
Вот только пальцы
слипаются,
если мнёшь сладкой вате бока.

Бумажный змей

Бумажный змей!
Воздушный змей!
Ты запустить
его сумей.
Он машет
в воздухе хвостом,
А я за ним –
бегом притом.
Легко витает
в облаках.
Лишь ниточка –
в моих руках.

Я в небо тоже
взмыть хотел.
И я бы сверху поглядел:
на парк, на крыши и дома,
но я ещё,
конечно, мал –
гулять самостоятельно
и змеем быть
летательным.

Анастасия ЛЮТИКОВА
г. Ростов-на-Дону

***

Я откусила яблока бочок,
И мне навстречу выполз червячок.
Мы смотрим друг на друга с полным ртом,
Молчим и пережевываем дом.
И как-то мне неловко от того,
Что свой он дом жуёт, а я – его!

***

Загрустил ботинок левый,
Загрустил ботинок правый –
Отвернулись друг от друга,
Не хотят друг друга знать.

Что же делать, что нам делать,
Чтобы помирить ботинки?
Не волнуйтесь! Просто нужно,
Нужно ноги поменять!

***

Вы знаете, что носороги
Больши-и-и-и-ие недотроги!
Не верите?
Не верьте.
Пойдите
И проверьте!
Подойдите к носорогу
И потрогайте немного –
Проверьте,
Посмотрите.
Проверили?
А теперь – бегите!!!
И предупреждаю:
Носороги
О-о-о-очень
Быстроноги!

Ирина БЕСПАЛОВА
г. Орёл

Подарок для кита

Положу я на льдину подарок,
Пусть его унесёт по весне.
Пусть плывёт он до синего моря,
Никогда не вернётся ко мне.

Пусть плывёт он до моря и дальше –
В океан, где в туманной дали
Видно спины китов, словно горы,
И громадные корабли.

А в подарке моём – яркий мячик,
С ним весёлая будет игра!
И ещё – шоколадка большая,
Специально её выбирал...

В океан, к дальним айсбергам белым
Долго-долго подарок плывёт,
Чтобы где-то на краешке света
Получил его кит в Новый год.

Поздоровалась

В большом – в полоску –
Яб-
ло-
ке
Жили осы
В теремке.

В теремок
Я постучу –
Поздороваться
Хочу...

Убегать пришлось
стремглав,
«Здравствуйте»
не досказав!

Что хранится в баночке мёда

Что хранится в баночке мёда?
Всё, что летом дарила природа:

Жёлтый с золотом солнечный луч
И прохладные брызги из туч,

Вкусный запах пыльцы и травы,
Капли рос и речной синевы

И нектар всех возможных цветов –
Из лугов, из лесов и садов –

От сурепки до липы высокой...
Сколько чашечек сладкого сока –

И не счесть – пчёлы в улей несли
Нам в подарок от доброй земли!

Мария ШЕЛУХИНА
г. Санкт-Петербург

Сова по имени Варвара

Сова по имени Варвара
Любила чай из самовара.
Поставит утром самовар
И ждёт на чай других Варвар.

Но не летят на чай Варвары,
Варвары пишут мемуары.

А в одиночку чай не пьётся.
А в одиночку чашка бьётся...

Ты видишь, вон сова Варвара
Сидит одна у самовара?
Давай, пойдём, попьём с ней чаю –
Пускай Варваре полегчает.

Мы лечили

Мы лечили зайцу лапу,
Ухо – мишке, хвост – собаке.
Мы их так забинтовали,
Что теперь не разберёшь,

Кто из этих мумий заяц.
Кто медведь, а кто собака.
Размотали – оказалось,
Там жираф, лиса и ёж!

Мы опять за бинт схватились,
Полечили всех и всюду.
Разложили по порядку:
Тут – лиса, а ёжик – здесь.

Но едва моргнуть успели,
Всё опять перемешалось!
Так что, будете лечиться,
Не забудьте, кто вы есть!

Веснушки

На маме весной
Расцветают веснушки,
И светится мама
От ног до макушки.

Как будто в созвездия
Мама одета –
В созвездие смеха,
В созвездие лета.

Я носом прижалась
К созвездию счастья:
– Веснушки, прошу,
и меня разукрасьте!

Александр АЛФЕЕВ
г. Ярославль

Жираф, галстук и шкаф

Как-то раз один жираф
Приобрёл в квартиру шкаф,
Чтобы все свои наряды
В нём красиво вешать рядом:
Брюки в клетку, шарф, сорочку,
Зонт, пиджак и галстук в точку.

Раздеваться стал жираф –
Открывает новый шкаф,
Вешает красиво кепку,
Шарф с зонтом и брюки в клетку,
Вешает пиджак, сорочку...
Не влезает галстук в точку!

Растерялся наш жираф:
«Переполнен, может, шкаф?»
Достаёт назад он кепку,
Шарф с зонтом и брюки в клетку,
И сорочку, и пиджак...
Нет! Не лезет даже так!

В магазин звонит жираф:
«Заменить хочу я шкаф!
Смог туда убрать я кепку,
Шарф с зонтом и брюки в клетку,
Смог убрать пиджак, сорочку,
Но не влез мой галстук в точку!

Не влезает он никак!
В том шкафу, должно быть, брак!»

Продавец ответ даёт:
«Галстук в точку вам идёт!
Только шкафа нет длиннее,
Чем у вас, простите, шея!»

Одежда для ежа

Вздыхает бедный ёжик
У зеркала в прихожей!
К ежихе собирается
Он в гости уж давно.
Но, что теперь поделать?
Всё, что бы не надел он,
Тотчас же превращается
В сплошное решето!

Ежиха чуть не плачет!
И как ей быть иначе!
Того гляди нагрянет
К ней ёжик на обед.
Но платья примеряла,
Лишь дыр наоставляла!
И платьев недырявых
У ней уж больше нет!

В одежде нету толку,
Когда ты сам в иголку.

Юлия ЛОГВИНЕНКО
д. Заневка, Ленинградская область

В углу

Поставил в угол сам себя
За то, что обзывал ребят.
За то, что маме нагрубил,
Компот за завтраком пролил.
Стащил из кухни мармелад,
Устроил в ванне водопад.
Сломал нечаянно пион
И бросил фантик на газон.

В углу прощенья попрошу
И сам себя простить решу.
Мне снова станет хорошо.
Спасибо, угол.
Я пошёл.

Пирожные

Я шагаю по делам
Важным, неотложным.
Разношу я по домам
Вкусные пирожные.

Вместе с бабушкой пекла,
Мазала вареньем.
В них начинка против зла,
Крем для уДобрения.

В них сироп хороших слов,
Радости крупинки.
Искорки волшебных снов
И пыльца смешинки.

Мне бы...

Подниму ладони к небу,
Лучик солнечный поймаю.
Загадаю: «Мне бы... Мне бы
Стать крылатым!»
И взлетаю!
Над лужайкой, над рекою,
Выше ёлок, выше тучи!
И машу друзьям рукою:
– Посмотрите, я летучий!

Эллина МАЛЯРОВА
г. Анива, Сахалинская область

Шёл по улице чудак

Шёл по улице чудак.
Нёс с улыбками рюкзак.
Раздавал чудак улыбки
Всем прохожим – просто так.
А за ним по мостовой
Следом шёл кошачий строй.
Все мурлыкали довольно
И держали хвост трубой.
Им навстречу старичок
Шёл, согнувшись как крючок.
Но, поймав улыбку, сразу
Стал и молод, и высок.
Кто там хмурился с утра?
Веселее, детвора!
Ясли, детский сад и школа –
Вот счастливая пора!
Лишь завидев чудака,
Мысли, грустные слегка,

Тут же быстро разлетались
Высоко под облака.
А чудак не унывал
И по улицам шагал.
Чтобы утро было добрым,
Всем улыбки раздавал!

Сапожки

По заснеженным дорожкам
Скачут зимние сапожки.
Так они развеселились,
Что в сугробе очутились.
– Ой, застряли! Помогите!
Кто-нибудь, освободите!
И домой на батарею
Нас поставьте поскорее!

Татьяна МАРЧЕНКО
г. Макеевка, ДНР

* * *

– Мой любимый поросёнок,
Милый маленький сынок!
Ну скажи, в какой же луже
Ты испачкаться так мог?

– Знаешь, мама, что сегодня
Сильный дождь прошёл с утра,
Потому образовалась
Лужа посреди двора.
Только лужа та – не лужа,
А великий океан!
На большой подводной лодке
Я был главный капитан.

Со своей командой дружной
Опустился я на дно.
А на дне том океанском
Знаешь, мама, как темно!
Только мы не испугались!
Дали лодке полный ход
И поплыли, и поплыли,
И поплыли мы вперёд!
Много разных рыб встречали,
Видели китов, акул.
А однажды к нам в окошко
Осьминожек заглянул!
До чего же интересный
Неизвестный этот мир!
Если б ты здесь не осталась,
Я назад бы не приплыл.
Мама, жаль, что ты большая!
Ну да ладно, подождём,
Дождь нальёт огромней лужу –
Мы с тобою поплывём!

Надежда БОЛТАЧЁВА
г. Екатеринбург

Говорит волна волне

Говорит волна волне:
– Полежим на валуне,
поволнуемся, сначала
вспеним море у причала.

А когда взойдёт Луна,
приплывут с морского дна
златовласые русалки.
Вместе поиграем в салки.

Говорит волне волна,
убегая с валуна:
– Вижу яхты, вижу бухты.
С ними поиграем!
– Ух ты!

Как с матрёшки снять одёжку

Вертит Верочка матрёшку
и пытается понять,
как с матрёшки снять одёжку?
Надо «дочку» искупать.

Мыло в ванне пенится...
Пусть сама разденется.

Ёжик милый, но колючий

Ёжик милый, но колючий.
Где же ночью спать ежу?
Я его на всякий случай
рядом с дедом положу.
У него спина болит.
Массажёр не повредит.

Светлана МАКАРЬИНА
г. Архангельск

Я узнаю всё про реку

Обнимает речка город,
рукавами трогает.
Я о ней узнаю скоро
очень-очень многое.

Почему река не ванна,
а вода не плоская?
И о чём гудят гортанно
корабли заморские?

Почему, когда барашки,
то на пляж не хочется,
и под складками рубашки
холодок полощется?

И пускай не верит мама,
в древние сокровища,
но в речных глубоких ямах
прячутся чудовища.

Я узнаю всё про реку,
Сдам на пять контрольную,
ведь не зря в библиотеку
записался школьную.

Незабудки

– Незабудки, незабудки! –
раздаём вторые сутки. –
Забирайте все, кто может!
– Просто так?
– Да.
– Каково же!
Почему вы раздаёте,
почему не продаёте?
– Потому что незабудки
это памяти минутки.
Разве память продаётся?
Память просто так даётся.

Мария МАСЛИНА
г. Москва

Летний день

В шортах и майке
По солнцу бегу,
Прямо по травке
На мокром лугу.

Змей надо мною
Бумажный летит,
Точно в погоню
За ветром спешит.

Носится ветер,
Шумя и трубя.
Ветер, мы вместе
Догоним тебя!

Будем с тобою
Шуметь и летать,
С песней простою
По лету бежать.

Мария ШАПОШНИКОВА
г. Пермь

Радость

Мама! Мама! Посмотри!
Что в коробке? Что внутри?

Наш папа ездил на рынок,
Но он не купил ботинок!

Он в картонной коробке принёс
Чёрный внимательный нос!

А к носу, ты только послушай,
Большие висячие уши!
А с ними, постой, не сказал,
Улыбчивые глаза!

Ах, что же принёс наш папа?
Широкие тёплые лапы!
Шерсти весёлый комок!
Конечно же, это – щенок!

Какой же наш папа герой!
В картонной коробке с собой
Не куклу принёс он, не сладость –
Мохнатую, шумную радость!

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие.....3

РАССКАЗЫ ДЛЯ ДЕТЕЙ
Александр Агафонов (г. Ростов-на-Дону).....6
Алексей Шупиков (г. Брянск).....8
Екатерина Шелеметьева (г. Санкт-Петербург).....15
Александр Савченко (г. Новокузнецк, Кемеровская область)...24
Людмила Ткаченко (г. Минск, Беларусь).....33
Борис Вдовин (г. Орёл).....37
Ирина Нильсен (г. Альбертслунд, Дания).....41
Ира Данилова (г. Санкт-Петербург).....47
Елена Карнаухова (г. Зеленогорск, Красноярский край).....58
Александр Лабинцев (г. Кропоткин, Краснодарский край).....62
Владимир Белоусов (г. Москва).....64
Светлана Горева (г. Нижний Новгород).....78
Юрий Мартыненко (ЛНР).....83
Тамара Мартынюк (г. Партизанск, Приморский край).....93
Елена Жарикова (г. Красноярск).....96

СКАЗКИ
Ольга Аристарина (г. Орёл).....100
Елена Жарикова (г. Красноярск).....111
Ирина Беспалова (г. Орёл).....117
Светлана Панкова (г. Старый Оскол, Белгородская область)...118
Татьяна Баннова (г. Сызрань, Самарская область).....122
Лариса Гордеева (г. Лысьва, Пермский край).....128
Григорий Богданов (г. Симферополь, Крым).....133
Рина Головина (г. Челябинск).....135
Наталья Колокольцева (г. Санкт-Петербург).....140
Татьяна Марченко (г. Макеевка, ДНР).....149
Валерий Суховей (г. Рязань).....152
Виктория Татур (г. Красногорск, Московская область).....155
Александр Колтаков (г. Новокузнецк, Кемеровская область)...160

СТИХИ ДЛЯ ДЕТЕЙ

Ксения Вишневецкая (г. Таганрог, Ростовская область).....166
Анастасия Цимбалова (г. Нижний Новгород).....169
Вера Шалаевская (г. Санкт-Петербург).....171
Елена Карнаухова (г. Зеленогорск, Красноярский край).....173
Виктория Прохоренко (г. Краснодар).....176
Анастасия Лютикова (г. Ростов-на-Дону).....179
Ирина Беспалова (г. Орёл).....180
Мария Шелухина (г. Санкт-Петербург).....181
Александр Алфеев (г. Ярославль).....183
Юлия Логвиненко (д. Заневка, Ленинградская область).....185
Элина Малярова (г. Анива, Сахалинская область).....186
Татьяна Марченко (г. Макеевка, ДНР).....187
Надежда Болтачёва (г. Екатеринбург).....188
Светлана Макарьина (г. Архангельск).....189
Мария Маслина (г. Москва).....191
Мария Шапошникова (г. Пермь).....191

В жюри IV областного литературного конкурса непрофессиональных авторов на лучшее художественное произведение для детей «Берег детства» работали:

Машукова Елена Анатольевна – член Союза писателей России, лауреат всероссийских литературных премий, лауреат международного литературно-педагогического конкурса «Добрая лира» в номинации «Художественная литература для детей»;

Кондратенко Алексей Иванович – доктор филологических наук, член Союза писателей России, лауреат всероссийских литературных премий;

Голубева Светлана Сергеевна – член Союза писателей России, лауреат всероссийских литературных премий, лауреат международного конкурса детской и юношеской литературы имени А.Н. Толстого;

Фролов Андрей Владимирович – член Союза писателей России, лауреат всероссийских литературных премий, лауреат открытой Южно-Уральской литературной премии в номинации «Литература для детей»;

Гордеев Александр Александрович – член Российского Союза писателей, лауреат областного литературного конкурса непрофессиональных авторов на лучшее художественное произведение для детей «Берег детства»;

Большакова Светлана Васильевна – директор центральной детской библиотеки имени И.А. Крылова.

Вестник
Орловского Дома литераторов

Выпуск 8

РАДУГА НАД БЕРЕГОМ ДЕТСТВА

Сборник работ финалистов IV конкурса на лучшее литературное произведение для детей «Берег детства»

Технический редактор Т.А. Агапий

В оформлении обложки использована иллюстрация Л.Е. Жмакиной

Бюджетное учреждение культуры
Орловской области «Орловский Дом литераторов»
302028, г. Орёл, ул. Салтыкова-Щедрина, 1

Подписано в печать 24.02.2021 г. Формат 60х84/16.
Печать офсетная. Бумага офсетная.
Усл.п.л. 11,4. Тираж 100 экз. Заказ №

Отпечатано с готового оригинал-макета
в ООО Полиграфическая фирма «Картуш»
г. Орёл, ул 2-я Посадская, 26. Тел./факс (4862) 44-51-46
E-mail: kartush@orel.ru
www.kartush-orel.ru